

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Качусов Дмитрий Анатольевич

**Гражданская активность как фактор трансформации местного
самоуправления
(на примере регионов Юго-Западной Сибири)**

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:

д-р полит. наук, доцент
Я.Ю. Шашкова

Барнаул 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Местное самоуправление как общественно-политический институт в РФ	30
1.1. Характеристика понятия «местное самоуправление»	30
1.2. Особенности функционирования и проблемы местного самоуправления в РФ	54
Глава 2. Гражданский активизм как форма политического участия на локальном уровне	87
2.1. Гражданская активность: понятие и современные тенденции	87
2.2. Особенности реализации гражданской активности в РФ	107
Глава 3. Взаимодействие граждан и органов местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири	132
3.1. Факторы реализации гражданской активности	132
3.2. Потенциал гражданского активизма в развитии местного самоуправления	148
Заключение	175
Список использованных источников и литературы	182
Приложения	230

Введение

Актуальность темы исследования. Переживаемые современным обществом процессы глубокой трансформации, связанные с развитием коммуникационных технологий, усложнением системы социальных интересов и тенденциями децентрализации политики, расширяют возможности для гражданской активности. В этих условиях появляются новые практики формального, а особенно неформального участия граждан во всех сферах общественной жизни, гражданский активизм становится важным фактором публичной политики различных уровней управления.

В первую очередь расширение форматов гражданской активности затрагивает местное самоуправление, являющееся одновременно уровнем публичной власти, составной частью гражданского общества и элементом социально-экономической системы. В его практике актуализируется принцип непосредственного участия граждан в процессах принятия и реализации решений на местном уровне.

Институт местного самоуправления в Российской Федерации в настоящее время сталкивается в своем функционировании с рядом системных проблем, попытки разрешить которые административными и политическими методами приводят к превращению местного самоуправления в подуровень государственно-административной структуры и его отдалению от населения. Это стимулирует включение значительной доли граждан в процессы самоорганизации и их участие в различных объединениях, которые берут на себя часть функций по разрешению локальных проблем. Формирующееся в данном проблемном поле взаимодействие граждан и муниципальных органов может послужить инструментом повышения эффективности самоуправления, даже с учетом региональной дифференциации в этой сфере.

Также необходимо отметить, что объектом исследования российского местного самоуправления и, в меньшей степени, гражданского активизма зачастую выступают общероссийские тенденции в целом. Вместе с тем,

данная тематика применительно к отдельным субъектам РФ требует особого внимания, так как социально-экономическое состояние большей части российских регионов усугубляет характерные для страны в целом проблемы функционирования местного самоуправления в них. Изучение возможностей влияния гражданской активности на функционирование местного самоуправления в локальных кейсах позволяет сформировать представление о потенциале развития последнего в условиях снижения его самостоятельности и ресурсных ограничений.

В связи со сказанным изучение гражданского активизма как одного из значимых факторов в функционировании и трансформации местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири в 2000–2020-е гг. является актуальным и требует дополнительного осмысления.

Разработанность темы в научной литературе.

Современные исследования гражданской активности и местного самоуправления включают несколько тематических направлений. Первая категория – это исследования, посвященные теории местного самоуправления. Системное научное изучение данной сферы было заложено в трудах юристов и государствоведов XIX и начала XX вв., таких как А. Токвиль, Л. Штейн, К. Реннер, А.И. Васильчиков, Б.Н. Чичерин, Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Н.И. Велихов¹.

Современный этап развития теории местного самоуправления связан с исследованиями его природы, моделей и основных организационных форм учеными В.Е. Чиркиным, А.А. Акмаловой, Л.Т. Чихладзе, С.А. Трыкановой,

¹ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.; Реннер К. Теория капиталистического хозяйства: марксизм и проблема социализирования. М., 1926. 336 с.; Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии / пер. с нем. И.Е. Андреевского. – СПб., 1874. [электронный ресурс] URL: <https://www.prlib.ru/item/388966>; Васильчиков А.И. Русское самоуправление. М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 960 с.; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1. СПб., 1894. 482 с.; Градовский А.Д. Системы местного управления на западе Европы и в России. СПб., 1878. 122 с.; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Том 2. Введение и общая часть. Издание 6-е. СПб., 1909. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/97/2.html#img3> (дата обращения 14.04.2022); Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М.: Наука, 1996. 480 с.

Ю.В. Благовым, Е.С. Горбатюк, В.Г. Шустовым, А.А. Ларичевым и др.² Базовыми вопросами в данной проблемной области остаются соотношение государственного управления и местного самоуправления, положение муниципального уровня в общей структуре публичной власти. Среди исследователей данной тематики можно назвать Ю.Г. Скрипкину, Н.А. Корсикову, А.В. Колесникова, А.Т. Карасева, К.И. Коваленко, В.Н. Завражина, М.А. Шамхалова³.

Сложность и многосторонность института местного самоуправления отражается в научной литературе, в которой представлены исследования его различных аспектов на современном этапе. Значительная часть исследований посвящена конституционно-правовым основам функционирования местного самоуправления, являющимся базисом для формирования его системы в каждом конкретном государстве. В качестве авторов, раскрывавших данную тематику, следует выделить Д.В. Камилову, В.И. Васильева, Г.М. Суходольского, А.Н. Костюкова, Ю.В. Благова, О.А. Кожевникова, Е.А. Бычкову, А.Д. Магденко⁴.

² Чиркин В.Е. Организационные формы местного самоуправления: Россия и зарубежный опыт // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 96-104; Акмалова А.А. Методология исследования местного самоуправления в Российской Федерации: монография. М.: Прометей, 2003. 228 с.; Чихладзе Л.Т. Концепция смешанной (дуалистической) модели местного самоуправления // Вестник Московского университета МВД России. 2011; Трыканова С.А. Дискурс теоретико-методологических подходов к исследованию форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления в РФ // Экономика, педагогика и право. 2015. № 1. С. 2-11.; Благов Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 85-92; Горбатюк Е.С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. №1. С. 86-93; Шустов В.Г. Теории местного самоуправления. Политологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. серия 1. 2013. № 2. С. 246-247; Войтович В.Ю., Мухина И.А. Местное самоуправление: сущность и значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. № 6. С. 124-128; Ларичев А.А. Специфика корпоративной модели местного самоуправления и дивергенция современных подходов к самоуправлению на местах в странах Содружества наций // Правоприменение. 2018. Т. 2. №4. С. 86-97; Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Дуалистическая теория местного самоуправления: условия возникновения и основные черты // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 16. С. 214-220.

³ Скрипкина Ю.Г., Корсикова Н.А. Взаимодействие понятий «государственная власть» и «местное самоуправление» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №1(85). С. 61-65; Колесников А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. №7. С. 44-49; Карасев А.Т., Коваленко К.И. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 73-76; Завражин В.Н. Местное самоуправление в системе современной демократии // Записки Горного института. 2005. Т. 163. С. 230-232; Шамхалов М.А. Местное самоуправление: между государственной властью и гражданским обществом // Власть. 2011. № 3. С. 163-171.

⁴ Камилова Д.В. Проблемы развития правовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета 2018. Т. 28. №4. С. 70-75; Васильев В.И.

В рамках неоинституционализма большое значение составляет степень соответствия нормативных оснований и практики местного самоуправления, что выражается в соотношении его формально-нормативных рамок и неформального наполнения. Данной проблемной темой в России занимаются В.И. Васильев, С.М. Зубарев, С.А. Авакьян, И.В. Мерсиянова и И.В. Выдрин⁵.

Состояние системы местного самоуправления в современной России, структура муниципальных органов и условия, в которых происходит его развитие, отражены в научных публикациях Э. Маркварта, Р.В. Бабуна, Е.И. Васильевой, А.Т. Карасева, А.В. Елькиной, Н.В. Малявкиной, М.Г. Фоминой, О.Ю. Гусельниковой⁶. Важным фактором трансформации местного самоуправления остается государственная политика в отношении данного института, направление и цели проводимых преобразований. В работе для характеристики указанного аспекта использовались научные статьи А.А. Ларичева, Л.Т. Чихладзе, Е.М. Бухвальд, А.Н. Ворошилова, Е.А. Колодиной, Н.В. Рыкова⁷.

Организационно-правовые проблемы местного самоуправления // Журнал российского права. 2008. № 11 (143). С. 29-40; Суходольский Г.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: опыт системного исследования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3(28). С. 20-30; Костюков А.Н., Благов Ю.В. Конституционность муниципальной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 62-65; Кожевников, О.А. Отдельные вопросы правового и организационного обеспечения местного самоуправления на современном этапе // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 62-68. Бычкова Е.А., Магденко А.Д. Муниципальное правотворчество: проблемы и пути их преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: право. 2022. Т. 22. № 2. С. 80-83.

⁵ Васильев В.И. Местное самоуправление: конституционные идеи и практика / В.И. Васильев // Журнал российского права. 2013. №9. С. 5-17; Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex Russica. 2018. №12. С. 83-89; Авакьян С.А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции // Юридический мир, издательство Юрист 2020. № 1. С. 15-20; Мерсиянова И.В. Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований. Изд. 2-е. Новосибирск: Институт неправительственного сектора, 2003. С. 39-47; Выдрин И.В. Местное самоуправление в России: от идеи к практике // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 75-80.

⁶ Маркварт Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. 2016. –№ 6. С. 3-17; Бабун Р.В. О современном состоянии местного самоуправления в России // Местное право. 2016. №6. С. 9-18; Карасев А.Т., Елькина А.В. Система местного самоуправления в РФ: понятие, структура // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №1. С.145-148; Малявкина Н.В., Фомина, М.Г. Модели организации муниципального управления в условиях изменения федерального законодательства в 2013-2015 гг. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. №1 (19). С. 23-29; Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 26-32;

⁷ Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 125–135; Колодина Е.А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 162-170; Рыков А.Н. Необходима ли новая реформа местного самоуправления? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 4. С. 44-

Уровень ресурсной обеспеченности и состояния местных финансов, динамика доходов муниципальных образований в масштабах страны являются важнейшими показателями фактической автономии и состоятельности системы местного самоуправления. Эти характеристики нашли отражение в научных публикациях Е.В. Орловой, Н.В. Ворошилова, О.И. Арлановой, Н.З. Зотикова, М.В. Львовой, Е.Е. Афанасьевой, З.С. Сулеймановой⁸.

Большой интерес представляют работы Е.В. Фроловой, О.В. Рогач, Э.Ю. Майковой, Е.В. Симоновой, Е.А. Бычковой, А.Д. Магденко, Ю.В. Агибалова, Д.Д. Гриневой, П.П. Коротеевой, А.Н. Максимова, в которых исследуются вопросы организации власти на местном уровне и специфика муниципального электорального процесса⁹. Положение муниципальных органов в системе власти в стране, уровень политической субъектности местной власти в современной России изучаются такими исследователями, как В.Я. Гельман, Р.Ф. Туровский, А.Н. Рыков, Т.Г. Голубева¹⁰. Одним из важных

58; Ворошилов, Н.В. Реформа местного самоуправления: тенденции и перспективы // Бюджет. 2020. № 12. С. 94-96; Ларичев А.А., Чихладзе Л.Т. Дуалистическая модель и «разумная централизация» как факторы эффективного функционирования местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т.24. №2. С.233-251.

⁸ Орлова Е.В. Факторы и причины финансово-бюджетной несостоятельности муниципальных образований в современных условиях // Вестник университета. 2018. №5. С. 64-71; Ворошилов Н.В. Проблемы финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 77-90; Арланова О.И., Зотиков Н.З., Львова М.В. Местные бюджеты: проблемы формирования // Вестник Евразийской науки. 2019. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN519.pdf>; Афанасьева Е.Е. Проблемы формирования доходов местных бюджетов в условиях централизации финансовых ресурсов // Вестник Евразийской науки. 2018. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/62ECVN318.pdf>; Сулейманова З.С. Анализ формирования местных бюджетов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №2. С. 89–93.

⁹ Фролова Е.В., Рогач О.В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 369–385. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В., Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития. Власть. 2019. № 5. С. 19-27; Бычкова Е.А., Магденко, А.Д. Муниципальное правотворчество: проблемы и пути их преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: право. 2022. Т. 22. № 2. С. 80-83; Агибалов Ю.В. О реформе местного самоуправления и снижении рейтинга депутатов представительных органов МСУ // Регион: системы, экономика, управление 2019. № 4 (47). С. 217-224; Особенности ротации корпуса мэров в современной России. Доклад Комитета гражданских инициатив / Сост. Гринева Д.Д., Коротеева П.П., Максимов А.Н., Соснин Д.П., Трудолобов А.С. М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2020/12/Mayors.pdf>; Хубаева Д.Ф. Абсентеизм на муниципальных выборах в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6 № 3. С. 133–138.

¹⁰ Рыков А.Н. Соотношение государственного и муниципального интересов как интересов возникающих в сфере публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 4–18. Голубева Т.Г. Местные сообщества в контексте перспективной модели местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 70-76; Гельман В.Я. Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6(67). С. 143-152;

модификаторов данного показателя является распределение полномочий между местным, региональным и федеральным уровнями в публикациях Е.Г. Игумнова и А.П. Кулаева¹¹.

Вопросы внутренней ресурсной обеспеченности и наличия социальной базы местного самоуправления тесно связаны с социально-демографическими характеристиками регионов и локальных сообществ. Анализ данных проблем содержится в научных работах Ю.А. Симагина, В.В. Пациорковского, Д.Д. Муртузалиевой, В.С. Ковина¹². Процессы определения границ и реформирования организационно-территориальной структуры муниципальных образований отражены в исследованиях Ю.В. Благова, Э. Маркварта, Й. Францке, М.Ю. Сушко, С.В. Пакшенова¹³.

Для понимания общественной составляющей самоуправления значимо исследование гражданского активизма и теоретических оснований для его исследования. В качестве авторов, заложивших основные подходы к пониманию данного феномена как составной части общественно-политических процессов, следует назвать таких ученых, как М. Олсон, А. Турен, Т. Гарр, Дж. Девис, М. Залд, Дж. Маккарти, Ч. Тилли¹⁴.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35-51.

¹¹ Игумнов Е.Г. Правовые аспекты института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ // Местное право. 2015. № 6. С. 23-36; Кулаев А.П. Полномочия муниципальных органов управления инструмент экономического развития территории // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. №9. С. 49-64.

¹² Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 59–77; Ковин В.С. Политическая депопуляция муниципальной периферии: политические и электоральные последствия объединения муниципалитетов на примере пермского края // Ars Administrandi. 2022. Т. 14. № 1. С. 122-149; Симагин Ю.А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 60-69; Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. №4. С. 47

¹³ Благов Ю.В. Укрупнение муниципальных образований в новейшее время // Правоприменение 2017. Т. 1. № 3. С. 117-124; Пакшенкова С.В. Опыт укрупнения муниципальных образований в российской и зарубежной практике // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-1 (66). С. 272-276; Маркварт Э., Францке Й. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная Экономика. 2017. № 3. С. 40-61; Сушко М.Ю. Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. Т. 19. №2. С. 259-264; Симагин Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения // Народонаселение. 2013. № 4 (62). С. 87-93.

¹⁴ Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 165 с.; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.; Davies J.C. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 1.

Изучение уровня гражданской активности в России, ее основных форматов и динамики является актуальной темой, которой посвящены научные работы большого числа политологов, социологов и представителей других общественных наук. Л.И. Никовская, И.А. Скалабан, Е.А. Савельева, А.В. Лубский и Д.А. Мамина обозначили в своих публикациях концептуальные основания гражданского активизма, общий вектор его трансформации в современном обществе¹⁵.

Значительный научный интерес представляет исследование гражданского общества в РФ, гражданской и политической активности россиян, их участия в публичной политике. Данная тематика раскрывается в научных статьях В.В. Петухова, А.В. Соколова, А.В. Палагичевой, Ю.А. Головина, Я.В. Барского, С.С. Аносова, О.Б. Молодова, Д.А. Ленькова, М.С. Круглова, К. Клеман, О. Мирясовой, Д.В. Савченко, П.А. Кислякова, К.А. Хрипкина и др.¹⁶

[Электронный ресурс] – URL: <https://www.louischauvel.org/DAVIES2089714.pdf> ; Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461с.; Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 432 с.; McCarthy, J. D., Zald, M. N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. No 82(6), P. 1212-1241.

¹⁵ Никовская Л.И. Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60; Скалабан И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 2(24). С. 78–87; Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1(13). С. 130–139; Савельева Е.А. Гражданская активность в современной России: возможности концептуализации и эмпирического изучения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2015. 24 с.; Лубский А.В. Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 69–78;

¹⁶ Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21; Молодов О.Б. Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2016. № 6(86). С. 132–146. Леньков Д.А. Концепт гражданского общества и опыт его адаптации к российским условиям: традиции и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 183–188. Никовская, Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 144–158. Круглов, М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 233–236. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с; Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений. // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 1(60). С. 98–116; Головин Ю.А., Барский Я.В., Шумилов А.В. Практика взаимодействия населения с общественными организациями как институциональная форма проявления гражданской активности на региональном уровне // PolitBook. 2020. № 4. С. 44–58; Соколов А.В., Палагичева А.В. Тенденции развития гражданского участия в современной России // PolitBook. 2016. № 3. С. 85–97; Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14; Савченко, Д.В., Кисляков П.А., Белякова Н.В. Социальная ответственность и гражданская активность как факторы формирования безопасного просоциального поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25.

Важной характеристикой гражданской активности в России является взаимодействие ее субъектов с муниципальными органами и государственными институтами. В качестве исследователей, занимающихся изучением общественно-государственных взаимоотношений, следует назвать В.Н. Якимец, А.А. Плотникова, И.В. Мерсиянову, Е.Н. Гоголеву, В.А. Ширяеву, И.Ю. Ленскую, А.П. Кочеткова, В.А. Воропанова, О.А. Бурянину, Т.Н. Бушуеву¹⁷.

Мотивационно-ценностный аспект гражданского активизма, его движущие силы представлены в научных публикациях Р.В. Петухова, Р.Э. Бараш, Н.Н. Седовой, Н.В. Волковой, Л.А. Гусевой, Д.В. Хрипковой, М.С. Начкебия, М.Н. Реутовой и др.¹⁸

Также следует выделить исследования поколенческих особенностей гражданской активности, ее специфику в молодежной среде, характерные для нее формы гражданского участия. В качестве основных авторов научных работ по этой проблематике можно назвать С.Ю. Асеева, Я.Ю. Шашкову, Р.В. Парму, И.Н. Трофимову, Г.И. Герасимову, О.В. Швецову, Л.В. Логинову, А.В. Селезнева и др.¹⁹ В статьях А.А. Фролова, И.Н. Трофимовой,

№ 4. С. 60–64; Хрипков, К.А. Анализ габитуса гражданской активности в рамках локальной самоорганизации населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11(67). С. 59–61.

¹⁷ Плотников А.А. Общественное участие в местном самоуправлении: декларации и реальность // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 74-76; Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления – 2008. № 1. С. 52-66; Гоголева Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 126-135; Ширяева В.А., Ленская И.Ю. Доверие населения к органам муниципальной власти как основа активного участия граждан в общественной жизни муниципального образования: современное состояние // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 183-186; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. С. 15-25; Кочетков А.П. Гражданский контроль – важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России // Политическая наука. 2017. № 5. С. 107-123; Воропанов В.А., Бурянина О.А., Бушуева Т.Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 3(93). С. 46–55.

¹⁸ Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19; Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 59–72; Хрипкова Д.В., Начкебия М.С., Реутова М.Н., Хрипков К.А. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 55–68.

¹⁹ Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Активность молодежных политических организаций как фактор регионального политического процесса (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3, № 1. С. 87-93; Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 31-47; Трофимова И.Н. Поколенческий фактор гражданской

С.Ю. Сергеевой, М.О. Абрамовой и Е.В. Сухушина представлены результаты исследования гражданского активизма на региональном уровне²⁰.

Особую актуальность для данного исследования представляют научные работы, посвященные исследованию проблем местного самоуправления и гражданской активности в регионах Юго-Западной Сибири. В качестве авторов, посвятивших этому свои исследования, можно назвать Я.Ю. Шашкову, И.А. Скалабан, М.М. Кислякова, Ю.А. Пустовойта, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзину²¹.

В связи с нарастанием темпов процесса урбанизации, актуальными являются исследования Ю.А. Пустовойта, А.И. Кольбы, А.В. Глуховой, А.В. Соколова, М.В. Росляковой, А.В. Кийкова, О.В. Нотман, посвященные проблемам городских обществ, политическим режимам в городах и особенностям городского конфликтного взаимодействия²². Интерес

активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 2(10). – С. 5–17; Герасимова Г.И., Швецова О.В. Теоретические подходы к исследованию гражданской активности молодежи // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 15–18; Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 160–167; Логинова Л.В., Щепланова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 98–108; Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Состояние и проблемы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении: экспертный анализ // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 1(34). С. 66–75; Попова С.Ю., Селезнева А.В. Социально-политическая и гражданская активность молодежи: между массовизацией и индивидуализацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, № 1(37). С. 12–22.

²⁰ Сергеева С.Ю. Формы и уровень социальной активности граждан в современной России (по результатам вторичного анализа) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. С. 41–44; Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4(372). С. 72–77; Фролов, А.А. Индекс гражданской активности: результаты исследований в Ярославской области // Власть. 2017. Т. 25, № 9. С. 120–126; Абрамова, М.О. Отношение населения Томской области к общественным организациям как маркер гражданского общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1(29). С. 5–15.

²¹ Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Мотивы и факторы политической активности учащейся молодежи приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 231–242; Максимова С.Г. и др. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 3. С. 13–50; Скалабан И.А. Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т.4. № 4 (14). С. 138–142; Кисляков М.М. Влияние политического маркетинга на модернизацию регионального политического управления и местного самоуправления // Социогуманитарный вестник. 2011. № 6. С.60–65; Пустовойт Ю.А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 122–130.

²² Кийков А.В. Социальный капитал городского поселения как ресурс местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. соц. Наук. М., 2011. 19 с.; Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86–94; Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: типология, причины формирования и возможности акторов // Вестник

представляет и изучение гражданской активности в городах, в которых концентрируются человеческие и материальные ресурсы и внедряются новые форматы деятельности. Характеристики городского гражданского активизма, специфика локальных городских движений и типологии городских сообществ представлены в научных публикациях Б.С. Гладарева, Е.В. Головацкого, Н.В. Нятиной, А.В. Павлова, И.А. Скалабан, И.Г. Старикова, Е.В. Тыкановой, А.М. Хохловой и др.²³

Также необходимо отметить, что развитие в последние десятилетия информационно-коммуникационных технологий привело к повышению их роли в общественных процессах, политическом и социальном управлении. Рост виртуального гражданского активизма изучается в научных статьях А.В. Соколова, А.А. Фролова, Я.В. Барского, А.А. Гнедаша, Н.А. Рябченко, О.В. Михайловой, Т.А. Невской, О.Н. Демушиной, Ю.А. Головина, А.П. Кочеткова и др.²⁴

Бурятского университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 9-16; Кольба А.И., Рослякова М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и общество. 2018. № 8. С. 42–55. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 44–65.

²³ Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011-2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 29–43; Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 185–209; Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239–252; Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234-252; Головацкий, Е.В., Нятина Н.В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 300–309; Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57; Скалабан И.А. Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т.4. № 4(14). С. 138-142; Стариков И.Г. Социальный капитал в сетях городских некоммерческих проектов: сетевой анализ аудиторий групп городских проектов в социальной сети ВКонтакте // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11(85). С. 24–32; Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.

²⁴ Михайлова О.В. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «стратегия Чеширского кота» по управлению сетями // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 4. С. 6–18; Невская, Т.А. Гражданский активизм как ресурс политического администрирования медиапространства: российский и международный опыт // Социодинамика. 2020. № 9. С. 18–29; Демушина, О.Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества // Карельский научный журнал. 2015. № 1(10). С. 114–117; Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198; Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. №

В этих условиях происходит рост численности и значения гражданских объединений, действующих преимущественно в интернет-среде и использующих онлайн-формы деятельности, что нашло отражение в научных публикациях Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко, О.В. Поповой, А.Б. Скуратова, А.В. Палагичевой, Н.Н. Бронникова, В.И. Курбатова, Д.А. Коршунова и др.²⁵

Расширение числа участников общественно-властных взаимоотношений приводит к перестройке принципов их организации, что актуализирует сетевой подход как методологию исследования публично-политической сферы, в особенности на локальном уровне. Изучением различных типов сетей в обществе, определением особенностей их формирования и функционирования сетевых отношений между различными субъектами занимались такие авторы, как Л.В. Сморгун, М. Кастельс, Т. Берцель, Р. Родс, Д. Марч и Д. Ноук²⁶.

Не меньшее значение для исследования имеют вопросы трансформации теорий государственного, политического и общественного управления в

2. С. 68–74; Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А.В. Соколов, // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 42–47; Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 42–47; Гнедаш, А.А., Рябченко, Н.А. Теоретическая модель «Сетевой локальной политики»: имплементация и анализ органов местного самоуправления и локальных online-сообществ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. С. 358-367; Кочетков А.П. Роль цифрового правительства в повышении эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в современной России // PolitBook. 2020. № 2. С. 6-23.

²⁵ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: типы поведения акторов // Южно-российский журнал социальных наук. 2010. №4. С. 16-24; Мирошниченко И.В. Формирование субъектности сетевых сообществ в российской публичной политике // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №1. С. 76-86; Попова О.В., Сулов С.И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. 2021. № 1. С. 160-182; Скуратов А.Б. Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №33 (134). С. 8-13; Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198; Курбатов В.И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 2. С. 15–27; Коршунова, Д.А. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях как одна из форм медиации в культурном пространстве города // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 1А. С. 199–207; Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 1. С. 7–18.

²⁶ Сморгун Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. 320 с.; Marsh D., Smith M. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. No 1. P. 4-21; Knoke, D., Kuklinski, J. Network Analysis. Beverly Hills, 1982. 96 p.; Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51; Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. 318 p.; Brzel T. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks // Public administration. 1998. No. 76. P. 253-273.

современном мире. В частности, это сформировавшиеся в конце XX в. идеи «нового менеджмента» и иные теории эффективного руководства (Д. Осборн, Т. Геблер, П. Пластрик, П. Друкер, Х. Стивенсон, У. Фишел и др.)²⁷ и «Governance» (М. Липски, Скелчер, Книлл, Лемскил²⁸). Высокую актуальность в современном информационном обществе обрели концепции «электронной демократии» (Е. Масуда, С. Клифт, Х. Бухштейн, Б. Новек²⁹), «цифровой демократии» (Б. Хейг, Б. Лоадер, К. Ленк³⁰), «цифрового государства» (М. Даррелл, С. Понт³¹), «мониторной демократии» (Дж. Кин³²), «электронного государства» (Л.В. Сморгунов, Ю.В. Ирхин³³), «облачной демократии» (Л. Волков, Ф. Крашенинников³⁴).

На локальном уровне современные теории управления в большей степени ориентированы на городские поселения и представлены такими подходами, как концепция «нового локализма» (Д. Хесс, Б. Кац и Д. Новак³⁵), концепция устойчивого развития (Е. Остром, А. Альварез-Рико, М. Розен, К.Е. Полуниин, С.В. Серебрякова, А.А. Энговатова³⁶), идеями «urban

²⁷ Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. New-York: Plume, 1993. 428 p.; Осборн Д., Пластрик П. *Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства*. М.: ИГ «Прогресс», 2001. 35 с.; Друкер П. *Управление в обществе будущего*. М, 2007. 306 с.; Stevenson H.H., Jarillo J.C. A paradigm of entrepreneurship: *entrepreneurial Management // Strategic Management Journal*. 1990. Vol. 11. P. 17-27; Fischel W. *The Homevoter Hypothesis: How Home Values Influence Local Government Taxation, School Finance, and Land-Use Policies*. Harvard University, 2005. 344 p.

²⁸ Lipsky, M. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service*. New-York, 2010. 300 p.; Skelcher C., Sullivan H., Jeffares S. *Hybrid Governance in European Cities: Neighbourhood, Migration and Democracy*. Basingstoke: Palgrave, 2013. 190 p.

²⁹ Масуда Е. *Компьютопия // Философская и социологическая мысль*. 1993. № 6. С. 36-47; Clift S. *E-government and democracy. Representation and citizen engagement in the information age*. Minneapolis, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://stevenclift.com/wp-content/uploads/2009/05/cliftegovdemocracy.pdf>; Buchstein H. *Bytes that Bite: The Internet and Deliberative Democracy // Constellations*. 1997. Vol. 4. P. 248-263; Новек Б. *Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию - сильнее, а граждан - влиятельнее*. М.: Альпина Паблишер, 2012. 290 с.

³⁰ *Digital Democracy. Discourse and Decision Making in Information Age / Ed. by Hague B., Loader B.* London: Routledge, 1999. 277 p.

³¹ Darrell, M.W. *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*. Princeton, 2005. 234 p., Pont, S. *Digital State: How the Internet is Changing Everything*. London: Kogan Page, 2013. 256 p.

³² Кин Дж. *Демократия и декаданс медиа*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.

³³ Сморгунов Л.В. *От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука*. 2007. №4. С. 20-33; Ирхин Ю.В. «Электронное правительство»: зарубежный опыт и российские реалии // *Ars Administrandi*. 2009. № 1. С. 13-27.

³⁴ Волков Л.; Крашенинников Ф. *Облачная демократия*. Изд. 2-е. М., Екатеринбург, 2013. 240 с.

³⁵ Hess D.J. *Localism and the Environment // Sociology Compass*. 2008. No 2(2). P. 625-638; Katz B., Nowak J. *The New Localism: How cities can thrive in the age of populism*. Brookin: Institution Press 2018. 304 p.;

³⁶ *Building Sustainable Cities: Social, Economic and Environmental Factors / ed. by A. Alvarez-Risco, M. Rosen, S. Del-Aguila-Arcentales, D. Marinova*. Cham: Springer, 2020; Ostrom E. *Green from the Grassroots // Project Syndicate [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots->

governance» или «городского соуправления» (Дж. Пирри, О.В. Нотман, Э.А. Титов)³⁷.

Подводя итог обзору научных исследований, можно констатировать, что вопросы взаимосвязи развития местного самоуправления и гражданской активности являются актуальными для российского политического процесса и вызывают растущий интерес исследователей. Однако, несмотря на то, что в научной литературе существует обширный пласт исследований по данной тематике, в основном они концентрируются на федеральном уровне, в то же время особенности системы самоуправления, практика взаимодействия граждан и органов местной власти, новые формы гражданского активизма на уровне регионов (в частности, на территории Юго-Западной Сибири) остаются малоисследованными. Поэтому данная тематика заслуживает более полного и подробного освещения в рамках отдельного направления исследования политических институтов и процессов в России.

Объектом исследования выступает местное самоуправление как сфера взаимодействия гражданского общества и государства на локальном уровне в Российской Федерации. **Предметом** – особенности институционализации и современное состояние гражданской активности в регионах Юго-Западной Сибири, ее роль и потенциал влияния на трансформацию местного самоуправления и решение локальных проблем.

Целью исследования является оценка современного состояния и роли институтов гражданского активизма в регионах Юго-Западной Сибири в контексте тенденций развития системы местного самоуправления в РФ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

2012-06 (дата обращения: 27.07.2022); Полунин К.Е., Серебрякова С.В., Энговатова А.А. Иерархия целей устойчивого развития города и методология оценки их достижения // Инновации. 2019. № 7 (249). С. 50–58.

³⁷ Pierry J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // Urban Affairs Review. 1999. Vol. 34. No. 3. P. 372-396; Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86-94. Титов Э.А. Городское соуправление: концепция и современные исследования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 174.

1. Дать характеристику местному самоуправлению как социально-политическому институту, выделить основные подходы к его определению и место во взаимодействии общества и государства;
2. Определить особенности функционирования, динамику и проблемы системы местного самоуправления в Российской Федерации;
3. Охарактеризовать содержание и глобальные тренды трансформаций гражданской активности в современных условиях;
4. Оценить уровень и выделить основные тенденции развития гражданского активизма в РФ на современном этапе;
5. Выявить масштабы, приоритетные направления, формы и каналы проявления гражданской активности в регионах Юго-Западной Сибири;
6. Оценить степень и характер влияния гражданской активности на систему местного самоуправления в исследуемых регионах, определить детерминирующие их факторы.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с начала 2000-х гг. до 2022 г. Нижней границей выступает принятие в 2003 г. Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который служит основополагающим нормативным документом, определяющим современную систему российского местного самоуправления. Определение верхней границы соотносится с началом перестройки местного самоуправления в ряде исследуемых регионов на систему муниципальных округов.

Территориальные рамки исследования включают четыре субъекта Юго-Западной Сибири – Алтайский край, Новосибирская, Томская и Кемеровская области. Данные регионы принадлежат к одному географическому макрорегиону и имеют близкие национально-демографические характеристики, что делает их сравнение валидным. В то же время различия указанных территорий по уровню экономического и социального развития, степени урбанизации позволяют провести сравнение предмета исследования в различной социально-политической среде.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют несколько групп источников.

Первую группу источников составили Конституция РФ³⁸ и законы РФ, регулирующие сферу местного самоуправления: Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³⁹, № 136-ФЗ «Федеральный закон "О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ"»⁴⁰. Также в нее включаются региональные законодательные акты о местном самоуправлении⁴¹ и нормативно-правовые источники более ранних исторических периодов⁴².

³⁸ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2022).

³⁹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 08.09.2022).

⁴⁰ О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: федер. закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 08.09.2022).

⁴¹ Закон Алтайского края от 27 ноября 2008 года № 112-ЗС «О статусе и границах муниципальных и административно-территориальных образований Змеиногорского района Алтайского края» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819075299>; Закон Алтайского края от 27 ноября 2014 года № 92-ЗС «О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/423862484>; Закон Алтайского края от 02 сентября 2015 года № 70-ЗС «О преобразовании муниципального и административно-территориального образования город Камень-на-Оби Алтайского края» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/430541504>; Закон Кемеровской области № 220 от 29.11.2013 «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав территории Новокузнецкого муниципального района...» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465200451>; Закон Кемеровской области от 28 июня 2019 года № 42-ОЗ «О внесении изменений в Закон Кемеровской области "О статусе и границах муниципальных образований"» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561450466>; Закон Томской области от 17 ноября 2014 года № 151-ОЗ «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Томской области» // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/467916939> (дата обращения: 14.09.2022).

⁴² Закон РФ «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 06.07.1991 № 1550-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/; Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 N 154-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/; Городовое положение. Выс. утв. 16 июня 1870 г. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/713284> (дата обращения: 16.09.2022); Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/438005> (дата обращения: 16.09.2022); О введении волостного земского самоуправления: постановление Временного

Вторая группа источников: отчеты и статистические данные государственных органов власти (Росстат, Министерство юстиции, Министерство финансов⁴³), региональных Общественных палат⁴⁴, профильных объединений (Всероссийская Ассоциация развития местного самоуправления, Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания РФ, региональные советы по местному самоуправлению⁴⁵). Они

Правительства от 21.05.1917 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/438242> (дата обращения: 18.09.2022).

⁴³ Административно-территориальное устройство Алтайского края // Официальный сайт Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: <https://altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/Administrativno-territorialnoe-ustroistvo-Altayskogo-kraia/>; Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) / Под ред. Ю.С. Любимова. – М.: Министерство юстиции РФ, 2020. – 184 с.; Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2017 г. - начало 2018 г.) / Министерство юстиции РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>; Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube; Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2015 г. – начало 2016 г.) // Министерство юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42812/>; Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года. Архивная копия от 13 сентября 2022 // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-11_VPN-2020.xlsx; Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов - райцентров и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более // Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls; Численность населения по полу по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_RF_01-01-2022_VPN-2020.xls; Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-adm-2022.xlsx>; Число муниципальных образований по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>

⁴⁴ Ежегодный доклад Общественной палаты Новосибирской области о состоянии гражданского общества в Новосибирской области за 2020 год. 13.01.2021 // Общественная палата Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://op.nso.ru/page/6448>; О состоянии гражданского общества в Алтайском крае. Принят на заседании Общественной палаты 19.03.2020 // Доклад Общественной Палаты Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://opak.alregn.ru/activity/reports/>

⁴⁵ Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации // Всероссийская Ассоциация развития местного самоуправления. – М., 2021. – 306 с.; Доклад о состоянии местного самоуправления и развитии муниципальных образований в Новосибирской области // Совет муниципальных образований Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/08/Doklad_msu_Novosibirsk_2017.pdf; Материалы к заседанию на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления» // Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. – М., 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAP0o0U2nVGBwYjx6dRDc3cQmcYQMVoy.pdf>; Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года. 13.05.2021 // Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: <http://tos04.ru/wp-content/uploads/2022/12/Стратегия-развития-ТОС-в-Российской-Федерации->

позволяют изучить состояние отдельных аспектов системы местного самоуправления (финансового, нормативного, организационного), практики и форматы взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и гражданских объединений.

К третьей группе источников относятся данные исследований общественного мнения, проведенных аналитическими центрами (Левада-центр⁴⁶, ВЦИОМ, АСИ-ЦИРКОН⁴⁷), образовательными и научными учреждениями (ВШЭ, Институт социологии РАН⁴⁸), позволяющий определить уровень гражданской активности в России, наиболее распространенные формы активизма, а также основные сферы приложения усилий активистов.

Четвертую группу источников составляют материалы страниц городских и региональных гражданских объединений в социальных сетях и мессенджерах ВКонтакте, Instagram⁴⁹, Facebook⁵⁰, Twitter, Одноклассники, мессенджера Telegram, видеохостинга YouTube, их сайтов в сети интернет, которые дают информацию о представленности данных сообществ на разных

до_2030-9.03.2021.pdf; Аналитический обзор «О тенденциях развития некоммерческого сектора в кемеровской области» // Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественный инициатив» – Кемерово, 2018. – 45 с.; Доклад о состоянии местного самоуправления в Алтайском крае в 2021 году // Ассоциация «Совет муниципальных образований Алтайского края» [Электронный ресурс]. – URL: <https://смоалтайскогокрая.рф/councilactivity> (дата обращения: 15.02.2023)

⁴⁶ Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 года включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент»

⁴⁷ Россияне о выборах мэра. 19.05.2014 // Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/19-05-2014/rossiyane-o-vyborakh-mera> (дата обращения: 21.08.2022); Доверие институтам. 21.09.2020 // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>; Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. 02.08.2011 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>; Гражданская активность. 07.07.2022 // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/>; Гражданская активность. 13.10.2021 // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/>; Гражданская активность и общественные проблемы. 27.04.2020 // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshchestvennye-problemy/>; Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы. 2008. Отчетные материалы проекта // Агентство социальной информации ЦИРКОН [Электронный ресурс]. – URL: http://oruo.ru/wp-content/uploads/drupal/nko_doc/obshchestvennaya_podderzhka_nko_v_regionah_problemy_i_perspektivy.pdf

⁴⁸ Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Март 2014 // Материалы социологического опроса Института социологии РАН. В сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014(1).pdf); Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. Л.Г. Бызова – М.: Весь Мир, 2011.-328 с.;

⁴⁹ Является продуктом компании Meta, решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. признанной в РФ экстремистской организацией.

⁵⁰ Является продуктом компании Meta, решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. признанной в РФ экстремистской организацией.

площадках, направлениях их деятельности, численности и составе участников, уровне реальной и виртуальной активности. Результаты проведенного автором мониторинга этой группы источников представлены в приложениях.

К пятой группе источников относятся материалы региональных информационных агентств и интернет-СМИ, касающиеся деятельности гражданских сообществ и активистов в регионах, ее масштабов, реакции власти и общества на эту активность, позиции по проблемным вопросам⁵¹.

Шестую группу источников образуют материалы и результаты экспертного интернет-опроса руководителей и модераторов гражданских объединений Юго-Западной Сибири, проведенного диссертантом в 2021 г. Метод – анкетирование, было получено 15 экспертных интервью. В ходе опроса был уточнен ряд значимых характеристик исследуемых сообществ: внутренняя структура, формы и методы деятельности, источники ресурсов,

⁵¹ Бийские справедливороссы собирают подписи за возврат прямых выборов мэра // АиФ-Алтай. [Электронный ресурс]. – URL: https://altai.aif.ru/company/biyskie_spravedlivorossy_sobirayut_podpisi_za_vozvrat_pryamyh_vyborov_mera; Более четырех тысяч бийчан выразили недоверие властям города и потребовали вернуть выборы мэра // ИА БанкФакс [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bankfax.ru/news/87622/>; В Барнауле обсудили проблемы сохранения исторической части города // Катунь 24. – 2021. – 12 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://katun24.ru/news/638833>; В воскресенье в Кемеровской области прошли референдумы по вопросу объединения в единое муниципальное образование г. Топки и Топкинского района, а также г. Мариинск и Мариинского района // Администрация Правительства Кузбасса. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ako.ru/news/detail/old-48139>; В день местного самоуправления в Барнауле заработал новый гражданский проект. 22.04.2013 // Тематическое сообщество «Муниципал» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.municipal-sd.ru/?q=node/376>; В Кемерове состоялась дискуссионная площадка по взаимодействию власти и кузбассовцев, посвященная реализации нацпроектов. 14.10.2019 // BeZФормата [Электронный ресурс]. – URL: <https://kemerovo.bezformata.com/listnews/diskussionnaya-ploshadka-po-vzaimodejstviyu/78428886/>; В Томской области насчитывается 40 тысяч волонтеров. // TOMSK.KP.RU. – 2022. – 5 декабря [Электонный ресурс]. – URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/5041295/>; Выборы мэров Кемерово и Новокузнецка отменили по-тихому // ИД Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875861> (дата обращения: 14.09.2022); Гордума Барнаула отменила выборы мэра // ИД Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1532548>; Мастерская городских идей // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/urbanideaworkshop>; По зову сердца: что делают волонтеры Алтайского края. 08.12.2021 // Информационный портал НКО Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://nko.alregn.ru/news/po-zovu-serdtsa-chno-delayut-volontery-altayskogo-kraya/>; Почти вдвое увеличилось количество добровольцев в регионе за пять лет 06.04.2023 // Правительство Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nso.ru/news/58233>; Ресурсные центры, ТОС, инновации: новосибирские НКО поделились опытом развития. 2018 // Агентство социальной информации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/06/18/resursnyetsent/>; Самим не управиться // ИД Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – URL: [https://er.ru/activity/news/storonniki-edinoj-rossii-zapustili-v-kemerovo-centr-podderzhki-grazhdanskih-iniciativ](https://www.kommersant.ru/doc/2639772#:~:text=«У%20муниципалитетов%20постепенно%20отбираются%20все,руках»%2C%20—%20считает%20господин%20Кынев; Сторонники «Единой России» запустили в Кемерово «Центр поддержки гражданских инициатив». // Единая Россия. Официальный сайт. – 2018. – 27 сентября. [Электронный ресурс]. – URL: <a href=);

взаимодействие с органами власти и другими сообществами, а также прогнозы экспертов о динамике развития представляемых сообществ.

Теоретической основой исследования послужили системный и структурно-функциональный подходы, обеспечивающие изучение структуры местного самоуправления, гражданского активизма, институтов их взаимодействия в регионах и муниципалитетах Юго-Западной Сибири как системно-организованной структурной целостности, где каждый элемент несет определенное функциональное значение. Также они дают возможность рассмотреть гражданские сообщества в пространстве публичной политики и процессе принятия решений на местном уровне, представив их как открытую систему, взаимодействующую со средой и испытывающую влияние социально-экономических, социокультурных и политических особенностей регионов.

Исторический подход обусловил изучение процессов становления и развития системы местного самоуправления и гражданского активизма в России и регионах в контексте политического процесса 2000-х – 2010-х гг., а также общей логики общественных и политических трансформаций в современных условиях.

Для исследований особенностей функционирования системы местного самоуправления применялся неоинституциональный подход (М. Олсон, Д. Норт⁵²), который позволяет рассматривать содержание института самоуправления как системы норм, правил и совместных стратегий, определяющих рамки политических процессов, основные его признаки и характерные черты. Гражданская активность и формы ее проявления с позиций неоинституционализма также раскрываются как совокупность формальных и неформальных институтов, создаваемых людьми для защиты собственных интересов. Они зачастую не имеют формальных рамок, однако объективно существуют в современных реалиях и вносят серьезные

⁵²Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 165 с.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. А.Н. Нестеренко – М.: Начала, 1997. – 190 с.

коррективы в политический процесс, что позволяет изучать систему отношений между его участниками с учетом доминирующих в ряде случаев неформальных правил, а также оценить эффективность местных общественных и политических структур.

Для анализа структур гражданской активности и их взаимосвязей с местными политическими и экономическими акторами используется сетевой подход (Д. Ноук, Дж. Марч, Р. Родес, Т. Берцель, М. Кастельс⁵³). С точки зрения данной теории публичная политика на местном уровне рассматривается как сеть взаимодействий между гражданами, формальными и неформальными общественными структурами, органами местного самоуправления и иными акторами. Муниципальное управление и самоуправление анализируется с позиции идеи постбюрократической организации, перехода от традиционной иерархической структуры к горизонтальным отношениям партнерства, развития идей соуправления. Кроме того, сетевой характер имеют и структуры самоорганизующихся гражданских сообществ, что позволяет дать общую характеристику современному состоянию развития институтов самоорганизации граждан на местах как децентрализованных, ризоморфных и неиерархичных элементов социума.

Кроме того, необходимо отметить такое направление, как социальный неонституционализм, представляющий своего рода синтез неонституционального и сетевого подхода и открывающий широкие возможности для изучения взаимоотношений между государством и обществом, соединяющей их системы социальных связей⁵⁴.

Процесс трансформации института местного самоуправления рассматривается через призму теории модернизации. Представители

⁵³ Marsh D., Smith M. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. No 1. P. 4-21; Knoke, D., Kuklinski, J. Network Analysis. Beverly Hills, 1982. 96 p.; Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. 318 p.; Brzel T. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks // Public administration. 1998. No. 76. P. 253-273.

⁵⁴ Marsh D., Rhodes R. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. New-York: Oxford University Press, 1992. 295 p.; Coleman, J.S. Foundations of social theory. London: Belknap press of Harvard univ. press, 1990. 993 p.

современного консервативного крыла данной теории (С. Хантингтон, Р. Нельсон, С. Уинтер⁵⁵) указывают на уникальность модернизационных путей разных обществ. Основной движущей силой модернизационного перехода выступает разрыв между уровнем вовлеченности населения в политический процесс и институализацией механизмов артикуляции и агрегирования их интересов, что как раз характерно для низового уровня российской публичной политики.

Рассмотрение мотивации индивидов к проявлению гражданской активности возможно через теорию связи культурно-ценностных и политических изменений, обозначенных Р. Инглхартом и П. Вельцелем⁵⁶. Анализ гражданской активности в России демонстрирует, что участие индивидов в его практиках в современных условиях определяется факторами как материального, так и постматериального характера.

При анализе причин возникновения, форм и методов деятельности самоорганизующихся гражданских сообществ используется теория общественно-политических движений в версии концепции мобилизации ресурсов (М. Залд, Дж. Маккарти, Ч. Тилли⁵⁷).

Раскрыть роль и значение онлайн-активистов, виртуальных сообществ, социальных сетей и интернет-СМИ в современной публичной политике позволяет теория мониторинга демократии Дж. Кина⁵⁸.

Методы исследования:

– для изучения нормативных оснований института местного самоуправления использовался нормативно-правовой анализ законодательных актов в этой сфере;

⁵⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.; Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. М.Я. Каждана. М.: Финстатинформ, 2000. 472 с.

⁵⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

⁵⁷ Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 432 с.; McCarthy J. D., Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. No 82(6). P. 1212-1241.

⁵⁸ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.

– метод институционального анализа применялся при исследовании особенностей динамики формирования системы местного самоуправления в РФ, а также особенностей существующих моделей самоуправления в исследуемых регионах;

– вторичный анализ статистических данных использовался при работе с данными статистики государственных органов, социологических опросов, отчетов региональных общественных палат и общественных организаций;

– метод сетевого анализа дал возможность выявить структуру, участников и особенности сетевого взаимодействия гражданского сообществ и органов власти, проанализировать их цели и каналы взаимодействия;

– применение метода case-study связано с комплексным изучением гражданских сообществ как уникальных локализованных политических акторов;

– рассмотрение функционирования самоорганизующихся сообществ как совокупности событий через анализ публикаций об их деятельности в СМИ и сети Интернет обусловило применение метода ивент-анализа;

– сравнительный анализ дал возможность выявить общие черты и особенности складывания и функционирования сообществ гражданских активистов в разных регионах Юго-Западной Сибири;

– для уточнения собранных данных и выявления существующих оценок эффективности влияния гражданских сообществ на местное самоуправление был проведен экспертный опрос.

Положения, выносимые на защиту:

– Можно выделить два подхода к определению института местного самоуправления: 1) государственный, с позиций которого оно представляется как составная часть административно-политической системы государства, ее структура на местах; 2) общественный – характеризует местное самоуправление как часть гражданского общества, сферу самоорганизации людей, позволяющую местным социумам защищать свои интересы и решать стоящие перед ними задачи.

– Характерная для российской политической традиции тенденция огосударствления системы местного самоуправления, наличие в нем системных проблем побуждают граждан к самоорганизации с целью защиты своих интересов и самостоятельному решению локальных проблем. С другой стороны, низкая гражданская активность жителей, отсутствие у них заинтересованности во взаимодействии с местными органами выступает одной из ключевых проблем местного самоуправления в России, снижающих эффективность его функционирования.

– Цифровая трансформация современного общества упростила создание неформальных гражданских инициатив, расширила формы и методы их деятельности, их возможности влияния на процесс принятия решений и публичную политику на локальном уровне. Ограничения периода пандемии в сочетании с перманентным дефицитом ресурсов привели к доминированию онлайн-форматов в деятельности и коммуникации местных гражданских сообществ с населением, сторонниками, СМИ и органами власти, сохранившемуся в пост-ковидный период.

– Большинство гражданских объединений в регионах Юго-Западной Сибири сосредоточены в крупных городах, прежде всего в административных центрах регионов, и действуют в одной из общественно-значимых проблемных областей: градозащита и урбанистика, экология, помощь животным, волонтерство, краеведение и т.д. Они не имеют формальной организационной структуры, оформленного членства и официальной регистрации, выступая как формой самоорганизации граждан для решения конкретных локальных проблем, так и элементом постматериального дискурса.

– В связи с низким уровнем гражданского участия в исследуемых регионах, местные сообщества активистов не располагают кадровыми и иными ресурсами, достаточными для самостоятельного достижения поставленных целей, в связи с чем не могут выступать равнозначными участниками взаимодействия с бизнес-структурами и органами власти,

обращаясь к последней для решения проблемных вопросов. Органы власти используют эту ситуацию для контроля направленности и масштабов гражданского активизма, мониторинга локальной проблемной повестки, разгрузки муниципального уровня от некоторых социальных функций и обеспечения себе дополнительной легитимации.

– Для получения ресурсной поддержки структуры гражданского активизма в регионах Юго-Западной Сибири встраиваются в формируемые властями институциональные механизмы, уходят в локальную проблематику и не претендуют на политическую субъектность, а потому в итоге не имеют потенциала переформатирования сложившейся модели местного самоуправления.

Научная новизна. В диссертационной работе на основе системного политологического исследования получены следующие научно обоснованные положения, обладающие новизной:

– Выделены государственный и общественный подходы к определению местного самоуправления, на основе их сравнительного анализа обоснована значимая роль общественной составляющей в функционировании МСУ.

– Выявлены системные проблемы местного самоуправления в РФ (низкий уровень участия жителей, слабая политическая субъектность муниципалитетов, ресурсная недостаточность), доказана их взаимосвязь с состоянием гражданской активности в регионах: данные проблемы выступают как стимулами, так и следствием уровня развития гражданского активизма в регионах РФ.

– Раскрыта специфика функционирования местных гражданских сообществ в регионах Юго-Западной Сибири; во-первых, их деятельность в основном сосредоточена в трех проблемных сферах (урбанистика, экология, гражданско-патриотическая); во-вторых, большинство гражданских сообществ функционируют в городах и региональных центрах.

– Установлена ключевая роль интернет-технологий в трансформации сферы гражданского активизма в регионах Юго-Западной Сибири на современном этапе: большинство местных сообществ гражданских активистов функционируют как интернет-сообщества и/или используют интернет в качестве основного канала взаимодействия с населением, сторонниками, СМИ и органами власти, тем самым компенсируя ограниченность иных видов ресурсов.

– Определены особенности структуры, социального состава и мотивации участников местных гражданских сообществ: они отнесены к слабоинституционализированным структурам с нефиксированным членством; численность их сторонников варьируется от нескольких десятков до нескольких тысяч человек; мотивом участия активистов в сообществах выступает сочетание прагматических личных целей с ценностями постматериального характера.

– Доказана зависимость уровня развития гражданского активизма в регионах Юго-Западной Сибири от объемов ресурсной поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, в связи с этим гражданским активистам выгодно включаться в различные механизмы межсекторного взаимодействия и принимать устанавливаемые органами власти «правила игры».

– Выделена доминирующая тенденция развития гражданского активизма в регионах Юго-Западной Сибири на современном этапе, состоящая в снижении уровня решаемых проблем, сужении их территориального масштаба и переориентации деятельности местных гражданских сообществ с политической проблематики на реализацию социально значимых проектов.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она может служить основанием для дальнейших научных разработок проблематики местного самоуправления, гражданской активности и муниципального управления. Полученные результаты могут быть использованы для анализа публичной политики на локальном уровне, оценки

возможностей конструктивного взаимодействия между гражданами и институтами власти, определения перспектив развития местного самоуправления в российских регионах в современных условиях.

Положения и выводы диссертационного исследования могут применяться для оптимизации взаимодействия между органами власти и гражданским обществом на местном уровне, разработке программ повышения гражданского участия, реализации социально значимых политических проектов. Также диссертационное исследование может быть полезно в учебном процессе, для подготовки специалистов по направлениям «Политология», «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение России».

Апробация работы. Основные идеи, положения и выводы научной работы нашли свое отражение в 5 публикациях в научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI и в научных изданиях, индексируемых международными базами данных: «Вестник Института социологии», «Вестник Томского государственного университета», «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС»; в 6 публикациях в научных изданиях из перечня ВАК: «Социодинамика», «Развитие территорий», «Каспийский регион: политика, экономика, культура», «Социально-политические исследования»; в 9 публикациях в изданиях, индексируемых в РИНЦ.

Результаты исследования представлены и обсуждены на всероссийских и региональных конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция «Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика», (г. Барнаул, 2019-2022 гг.), Международный Харакский форум «Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы» (г. Симферополь, 2020 г.), IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы» (Москва, 2021 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», (Ярославль, 2022 г.), Всероссийская конференция

РАПН с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности», (Москва, 2022 г.).

Материалы исследования также использовались при работе в рамках грантов РФФИ № 20311-90029 «Гражданская активность как фактор развития местного самоуправления в современной России (на примере регионов Юго-Западной Сибири)», №20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества», №21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

Структура работы соответствует задачам исследования, следует логике их изложения и включает введение, три главы, разделенные на шесть параграфов, заключение, библиографический список, приложения.

Глава 1. Местное самоуправление как общественно-политический институт в РФ

1.1. Характеристика понятия «местное самоуправление»

Местное самоуправление – неотъемлемый институт современного демократического государства, основанного на принципах разделения власти как по вертикали, так и по горизонтали, а также индикатор уровня децентрализации системы государственного управления, делающий ее более гибкой и способной обеспечивать реальные интересы граждан.

В общественных науках существует ряд подходов к трактовке данного понятия, опирающихся на разные его аспекты. Вначале рассмотрим историческое развитие теоретических концепций, призванных раскрыть его сущность. Хронологически первой из них была теория «свободной общины», основывающаяся на естественном праве местных общин на самоуправление. В качестве ее основоположников называют западноевропейских философов, юристов и политических деятелей Ж.-Г. Турэ, А. де Токвиля, Г. Аренса, П. Лабанда и др.⁵⁹ Теория сформировалась в конце XVIII – первой половине XIX вв., частично ее идеи нашли отражение в бельгийском, французском и немецком праве того времени. В значительной мере она возникла как ответ на системный политико-управленческий кризис, одной из причин которого была некомпетентность государственных чиновников, действующих в меняющихся социально-экономических условиях⁶⁰.

В теории «свободной общины» особый упор сделан на общность живущих на территории людей, основой которой являются не только совместность проживания и схожесть интересов, но и близость их самоидентификации, поскольку каждый из них воспринимает себя как часть

⁵⁹ Благов Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 46). С. 86; Будаева Ц.Б., Дугарова А.А. Теоретические концепции местного самоуправления // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2012. №2. С. 138.

⁶⁰ Горбатюк Е.С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. №1. С. 22.

определенного сообщества. В данной концепции особо подчеркиваются естественность и всеобщность права общин на самоуправление, так как они возникли раньше, чем государство. Однако теория подвергалась критике за ее фактическую неприменимость на практике, так как добиться полной самостоятельности муниципалитетов от системы государственного управления было невозможно ни в момент создания теории, ни в наше время. Тем не менее ее отдельные положения стали основой для базовых принципов осуществления местного самоуправления в современном мире, таких как неотчуждаемость права на самоуправление или права граждан на избрание его органов и должностных лиц.

Позже была сформулирована хозяйственная или общественно-хозяйственная теория самоуправления, к представителям которой относят Р. Моля, О. Ресслера, О. Гирке и др.⁶¹ Она также основывается на идее разделения общины и государства, которая выражается в существовании двух категорий управленческих функций: государственных и собственно общественных. Самоуправляющаяся община признается в качестве субъекта права, акцентируется первичность ее хозяйственной, коммунальной деятельности. Управленческие функции на уровне местных сообществ не носят политического характера и должны осуществляться создаваемыми ими органами, в подобном разделении сфер интересов сторонники теории и видят самостоятельность органов самоуправления.

Хозяйственная теория активно разрабатывалась российскими государствоведами XIX в.: А.И. Васильчиковым, Б.Н. Чичериным, К.М. Коркуновым. Первый определял местное самоуправление как «порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности заведуются и замещаются местными жителями – земскими обывателями»⁶². Подобные идеи высказывал К.М. Коркунов: «Общественная теория исходит, следовательно, из противоположения местного общества государству, общественных интересов

⁶¹ Благов Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1(46). С. 87.

⁶² Васильчиков А.И. Русское самоуправление. 2013. С. 75-76.

– политическим, требуя, чтобы общество и государство, каждое, ведало только свои собственные интересы»⁶³. Необходимо указать, что идеи именно этой теории в России в 1860-е гг. были заложены в основу «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. М.С. Тимофеев отмечает, что разработчиками данного акта впервые в отечественной истории была предпринята попытка на правовом уровне определить функции местного самоуправления как деятельности, отличной от административной⁶⁴.

В середине XIX в. в Германии возникает государственная теория самоуправления. Основатели этой теории немецкие юристы Р. фон Гнейст и Л. фон Штейн отказались от противопоставления государства и общины, заявляя о неразрывной связи между этими двумя институтами, однако органы последней обладают не распорядительными, а только совещательными функциями. Авторы теории указывали на различия в полномочиях органов государства и местного самоуправления, однако полномочия и тех, и других являются разновидностями задач государственного управления⁶⁵. Таким образом, местное самоуправление рассматривалось ими с точки зрения распределения обязанностей по решению управленческих задач между центром и местными властями.

Данная теория разделилась на два направления. Первое, основателем которого был Л. фон Штейн, также называемое «юридическим», характеризует самоуправление как проявление «свободы в управлении», когда часть функций и прав правительства передаются в осуществление отдельным территориальным общинам. Тем не менее все органы самоуправления должны быть признаны государством, и даже сам способ их формирования (под

⁶³ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Том 2. Введение и общая часть. СПб., 1909. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/97/2.html#img3> (дата обращения 27.05.2022).

⁶⁴ Тимофеев М.С. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. как правовая основа проведения земской реформы в России // Вестник Российского Университета Кооперации. 2014. №1(15). С. 112.

⁶⁵ Шустов В.Г. Теории местного самоуправления. Политологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2. С. 246-247.

которым автор подразумевал прежде всего выборы), также должен иметь соответствующее нормативно-правовое закрепление⁶⁶.

Второе направление, разрабатываемое Р. фон Гнейстом, носит название «политического». Его представители рассматривают органы самоуправления как продукт целенаправленной деятельности государства, созданный с целью защиты и гармонизации общих интересов. Необходимым признаком существования самоуправления Р. Гнейст называл наличие выборных безвозмездных должностей, а основным его предметом – государственные функции внутреннего управления⁶⁷. У этих двух направлений есть характерные общие черты: государство не должно осуществлять прямого руководства местными общинами, которые имеют собственные особые интересы, но в тоже время последние находятся под надзором государства и населения.

Государственная теория нашла значительное число последователей в России, например, в ее русле характеризовал местное самоуправление российский экономист В.П. Безобразов: «Самоуправление не может быть иначе рассматриваемо, как в совокупности с общим организмом всего государственного механизма управления, в состав которого оно входит как органическая часть единого целого»⁶⁸. В подобном ключе давал ему определение отечественный правовед Н.И. Лазаревский: «Децентрализованное местное государственное управление, где действительность децентрализации, т.е. самостоятельность органов местного управления от центра обеспечивается системой юридических гарантий, ограждающих самостоятельность этих органов и, вместе с тем, создающих их тесную связь с данной местностью и ее населением»⁶⁹.

⁶⁶ Черняк Э.В. Государственная теория самоуправления в трудах европейских ученых Л. Штейна и Р. Гнейста // Вестник Казанского технологического университета. 2010. №11. С. 387.

⁶⁷ Шустов В.Г. Теории местного самоуправления. Политологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2. С. 246-247.

⁶⁸ Безобразов В.П. Управление, самоуправление и судебная власть. Статьи. 2014. С. 7.

⁶⁹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Конституционное право. СПб., 1908. Т. I. С. 152

Ни одна из предыдущих теорий не смогла в полной мере отразить многообразие и многоаспектность местного самоуправления. В связи с этим во второй половине XX в. в трудах немецких социологов и экономистов Т. Маунца, О. Зеевальда, Р. Кауфмана получила развитие теория муниципального дуализма. В ней нашла отражение двойственная природа местного самоуправления, в силу которой оно понимается одновременно и как отдельный уровень публичной власти, и как форма самоорганизации граждан на местном уровне. Л.Т. Чихладзе указывает, что с одной стороны самоуправление можно охарактеризовать как особую форму социального управления, когда объект управления совпадает с его субъектом, с другой стороны, многие муниципальные единицы имеют довольно крупные размеры, что приближает его к государственному управлению⁷⁰.

Данная теория наиболее актуальна в настоящее время, когда ускоряющиеся процессы общественного развития и углубляющиеся социальные трансформации, глобализация и распространение универсальных управленческих практик требуют адекватной реакции на новые вызовы, чтобы учесть и сохранить индивидуальные особенности локальных сообществ. Территориальные муниципальные единицы изначально имеют «естественные» права на самоуправление, но их реализация невозможна без регламентации законодательством страны⁷¹. Общественно-государственная природа местного самоуправления создает условия и возможности для обеспечения через его органы эффективной и непрерывной взаимосвязи между человеком, гражданским обществом и государством.

В то же время местное самоуправление, выступая одной из форм народовластия, является властью подзаконной и, следовательно, не может само себя реформировать. Поэтому следует особо отметить значимость данного подхода в условиях несформированности системы самоуправления, когда вопросы ее модернизации не могут быть решены без государственного

⁷⁰ Чихладзе Л. Т. Концепция смешанной (дуалистической) модели местного самоуправления // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – №7. – С. 114.

⁷¹ Майкова Э.Ю. Дуалистическая теория местного самоуправления: условия возникновения и основные черты // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования –2016. – № 16. – С. 216.

содействия. Например, в качестве одной из парадигм трансформации данного института в современной России А.А. Ларичевым и Л.Т. Чихладзе предлагается базирующаяся на дуалистической теории идея «разумной централизации»⁷².

Рассматривая теории местного самоуправления, нельзя обойти вниманием и теорию муниципального социализма или социал-реформистскую (К. Реннер⁷³, М.Д. Загряцков⁷⁴), сформировавшуюся в первой половине XX в. Первоначально в данном подходе институт муниципального самоуправления рассматривался как один из инструментов социального реформирования в политике, позволяющий обеспечить эволюционный переход из капитализма в социализм⁷⁵. Рабочий класс, составляющий основную часть городского населения, через своих представителей должен был приобрести решающую роль в управлении на уровне городских общин с последующим преобразованием их «изнутри». Таким образом, локальные коммуны становились бы низовыми ячейками нового общества.

В настоящее время идеи социал-реформизма не имеют подобной выраженной классовой направленности, а тесно связаны с актуальными в современности общедемократическими тенденциями. Они обусловлены потребностью дальнейшей демократизации местного самоуправления посредством прямого вовлечения в него всех слоев населения, чтобы обеспечить более широкую автономию местных территориальных образований.

Все перечисленные теории местного самоуправления были обусловлены социально-экономическими условиями времени, в котором они были созданы, хотя каждая из них сохраняет определенные актуальные положения и в

⁷² Ларичев А.А., Чихладзе Л.Т. Дуалистическая модель и «разумная централизация» как факторы эффективного функционирования местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т.24. №2. С.233-251.

⁷³ Реннер К. Теория капиталистического хозяйства: марксизм и проблема социализирования. М., 1926. 336 с.

⁷⁴ Косенкова Ю.Л. Город как коллективное жилище: миссия профессора М.Д. Загряцкова. 1930-е годы // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 4. С. 40–49.

⁷⁵ Шустов В.Г. Теории местного самоуправления. Политологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2. С. 249.

настоящее время. Существуют и более современные взгляды на сущность и значение местного самоуправления, связанные, прежде всего, с развитием научных подходов к государственному управлению.

Так, менеджерияльная концепция управления («New Public Management») была сформирована в США на рубеже 1980-1990-х гг. Д. Осборном, Т. Геблером и П. Пластриком⁷⁶. Она основывается на экономическом подходе к управлению и рыночных принципах в сфере обеспечения общественных благ, а ее теоретические основания опираются на положения теории рационального выбора. Представители концепции рассматривали институт местного самоуправления как один из ключевых элементов, который отвечает за организацию и обеспечение эффективности предоставления публичных услуг на локальном уровне.

К концепции «New Public Management» близки целый ряд теорий, основанных на принципах повышения эффективности управления. Например, П. Друкер в своих работах сформулировал идею целеориентированного управления. В этом подходе следует выделить важность организации местного самоуправления для создания эффективной системы управления государственными и общественными ресурсами как инструмента повышения качества жизни на местах⁷⁷.

Еще одна современная теория, которую можно обозначить как концепция «предпринимательского правительства» (Entrepreneurial Governance), находит отражение в научных работах американских экономистов Х. Стивенсона, Дж. Джарилло, М. Елинека. Она подразумевает активное включение общества и бизнеса в управленческие процессы, а также поддержание конкуренции в государственном секторе⁷⁸. Так как местное самоуправление является наиболее близким к гражданам институтом, то оно

⁷⁶Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. New-York: Plume, 1993. 428 p.; Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства. М., 2001. 535 с.

⁷⁷ Друкер П. Управление в обществе будущего. М, 2007. 306 с.

⁷⁸ Stevenson H.H., Jarillo J.C. A paradigm of entrepreneurship: entrepreneurial Management // Strategic Management Journal. 1990. Vol. 11. P. 17-27; Jelinek M., Litterer J. A. Toward Entrepreneurial Organizations: Meeting Ambiguity with Engagement // Entrepreneurship Theory and Practice. 1995. Vol. 19. No. 3. P. 137-168.

может более гибко реагировать на новые изменения окружающей среды, предлагая новые способы разрешения возникающих проблем. В рамках данной концепции местное самоуправление может стать точкой роста инноваций, если правительство будет создавать условия для развития и поддерживать его.

Бизнес-ориентированный или корпоративный подход к местному самоуправлению существует в странах Северной Америки и Западной Европы со второй половины XX в.⁷⁹ В частности, его выделяют в отдельное направление У. Фишел и А.А. Ларичев, но необходимо отметить, что он является не столько научной концепцией, сколько устоявшимся практическим подходом к функционированию местного самоуправления. Он концентрируется на повышении эффективности управления на местах и уменьшении негативного влияния на решение местных проблем со стороны различных локальных групп интересов и политических объединений. Муниципалитет (муниципальная корпорация) – прежде всего инструмент государства, который создается для решения вопросов местного значения и находится в отношениях субординации с институтами государственной власти. Управление им осуществляется по аналогии с управлением коммерческой компанией, а в состав местных органов власти должны входить технократы и профессионалы-управленцы.

Следующая концепция взаимоотношений государства и общества, «Governance», указывает, что первое должно быть более демократичным, прозрачным и открытым⁸⁰. Концепция подразумевает активизацию участия гражданского общества и институтов местного самоуправления в процессе принятия государственных решений. В сфере государственного управления это находит отражение в теории «Хорошего управления» («Good Governance»), которая рассматривает управление в рамках государства как

⁷⁹ Fischel W. The Homevoter Hypothesis: How Home Values Influence Local Government Taxation, School Finance, and Land-Use Policies. Harvard University, 2005. 344 p. Ларичев А.А. Специфика корпоративной модели местного самоуправления и дивергенция современных подходов к самоуправлению на местах в странах Содружества наций // Правоприменение. 2018. Т. 2. №4. С. 86-97.

⁸⁰ Knill C., Lehmkuhl D. Private Actors and the State: Internationalization and Changing Patterns of Governance // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 2002. Vol. 15. No 1. P. 41–63;

систему институтов, механизмов и практик, через которые граждане и их объединения реализуют свои права, выполняют обязанности и поддерживают баланс интересов. Органы государства и местного самоуправления, гражданские ассоциации и бизнес являются полноправными участниками управленческих процессов, связи между ними носят как вертикальный, так и горизонтальный характер⁸¹.

Сторонники этой теории, такие как М. Липски⁸² и К. Скелчер⁸³ обозначают важность сотрудничества между местными органами власти и другими институтами государственного управления, что обеспечивает представительство интересов и более эффективное управление. Но местные органы власти, как близкие к населению, должны быть относительно автономными и готовыми к взаимодействию с местными жителями, представителями бизнеса и общественными организациями. Концепция применима и к локальным сообществам, образующимся и действующим независимо государства, ориентированным на неформальные способы самоорганизации и заинтересованным в эффективном управлении ограниченными ресурсами для достижения своих целей⁸⁴.

Высокий уровень урбанизации государств на современном этапе привел к необходимости особо выделить городское самоуправление. В русле концепции «governance» оформилось понятие «urban governance» (городское соуправление), которое подходит к процессу управления в современных городах как совместной деятельности органов власти, негосударственных институтов и гражданских сообществ⁸⁵. Это непрерывный процесс, в ходе

⁸¹ Сморгун Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции “governance” // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 56.

⁸² Lipsky, M. *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service*. New-York, 2010. 300 p.

⁸³ Jas P., Skelcher C. Different regulatory regimes in different parts of the UK? A comparison of narrative and practice in relation to poor performance in local government // *Local Government Studies*. 2014. No 40 (1). P. 121-140; Skelcher C., Sullivan H., Jeffares S. *Hybrid Governance in European Cities: Neighbourhood, Migration and Democracy*. Basingstoke: Palgrave, 2013. 190 p.

⁸⁴ Остром, Э. *Управление общим. Эволюция институций коллективного действия* / Э. Остром; пер. Т. Монтян. – Киев, 2013. – 400 с.

⁸⁵ Pierry J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // *Urban Affairs Review*. 1999. Vol. 34. No. 3. P. 372-396; United Nations human settlements programme. *The Global Campaign on Urban Governance*. Nairobi, 2004. 91 p.; Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских

которого указанные субъекты управляют общими делами города, учитывают противоречивые интересы для совершения совместных действий⁸⁶.

Затрагивает идеи городского самоуправления и теория устойчивого развития, сформировавшаяся на рубеже 1980-1990-х гг.⁸⁷ Ее основные положения обозначены в программных документах комиссии ООН по окружающей среде и развитию⁸⁸. Они связаны с решением задач сбалансированного социально-экономического развития, сохранения природной среды и приумножения социального капитала в условиях ограниченности ресурсов и уже нанесенного окружающей среде ущерба⁸⁹.

Наибольшие возможности участия населения в решении указанных задач предоставляются в пределах городских поселений и агломераций, ввиду концентрации в них материальных и человеческих ресурсов. Наряду с такими задачами, как экологическая безопасность и улучшение логистических систем, важным компонентом устойчивого развития остается стратегическое планирование и учет интересов жителей, что невозможно без систематического участия горожан в практиках самоуправления, в том числе основанных на общественной инициативе и виртуальных формах активности. Также данная теория может служить инструментом разработки и актуализации государственных программ устойчивого развития территорий и поддержки местных инициатив⁹⁰.

Важным современным фактором трансформации теории и практики управления является развитие информационно-коммуникационных

мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86-94.

⁸⁶ Титов Э.А. Городское соуправление: концепция и современные исследования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 174.

⁸⁷ Building Sustainable Cities: Social, Economic and Environmental Factors / ed. by A. Alvarez-Risco, M. Rosen, S. Del-Aguila-Arcentales, D. Marinova. Cham: Springer, 2020; Полунин К.Е., Серебрякова С.В., Энгватова А.А. Иерархия целей устойчивого развития города и методология оценки их достижения // Инновации. 2019. № 7 (249). С. 50–58.

⁸⁸ Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) Информационный обзор / Сост. В.А. Коптюг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptyug/ideas/unrio92/unrio92.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

⁸⁹ Ostrom E. Green from the Grassroots // Project Syndicate [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots-2012-06> (дата обращения: 27.07.2022).

⁹⁰ Акимова В.В., Волошинская А.А. Устойчивое развитие города и индикаторы для его измерения в целях стратегического планирования // Государственное управление. Электронный вестник 2022. № 93. С. 208-209.

технологий и компьютеризация всех сфер жизни общества, что выразилось в создании концепции «электронной демократии» (Е. Масуда⁹¹, С. Клифт⁹², Х. Бухштейн⁹³, Б. Новек⁹⁴). Ввиду широких возможностей использования цифровых инструментов для управления общественными процессами, теория постоянно развивается, дополняясь моделями «цифровой демократии» (Б. Хейг, Б. Лоадер, К. Ленк⁹⁵), «цифрового государства» (М. Даррелл⁹⁶, С. Понт⁹⁷), «мониторной демократии» (Дж. Кин⁹⁸), «облачной демократии» (Л. Волков, Ф. Крашенинников⁹⁹) и иных близких к ним подходов.

Общая идея данных теорий заключается в том, что применение цифровых технологий в государственном управлении поможет сделать его более эффективным, гибким и доступным для людей. Основное внимание уделяется вопросам участия граждан в процессе принятия решений на всех уровнях, а также увеличению доступности информации, повышению прозрачности деятельности органов власти, росту оперативности принимаемых решений. Этому будут способствовать такие нововведения, как создание электронных платформ для коммуникации между жителями и местными органами власти, возможности электронного голосования на выборах и опросах, использование социальных сетей для массового обсуждения ключевых вопросов и т.д.

Практики электронной демократии разного уровня, в том числе и неформальные, особенно актуальны в условиях неустоявшихся политических институтов гражданского участия, в том числе и в России. Поэтому изучение разных форм виртуального участия в местных делах как возможности

⁹¹ Масуда Е. Компьютопия // Философская и социологическая мысль. 1993. № 6. С. 36-47.

⁹² Clift S. E-government and democracy. Representation and citizen engagement in the information age. Minneapolis, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://stevenclift.com/wp-content/uploads/2009/05/cliftegovdemocracy.pdf> (дата обращения: 21.07.2022).

⁹³ Buchstein H. Bytes that Bite: The Internet and Deliberative Democracy // Constellations. 1997. Vol. 4. P. 248-263.

⁹⁴ Новек Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию - сильнее, а граждан - влиятельнее. М.: Альпина Паблишер, 2012. 290 с.

⁹⁵ Digital Democracy. Discourse and Decision Making in Information Age / Ed. by Hague B., Loader B. London: Routledge, 1999. 277 p.

⁹⁶ Darrell, M.W. Digital Government: Technology and Public Sector Performance. Princeton, 2005. 234 p.

⁹⁷ Pont, S. Digital State: How the Internet is Changing Everything. London: Kogan Page, 2013. 256 p.

⁹⁸ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.

⁹⁹ Волков Л.; Крашенинников Ф. Облачная демократия. Изд. 2-е. М., Екатеринбург, 2013. 240 с.

преодоления существующих проблем местного самоуправления вызывает интерес у исследователей. Среди отечественных авторов, развивающих данное направление, можно назвать Л.В. Сморгунова¹⁰⁰, Ю.В. Ирхина¹⁰¹, И.А. Бронникова¹⁰² и др.

Распространение демократических практик в современном информационном обществе приводит к трансформации институтов общественного управления, что привело к актуализации в сфере управления положений теории сетей. Сетевой подход, в число основных представителей которого можно отнести Р. Родса, Д. Марча¹⁰³, Д. Ноука, Дж. Куклинского¹⁰⁴, М. Кастельса¹⁰⁵ предполагает, что взаимодействие между общественными и политическими институтами должно осуществляться в рамках горизонтальных, а не вертикальных (иерархических) структур. Ее краеугольным камнем является тезис о том, что в современных условиях эффективность решения экономических, социальных и культурных вызовов значительно больше зависит от частного и неправительственного сектора, а не от действий исключительно государства. Последнее является лишь одним из множества участников процессов взаимодействия органов местного самоуправления, бизнес-структур, ассоциаций гражданского общества, проблемных сообществ и др.

Сетевой подход к управлению перекликается с концепцией «Governance», так как предлагает руководствоваться принципами «соуправления». Государственное управление – не просто функция государства, а компонент общественно-политического процесса по выработке согласованного политического решения совместно со структурами

¹⁰⁰ Сморгунов Л.В. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. 2007. № 4. С. 20-33.

¹⁰¹ Ирхин Ю.В. «Электронное правительство»: зарубежный опыт и российские реалии // Ars Administrandi. 2009. № 1. С. 13-27.

¹⁰² Бронников И.А. Электронная демократия: тенденции и проблемы // Вестник университета. 2014. № 7. С. 11-16.

¹⁰³ Marsh, D., Smith, M. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. No 1. P. 4-21; Marsh, D., Smith, M. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. No 1. P. 4-21.

¹⁰⁴ Knoke D., Kuklinski J. Network Analysis. Beverly Hills, 1982. 96 p.

¹⁰⁵ Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51; Castells, M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. 318 p.

гражданского общества¹⁰⁶. Территориальные и функциональные различия подсистемных акторов современного общества преобразуют процесс разрешения проблем в набор задач со специальными условиями и ограниченными ресурсами.

Сетевой подход может быть применен к институтам местного самоуправления, поскольку местное самоуправление включает в себя не только органы власти, но и широкий спектр неправительственных институтов, бизнес-структур и объединений местных жителей. В рамках сетевого подхода они могут сотрудничать, чтобы решать сложные проблемы и управлять ресурсами. В условиях быстро меняющейся социально-экономической ситуации он становится все более актуальным, а новые тенденции развития информационно-коммуникационной сферы способствуют увеличению количества участников сетевого взаимодействия, снижению порога вхождения в сеть, расширению возможностей для их участия в принятии и осуществлении управленческих решений, росту уровня публичности и открытости местных процессов взаимодействия. Это способствует вовлечению населения в управление на местах и дает инструменты для налаживания диалога между органами власти, самоуправления и граждан.

Рассматривая современный взгляд на местное самоуправление, нельзя не упомянуть и теорию коммунитаризма, основателями которой были А. Этциони¹⁰⁷ и У. Галстон¹⁰⁸. Теория акцентирует внимание на роли граждан и местных сообществ в организации общественной жизни посредством укрепления социальных связей, развития социальной солидарности, формирования идентичности внутри общества. Социальный порядок в обществе обеспечивается благодаря комплексу норм и ценностей, разделяемых всеми его членами и не основанных на принуждении или материальной выгоде. А. Этциони подчеркивает важность гражданской

¹⁰⁶ Сморгун Л.В. Сетевая методология исследования политик // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 2 / Под ред. Г.П. Артёмова. –СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. С. 76.

¹⁰⁷ Etzioni A. The spirit of community: rights, responsibilities and communitarian agenda. New-York: crown Publ, 1993. 313 p.

¹⁰⁸ Galston W. The promise of communitarianism // National Civic Review. 2007. No. 82(3). P. 217 – 220.

ответственности, взаимозависимости и коллективных ценностей на местном уровне.

В коммунитаризме самоуправлению отводится значительная роль в поддержании общественного порядка и социальной солидарности, это та форма организации, которая позволяет гражданам участвовать в принятии решений, связанных с местными обществами. Активное участие граждан в самоуправлении способствует формированию устойчивых обществ, преодолению их атомизации и росту социального капитала¹⁰⁹. Сторонники коммунитаризма подчеркивают необходимость развития партнерства между государственными органами и местными сообществами для достижения более эффективного управления, а также отдают предпочтение неформальным социальным механизмам.

Также следует отметить теорию «нового локализма», представителями которой являются Д. Хесс¹¹⁰, Б. Кац и Д. Новак¹¹¹. Она указывает на глобальные трансформации структуры общества, приводящие к смещению центра политического и экономического развития на местный уровень, что позволяет эффективнее определять и разрешать актуальные общественные проблемы. Большое значение в ней придается инструментам прямой демократии и делегированию отдельных функций с муниципального на субмуниципальный уровень, для чего стимулируется создание территориальных комиссий, советов потребителей и иных совещательных и консультативных органов. Особое внимание в деятельности подобных объединений уделяется сугубо локальным, адресным решениям, развитию местной инфраструктуры и проектам, направленным на поддержание местной идентичности¹¹². Такая среда является определенной «школой демократии» для граждан и позволяет осуществлять реальную децентрализацию властных полномочий внутри муниципального уровня.

¹⁰⁹ Putnam R. Better together: restoring the American community / R. Putnam. New-York, 2003. 336 p.

¹¹⁰ Hess D.J. Localism and the Environment // *Sociology Compass*. 2008. No 2(2). P. 625-638.

¹¹¹ Katz B., Nowak J. *The New Localism: How cities can thrive in the age of populism*. Brooklyn: Institution Press 2018. 304 p.

¹¹² Зиновьев А. С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 250-253.

Еще один важный вопрос в современных общественных науках – это природа института местного самоуправления. Можно выделить два полярных подхода к нему: при первом (государственническом) оно характеризуется как низовой уровень системы публичной власти в государстве, при втором (общественном) – как самостоятельный институт, в основе которого лежит общественное начало.

С позиций первого подхода определение местному самоуправлению дается преимущественно в формально-правовом ключе, как совокупности институтов, определяющих формы участия населения в решении вопросов местного значения, структуру и состав муниципальных единиц, выборных и иных органов власти, а также непосредственно саму деятельность местных органов и распоряжение объектами муниципальной собственности.

В связи со спецификой общественно-властных взаимоотношений в России, данный подход активно развивался российскими государствоведами XIX в.: К.М. Коркуновым, В.П. Безобразовым, Н.И. Лазаревским и др. В современный период К.Ф. Шеремет, один из разработчиков Конституции РФ, утверждал, что «нельзя противопоставлять местное самоуправление и государство. Самоуправление развивается не вне, а внутри государственных форм и связано с развитием власти»¹¹³. Более того, государство берет на себя обязанность признавать, соблюдать и защищать право граждан на участие в местном самоуправлении, что также позволяет говорить о вторичном характере последнего.

Местное самоуправление – это система власти, которая функционирует в формируемых и регулируемых государством рамках, и принимает управленческие решения в пределах определенного законом функционала. С точки зрения данной позиции подчеркивается и производный характер властных полномочий у его структур: «самостоятельность органов местного самоуправления в пределах своих полномочий означает, что государство

¹¹³ Цит. по. Рыков А. Н. Соотношение государственного и муниципального интересов как интересов возникающих в сфере публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 13.

отдает муниципалитетам отдельные права и обязанности по решению части государственных публичных дел»¹¹⁴.

Местные власти лишены собственной политической субъектности и служат инструментом децентрализации управленческого процесса. Государство вправе определять структуру и функционал местных органов. В частности, В.И. Васильев, российский специалист по муниципальному праву, указывает: «В содержательно-функциональном смысле органы МСУ остаются в системе государственно-властных отношений. Само создание и функции этих органов predetermined актами органов государственной власти»¹¹⁵.

Данный подход в значительной мере соотносится с представлениями и рядовых граждан, и части должностных лиц, что любой местный орган (как исполнительный, так и представительный) – часть властных структур государства, находящийся в отношениях подчиненности по отношению к вышестоящим¹¹⁶. В российских реалиях, на фоне целого ряда проблем функционирования института местного самоуправления, идеи о его «государственной» природе находят дальнейшее развитие в процессах отстранения местного сообщества от осуществления самоуправления. Это выражается в замене выборных должностей местного самоуправления на назначение через конкурсные процедуры или слиянии сельских поселений в границах муниципального района в муниципальный округ.

Второй подход, который можно обозначить как общественный, восходит к теории «свободной общины» XVIII – начала XIX вв. и утверждает наличие «естественного права» местных социумов на автономию во внутренних делах. Согласно ему, местное самоуправление характеризуется как самодостаточный элемент политической сферы общества, как институт, в основе которого лежит общественное начало. Оно взаимодействует с

¹¹⁴ Колесников А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. С. 45.

¹¹⁵ Васильев В.И. Местное самоуправление: конституционные идеи и практика // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 8.

¹¹⁶ Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Представления жителей российских муниципалитетов о местном самоуправлении как индикатор самоуправленческого потенциала населения (на примере Тверской области) // Социодинамика. 2019. № 1. С. 4-5; Бызов Л.Г. Представления россиян о местном самоуправлении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 1(89). С. 5-6.

институтами государства, но не находится с ними в отношениях иерархического соподчинения¹¹⁷. В целом под местным самоуправлением понимается не просто сумма местных муниципальных органов и их работа с целью реализации предметов своего ведения, а разнообразные формы самоорганизации людей. Они позволяют гражданам реализовать право на управление делами локального значения в собственных интересах и под собственную ответственность и самостоятельно организовать жизнедеятельность на местах¹¹⁸.

В рамках данного подхода местное самоуправление наделяется несколькими характеристиками. Во-первых, это сложная социальная система с множеством взаимодействующих элементов различной природы: социальных, экономических, политических, административных и т.д. Она имеет динамичную природу и обладает внутренней детерминацией, когда отдельные составные части реагируют на изменение каждого из составляющих ее элементов и их структурных взаимоотношений¹¹⁹.

Во-вторых, местное самоуправление – важная составная часть гражданского общества наряду с независимыми СМИ, общественными движениями, свободой экономических отношений и т.д. Это неотъемлемый атрибут всякого демократического государства, основанного на принципах разделения власти и по вертикали, и по горизонтали, а также индикатор уровня децентрализации системы государственного управления. Участие населения в местном самоуправлении не только обеспечивает представление местных интересов, но и способствует формированию гражданской политической культуры.

В-третьих, самоуправление нельзя рассматривать как частный случай государственного управления, так как оно начинается с самоорганизации. Местные социумы должны обладать способностью к самоуправлению,

¹¹⁷ Скрипкина Ю.Г., Корсикова Н.А. Взаимодействие понятий «Государственная власть» и «Местное самоуправление» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 64.

¹¹⁸ Войтович В.Ю., Мухина И.А. Местное самоуправление: сущность и значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. №

¹¹⁹ Баджо Р., Шерешева М.Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 2. С. 13–14.

осознавать и воспринимать институт местного самоуправления, который не находится «вне» их. Следует согласиться с Ю.В. Благовым, что субъект самоуправления – «не властные органы, а местные сообщества, сами люди, составляющие население самоуправляющихся единиц»¹²⁰, которые обладают потенциалом непосредственного влияния на процессы социально-экономического развития в границах своих территорий.

Данный подход наиболее распространен в западных государствоведческих школах. Например, немецкий юрист начала XX в. Г. Еллинек определял местное самоуправление как «управление, которое, в противоположность государственно-бюрократическому, есть управление через посредство самих заинтересованных лиц»¹²¹. Подобную характеристику мы можем видеть у ряда отечественных ученых конца XX в., таких как А.А. Джагарян, Ю.В. Благов, В.И. Фадеев¹²² и др. В настоящее время представление о местном самоуправлении как об автономном уровне публичной власти также не утратило своей актуальности, в связи с чем Г.М. Суходольский отмечает: «Правильным представляется определение местного самоуправления как особого негосударственного вида (системы) публичной власти, осуществляемой по вопросам местного значения от имени и в интересах местного сообщества как территориального публичного коллектива»¹²³.

В то же время существует и компромиссная точка зрения (отраженная главным образом в концепции муниципального дуализма), согласно которой местное самоуправление занимает «пограничный» характер между

¹²⁰ Благов Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1(46). С. 86

¹²¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве, право современного государства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 466.

¹²² Джагарян А.А. Местное самоуправление: локализация или универсализация? ответ на статью А. Ларичева // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. №3. С. 98-107; Благов Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1(46). С. 67-78.; Фадеев В.И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // Lex Russica. 2014. № 4. С. 396-412.

¹²³ Суходольский Г.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: опыт системного исследования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 21.

институтами гражданского общества и государственной власти¹²⁴. Оно сочетает в себе ряд признаков института гражданского общества, таких как гражданские объединения, равнозначность формальных и неформальных практик участия со значительной интеграцией в систему административно-властных отношений. Управленческая деятельность муниципальных органов тоже сочетает в себе признаки как общественной, так и государственной власти¹²⁵.

И государственное управление, и местное самоуправление являются проявлением народовластия в демократической стране, однако различаются по уровню и механизмам функционирования. В связи с этим, одной из важнейших задач в концепции дуализма считается налаживание долговременных устойчивых взаимоотношений между государством и гражданским обществом, формирование их каналов взаимодействия. С одной стороны, само государство заинтересовано в существовании и эффективной работе местного самоуправления, без которого не могло бы решать вопросы обеспечения разноплановых потребностей населения. Предоставляя гражданам возможность участия в политической жизни собственных территорий и в определенной мере решая проблему «отчуждения от власти», самоуправление играет существенную роль в обеспечении легитимации существующего режима в целом.

С другой стороны, местное самоуправление, как наиболее демократичный по своей природе институт, входит в определенные противоречия с государственной властью, которая в значительной мере носит бюрократический характер. Самоуправленческая модель политического участия граждан, вовлечение их в процессы принятия решений, более прозрачные механизмы осуществления власти и контроля на местном уровне

¹²⁴ Плотников А.А. Общественное участие в местном самоуправлении: декларации и реальность // Право и государство: теория и практика 2020. № 2 (182). С. 74-76; Шамхалов М.А. Местное самоуправление: между государственной властью и гражданским обществом // Власть. 2011. № 3. – С. 163-171; Ларичев А.А., Чихладзе Л.Т. Местное самоуправление в России на распутье: динамика конституционной доктрины и правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т.24. №2. С. 273-292.

¹²⁵ Маркова Е.Н. Общественная и (или) публичная власть: проблема соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Конституционное реформирование. 2021. №12. С.26.

способны формировать в обществе критическое отношение к государственным структурам¹²⁶. Местное самоуправление представляет школу политического участия для граждан, способствует вовлечению их в процессы управления, в то же время пользуясь поддержкой со стороны государства и развиваясь в заданном правовыми рамками векторе.

Как уже отмечалось ранее, местное самоуправление – сложное и многосоставное явление, при изучении которого необходимо рассматривать все его части во взаимосвязи и в динамике, как процесс непрерывного и самостоятельного взаимодействия местных сообществ и институтов, направленный, прежде всего, на поддержание их постоянной жизнеспособности и дальнейшее развитие. Тем не менее было бы логичным сгруппировать все элементы местного самоуправления по трем основным аспектам, предложенных И.В. Мерсияновой и М.В. Бутыриной: институциональный, функциональный и социальный¹²⁷.

В первом аспекте местное самоуправление представляется как особый социально-политический институт, в рамках которого население участвует в решении вопросов жизнедеятельности местных территориальных сообществ. Оно определяется как сложившиеся в ходе социально-исторического развития сообществ формы организации и самоорганизации совместной жизни индивидов, совокупность социальных связей, норм и ролей, обеспечивающие выполнение важных для общества функций и регулирование отношений внутри них. Как правило, они находят свое воплощение в практике как органы местного самоуправления, территориальные сообщества и объединения граждан формального или неформального характера¹²⁸.

Также этот аспект раскрывает взаимосвязь физического и социального пространства муниципальных субъектов, что воплощается в понятии «муниципальное образование» и обуславливает значение территориального

¹²⁶ Завражин В.Н. Местное самоуправление в системе современной демократии // Записки Горного института. 2005. Т. 163. С. 232.

¹²⁷ Бутырина М.В. Местное самоуправление – основа формирования гражданского общества // Вестник ИГЭУ. 2010. № 1. С. 44.

¹²⁸ Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52.

фактора в формировании и осуществлении организации местного самоуправления, применение различных территориальных моделей организации расселения. Вопрос территориальной организации местного самоуправления, соответствия структуры местного самоуправления текущим политическим и социальным реалиям остается одним из важнейших в научной и практической дискуссии вокруг данного института.

Ввиду наметившихся в ряде стран тенденций к возрастанию роли негосударственных институтов в управленческих процессах, к институциональному аспекту также можно отнести разнообразные практики неформализованного участия в местном самоуправлении. А.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко в связи с этим отмечают, что появляющиеся «новые» субъекты локальной политики, такие как проблемные сообщества, интернет-СМИ, предприниматели или отдельные активисты не входят в состав формализованных властных институтов, но тоже отстаивают интересы местных социумов и оказывают значительное влияние на организацию их жизнедеятельности¹²⁹.

Функциональный аспект характеристики данного института концентрируется на «ролях, выполняемых местным самоуправлением как субъектом социальной системы в ее организации как целого»¹³⁰, на ставящихся перед органами самоуправления задачах и возможностях их решения. Под ним следует понимать совокупность взаимосвязанных действий субъектов местного самоуправления по обеспечению собственной жизнедеятельности в различных сферах общественной жизни, закреплённые в нормативно-правовых актах и учитывающие его территориальную организацию.

С одной стороны, независимо от места проживания, потребности и интересы людей в значительной мере совпадают, с другой – развитие местного

¹²⁹ Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Теоретическая модель «Сетевой локальной политики»: имплементация и анализ органов местного самоуправления и локальных online-сообществ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. С. 360.

¹³⁰ Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52.

сообщества обуславливается конкретными локальными особенностями. Это приводит к тому, что многие функции местного самоуправления имеют общий характер, но их реализация в управленческом решении, его форма и содержание, а также методы и способы его претворения в жизнь носят уникальный характер. Надо указать то, что одни и те же функции проявляются и как внутренние, и как внешние. Например, муниципальные органы осуществляют управляющее воздействие в отношении муниципальных предприятий и организаций с применением административных методов управления, а в отношении не являющихся муниципальной собственностью – с помощью форм экономического воздействия.

В данном аспекте будет уместно понимание местного самоуправления как формы народовластия, инструмента самостоятельного решения населением вопросов местного значения с учетом локальных реалий. Оно должно рассматриваться не только как право местного сообщества действовать в своих интересах, но и как реальная способность артикулировать, представлять и реализовывать их. Самостоятельность – основополагающий принцип функционирования местного самоуправления и его взаимодействия с государственной властью, она проявляется в возможности автономного решения вопросов местного значения и организационной обособленности органов местного самоуправления¹³¹. К этому же аспекту относится и проблема разграничения компетенции местных и государственных органов власти, поиска баланса между «поручаемыми» полномочиями и реальными возможностями муниципалитетов.

Функциональный аспект затрагивает и «глобальные» функции местного самоуправления как общественно-политического института. Это задачи развития гражданского активизма и социальной активности населения, налаживания взаимосвязи между местными сообществами и институтами государства, развития гражданского общества и демократизации

¹³¹ Карасев А.Т., Коваленко К.И. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1.С 75.

политической системы в стране. В этой связи следует упомянуть и важную роль местных самоуправленческих традиций в процессе государственностроительства, как основы и движущей силы демократических преобразований в обществе. В частности, А.Г. Лыска отмечает, что в политической практике стран Европы и Северной Америки они оказывали существенное влияние на процесс общественно-политического развития, выступая «противовесом» тенденциям централизации власти и отделения властных органов от общества¹³².

В социальном аспекте главным является вопрос о субъектах местного самоуправления. В «Европейской Хартии местного самоуправления» в качестве таковых обозначаются органы данного института: «под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею»¹³³. В то же время российское законодательство в данной сфере в качестве основного субъекта обозначаются население или народ¹³⁴. В идеале следует говорить о главном субъекте самоуправления в лице местного сообщества или местного населения, которое обладает (должно обладать) способностью прямого, непосредственного влияния на регулирование социальных, политических и экономических процессов в своих границах¹³⁵.

Также в этом аспекте рассматриваются проблемы формирования социальной базы самоуправления, вовлечения всех жителей муниципального образования в реализацию права на управление жизнью местного сообщества, участие в муниципальных выборах, референдумах, собраниях и иных формах

¹³² Лыска А.Г. Концепция строительства местного сообщества: предпосылки формирования и основные положения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 195.

¹³³ Европейская хартия местного самоуправления. Ратифицирована Федеральным законом РФ от 11.04.1998 № 55-ФЗ. Действие в отношении Российской Федерации прекращено в соответствии с Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Электронный фонд «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/1901042> (дата обращения: 29.07.2022).

¹³⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 29.07.2022).

¹³⁵ Гоголева Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 131.

осуществления самоуправления¹³⁶. Эти вопросы актуальны в российских реалиях, так как в России местное самоуправление прежде всего ассоциируется с деятельностью муниципальных органов в предписанных им правовых рамках. Более того, фактически в муниципалитетах имеет место управление «сверху» через представителей структур власти более высокого уровня, в силу административного контроля и ресурсной зависимости.

Тем не менее самоуправление остается неотъемлемым правом местного социума, и повышение уровня участия населения в нем – одна из актуальнейших задач российской политической повестки локального уровня. В качестве общемировых тенденций развития института местного самоуправления можно отметить расширение роли институтов гражданского общества, граждан и их неформальных объединений в политических процессах как на локальном, так и на общегосударственном уровнях. Создание предпосылок для развития подобной ситуации в российских муниципалитетах позволило бы значительно «оживить» процесс взаимодействия органов местного самоуправления и местного общества.

Вышеперечисленные теоретические подходы к местному самоуправлению позволяют раскрыть его как важный компонент политико-социальной системы любого государства. Для данного исследования наиболее значимым в характеристике изучаемого института является вопрос роли и значения в нем самоорганизующихся гражданских объединений. Каждое из направлений решает данный вопрос по своему, исходя из собственных представлений о характеристиках местного самоуправления, но в целом можно отметить повышенное внимание к негосударственной составляющей во многих, особенно современных концепциях. Из современных управленческих подходов наиболее соответствующим глобальным тенденциям общественных трансформаций представляется концепция «Governance», отражающая рост числа субъектов управления в государственно-властных отношениях, а также

¹³⁶ Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52.

переориентацию от задач администрирования и эффективного менеджмента на модель согласования интересов и совместного управления.

С точки же зрения специфики развития системы местного самоуправления в России наиболее актуальной следует признать теорию муниципального дуализма, показывающую двойственность природы института и его тесную взаимосвязь с системой государственной власти. Изначально в основу российской модели местного самоуправления закладывался государственный подход, который более соответствовал задаче его формирования в начале 1990-х гг. практически «с нуля». Он остается доминирующим в России и в настоящее время, определяя вектор трансформации данного института.

Однако необходимо отметить, что система местного самоуправления может приобрести устойчивый характер лишь при условии равной включенности в процесс его модернизации двух основных начал – населения и государства. Для формирования актуального представления о состоянии системы местного самоуправления в РФ, понимания возможностей его преобразования и потенциала гражданского общества в самоуправленческой сфере необходимо провести анализ его функционального, социального и институционального аспектов.

1.2. Особенности функционирования и проблемы системы местного самоуправления в РФ

В российской политической истории было несколько попыток наладить успешное функционирование института местного самоуправления. Разнообразные практики самоорганизации населения для управления местными делами существовали во все исторические периоды развития России, начиная от догосударственного периода (крестьянские общины, городские вече, казачьи круги и т.д.)

Тем не менее было бы справедливым назвать в качестве исходной точки развития российской системы местного самоуправления как составной части политической системы и как института с четко обозначенными правовыми и организационными границами предпринятые во второй половине XIX в. императором Александром II реформы земского и городского самоуправления. Преобразования были закреплены в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.)¹³⁷ и «Городовом положении» (1870 г.)¹³⁸, согласно которым земские и городские органы власти отделялись от государственных. Это дало значительный толчок к развитию института самоуправления, признанию его универсальности, отходу от сословного характера и вовлечению широких слоев населения в его функционирование.

Сформированные на местах представительные и исполнительные органы, хоть и не получили политических прав, наделялись широким спектром полномочий, прежде всего в социальной сфере: народное образование, здравоохранение, социальная поддержка и т.д. В то же время они обладали определенной ресурсной самостоятельностью – среднегодовой прирост их суммарных бюджетов в 1907–1912 гг. достигал 12,9%, тогда как доля государственных пособий в это период составила всего 13,5% от доходной части¹³⁹. Конечно, данная реформа носила неполный характер, самоуправление вводилось лишь в 34 из 69 губерний, исключались большая часть национальных окраин империи, Сибирь и Дальний Восток. Контрреформы Александра III еще более ослабили только зародившийся институт – «Манифест о незыблемости самодержавия» от 1881 г. урезал права земских органов и поставил их под контроль со стороны губернатора¹⁴⁰.

¹³⁷ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: Ельцина <https://www.prlib.ru/item/438005> (дата обращения: 16.09.2022)

¹³⁸ Городовое положение. Выс. утв. 16 июня 1870 г. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prlib.ru/item/713284> (дата обращения: 16.09.2022)

¹³⁹ Волкова Т.И. Финансовое обеспечение земских органов самоуправления в России. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 20-22.

¹⁴⁰ Манифест о независимости самодержавия. 1881 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13673> (дата обращения: 16.09.2022)

После Февральской революции 1917 г. также встал вопрос о развитии самоуправления на местах, более того, данный процесс рассматривался как базис для дальнейших демократических преобразований в стране. За короткий срок существования Временного правительства был разработан целый пакет предложений по реформированию данного института, а также принят закон от 21 мая 1917 г. «О волостном земском управлении»¹⁴¹. Однако, политическая нестабильность, противостояние с Петроградским Советом и, в итоге, падение Временного правительства не позволили осуществить данные реформы.

Поиск новых форм управления на местах осуществлялся и «снизу» – еще в Первую русскую революцию 1905-1907 гг. в России возникли первые Советы крестьянских, рабочих, солдатских депутатов, которые являлись продуктом самоорганизации масс. Данные институты активно стали формироваться в 1917 г. и выполняли функции местных органов самоуправления в условиях возникшего «вакуума власти».

Однако переход к политике военного коммунизма привел к фактическому отказу от самостоятельности на местах. После Гражданской войны и укрепления советской власти во взаимоотношениях с местными сообществами устойчиво возобладала доминировавшая ранее в отечественной политике государственническая модель, которая практически исключила автономность местных Советов. Они стали частью структуры государственной власти, воплощая в жизнь государственную политику, выполняя решения партии и не рассматривались как самостоятельный властный институт. Управление на местах сосредоточивалось не в самих Советах, а в их исполнительных комитетах, что еще больше привело к централизации власти и ограничению влияния институтов представительства¹⁴². Попытки увеличения ресурсной базы за счет перераспределения части доходов с территорий в пользу местного уровня и расширение его сферы деятельности

¹⁴¹ О введении волостного земского самоуправления: постановление Временного Правительства от 21.05.1917 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prlib.ru/item/438242> (дата обращения: 18.09.2022)

¹⁴² Лютфалиев Р.Т. Правовое регулирование городского самоуправления в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М., 2006. - 204 с.

были предприняты во второй половине 1950-х и 1960-е гг.¹⁴³ Однако это не изменило модель взаимоотношений между местными Советами и вышестоящими органами власти.

Актуализация проблемы самостоятельности местного самоуправления произошла в период 1985-1991 гг. на фоне развития демократических тенденций. Советам местного уровня были возвращены как функции самоуправления, так и конкурентные выборы, что вновь дало возможность местному населению вновь участвовать в управлении на местах. Россия в 1990-е гг. испытала «всплеск» развития самоуправления, которое обрело массовое участие и стало актуальным компонентом политического процесса на местах. Местными Советами были проведены решения о выделении муниципальной собственности из состава государственной, объявлено о суверенитете автономных образований и т.д.¹⁴⁴ Был принят новый закон РФ №1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 6 июля 1991 г.¹⁴⁵

Формирование современной системы местного управления в РФ берет отсчет с 1993 г., когда новая Конституция закрепила местное самоуправление как одну из основ конституционного строя, а его система была отделена от государственной власти¹⁴⁶. Одновременно, в конце 1993 г. была упразднена структура Советов, а их функции были возложены на местные администрации. В 1995 г. был принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который носил рамочный характер и передавал регионам полномочия по общему

¹⁴³ Попов С.И. Генезис и развитие местного самоуправления в России в советский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 28.

¹⁴⁴ Мирзаев М.А. Историко-правовой анализ развития местного самоуправления в 1990-е годы в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 28. №2. С. 36.

¹⁴⁵ О местном самоуправлении в Российской Федерации: закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/ (дата обращения: 18.09.2022)

¹⁴⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2022)

устройству местного самоуправления¹⁴⁷. Началась разработка новой структуры его органов, а также подготовка к избранию новых представительных органов на местах.

Развитие местного самоуправления в 1990-е гг. связано с балансом политических сил в тот период времени: представители либерально-демократических сил видели в муниципальной власти возможность развития гражданского общества, государственники из окружения Б.Н. Ельцина рассматривали ее как противовес самостоятельности регионов, «рыночники» видели в ней инструмент развития частнособственнических отношений приватизации собственности¹⁴⁸.

Необходимо отметить, что муниципалитеты испытывали сильное организационное давление со стороны регионов, которые могли самостоятельно определять структуру местных органов и те уровни, на которых осуществляется самоуправление (город районного или областного значения, район, сельские поселения). В частности, В.Н. Иванов выделял семь моделей функционирования местного самоуправления в этот период, например, в Удмуртии, Пермской области, Коми-Пермяцком автономном округе органы местного самоуправления сформировались на уровне городов и районов, в то время как в Республике Башкортостан – только в пределах сельских поселений¹⁴⁹. Более того, ряд регионов не признали отделение органов самоуправления от государственной власти, обозначая их как продолжение структур государственного управления¹⁵⁰.

На усмотрение региональных властей оставлялись и вопросы ресурсного обеспечения прав и обязанностей местных органов, что также способствовало повышению фактической зависимости последних. В то же время регионы нередко игнорировали и многочисленные нарушения регионального и

¹⁴⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/ (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁴⁸ Мухаметов Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развития // Вопросы управления. 2015. № 36. С. 38.

¹⁴⁹ Иванов В.Н. Местное самоуправление на Урале (1994-2001 гг.) Челябинск, 2002. С 56-59.

¹⁵⁰ Мухаметов Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развития // Вопросы управления. 2015. № 36. С. 39.

федерального законодательства местными органами в сфере организации самоуправления. Конфликты по поводу разделения полномочий между властями субъектов и муниципалитетов происходили только в случаях, когда последние располагали достаточными собственными ресурсами (как правило, в крупных городах или региональных центрах). Нельзя не согласиться с заключением В.Я. Гельмана, охарактеризовавшего итоги развития института местного самоуправления в 1990-х гг. как противоречивые: «если в одних регионах муниципальные органы власти были лишены значимой автономии..., то в других муниципальная реформа привела к относительно успешному, по российским меркам, становлению местной автономии и местной демократии»¹⁵¹.

Конец первенству регионов в сфере регулирования местного самоуправления был положен в начале 2000-х гг., когда была сформирована новая нормативно-правовая база местного самоуправления, основу которой составил Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем были перечислены возможные виды муниципальных образований, закреплён перечень предметов местного ведения, определена структура органов и основных должностных лиц местной власти. Самоуправление должно было действовать на всей территории РФ без исключения, все регионы перешли к унифицированной двухуровневой системе организации местного самоуправления.

Однако реального перераспределения влияния от регионов в пользу муниципалитетов не произошло, последние попали в двойную зависимость – от федеральных и региональных властей. С начала 2000-х гг. возобладали тенденции к иерархизации системы управления, и в настоящее время основными векторами развития института местного самоуправления в России остаются централизация и унификация, интеграция в общую систему государственно-властных отношений. Это нашло воплощение в

¹⁵¹ Гельман В.Я. От местного самоуправления - к вертикали власти // PRO ET CONTRA. 2007. Т. 11. № 1. С. 6.

конституционных поправках 2020 г., включивших исследуемый институт в общую систему публичной власти в стране. Решение проблемы модернизации системы местного самоуправления по-прежнему остается эпизодическим и фрагментарным, сохраняя ориентацию на государственный, а не гражданский интерес и дополняясь идеями бюджетной целесообразности и оптимального менеджмента.

В качестве отправной точки анализа состояния института местного самоуправления в современной России следует сформулировать несколько требований, которым он должен отвечать, чтобы в полной мере выполнять стоящие перед ним задачи. Прежде всего, он должен обладать уровнем политической автономии, достаточным для принятия самостоятельных управленческих решений в интересах местного общества. Данное условие может быть выполнено путем учета региональной и локальной специфики при формировании и функционировании структур местного самоуправления, через реализацию в местном самоуправлении принципа субсидиарности как баланса делегированных ему полномочий и необходимой для этого ресурсной базы, приоритет электоральных способов формирования органов местного самоуправления и активное использование форм прямого осуществления самоуправления населением.

Уровню политической субъектности муниципалитетов должен соответствовать и уровень субъектности экономической, объем собственных доходов среднего муниципального образования должен обеспечивать реализацию основных задач его деятельности. Это возможно только при условии децентрализации бюджетной системы в России, перераспределения налоговых сборов в пользу местного уровня и, при необходимости, дифференцированного подхода к финансовой поддержке различных территорий. Однако важнейшим условием создания действенной и самодостаточной системы местного самоуправления в РФ остается максимальное вовлечение в его осуществление самих жителей, которые могут не только использовать традиционные формы опосредованного участия, но и

самостоятельно участвовать в распределении ресурсов и определении приоритетных направлений развития. Таким образом, современное местное самоуправление должно функционировать не только как политический институт, но и как форма общественной и экономической самоорганизации местных сообществ.

Исходя из обозначенных критериев и выделяемых в теории местного самоуправления его институционального, социального и функционального аспектов проанализируем современное состояние системы местного самоуправления в РФ. Индикаторами институционального аспекта выступают правовое положение института местного самоуправления в РФ, объем полномочий и реальный уровень субъектности муниципальных образований. Правовую основу данного института в России составляет обширный корпус документов, включающий Конституцию РФ, федеральные и региональные специализированные законы, уставы (основные законы) субъектов РФ, отдельные положения федерального и регионального законодательства и т.д.

Тем не менее ряд значимых компонентов остается слабо урегулированными. В частности, определение понятию «муниципальное образование» дается только через перечисление всех видов последних, обозначены крайне обширные основания для образования новых, реорганизации или слияния существующих муниципальных образований, отсутствуют критерии выделения внутригородских районов городских округов.

Кроме того, исследователи выделяют еще несколько актуальных вопросов правового регулирования местного самоуправления. Так, в федеральном законодательстве не раскрыто правовое содержание родового понятия «населенный пункт» и его производных: город, поселок, сельский населенный пункт, а также критерии определения тех или иных видов населенных пунктов¹⁵². Требуется уточнение соотношения правового статуса

¹⁵² Саломаткин А.С., Свиначев В.В. Комментарий к статье 10 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Юридический вестник. 2007. № 1. С. 12-15.

разных видов муниципальных образований (поселений и муниципальных районов), которые имеют разные полномочия и, по сути, находятся в отношениях соподчиненности¹⁵³. Наконец, остается открытым вопрос совмещения территориального устройства местного самоуправления, которое должно определяться законодательством региона с учетом исторических и иных традиций, с административно-территориальным устройством Российской Федерации, земельно-правовым устройством, с выделением избирательных округов и др.¹⁵⁴

Вообще, Федеральный закон №131-ФЗ принимался с расчётом стать универсальным инструментом правового регулирования системы местного самоуправления в масштабах страны, оставляя весьма мало возможностей для учета местных особенностей. Несмотря на то, что проблематично определить одинаковый круг вопросов местного значения для небольшого сельского поселения и для крупного административного центра субъекта Федерации, необходимость формально разграничить предметы ведения вынудила принимать нормы с максимально широкими формулировками. В политической практике это привело к тому, что зачастую регулирующая роль основного закона оказывается подменена субъективным мнением вышестоящих федеральных и региональных органов, которые предъявляют к муниципалитетам требования, основанные, по определению Е.С. Горбатюк, на «собственном понимании размытых правовых норм, не исключающих двойственного толкования»¹⁵⁵.

Ряд полномочий были переданы «авансом», в условиях фактической невозможности их реализации ни в настоящий момент, ни в обозримом будущем, что потребовало в дальнейшем возвращения части полномочий на вышестоящий уровень. По этому поводу Н.С. Бондарь отмечает: «В ряде случаев произошло смешение собственных полномочий местного

¹⁵³ Стрельников А.О. Некоторые проблемы правового регулирования организации местного самоуправления // Административное и муниципальное право. 2017. №1. С. 10

¹⁵⁴ Дворядкина Е.Б., Титовец А.Ю. Территориальные и правовые аспекты реформирования местного самоуправления в Российской Федерации // Управление экономическими системами. 2017. № 7 (101). С. 8-9.

¹⁵⁵ Горбатюк Е.С. Российское самоуправление: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2011. №1. С. 90-91.

самоуправление с теми вопросами, которые органы местного самоуправления могут и в состоянии решать только совместно с органами государственной власти, а также с теми, к решению которых органы местного самоуправления могут лишь подключаться»¹⁵⁶.

Не повышают стабильность местного самоуправления и постоянные изменения законодательства о нем. В 2013-2014 гг. была значительно расширена компетенция субъектов РФ относительно сферы деятельности органов местного самоуправления. Распространилась практика перераспределения полномочий между местными органами и региональными властями, которая в большинстве случаев является однонаправленной, в форме передачи части полномочий по вопросам местного значения в пользу субъектов Федерации и по сути является их изъятием.

Анализ изменений в законодательстве указывает на дальнейшее развитие данной тенденции: закон № 136-ФЗ от 27.05.2014 г., внес изменения в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления...», расширив перечень полномочий, регулируемых нормативно-правовыми актами субъектов РФ, добавив к 36 уже имевшимся еще 24 положений. В ведение регионов перешел целый ряд вопросов: организация органов местной власти, распределение полномочий, численность депутатов, нормы представительства и т.д.¹⁵⁷. Российский политолог А.Е. Кынев отмечает, что «у муниципалитетов постепенно отбираются все ключевые полномочия и передаются на уровень субъектов»¹⁵⁸. В то же время никаких защитных мер от произвольного изъятия полномочий, а также финансовых средств и имущества у муниципальных органов в федеральном законодательстве до сих пор не разработано.

¹⁵⁶ Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008. С 81.

¹⁵⁷ О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: федер. закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 08.09.2022).

¹⁵⁸ Самим не управиться // ИД Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2639772#:~:text=«У%20муниципалитетов%20постепенно%20отбираются%20все,руках»%2C%20—%20считает%20господин%20Кынев> (дата обращения: 30.12.2022).

Процесс централизации идет и между муниципальными образованиями – этот же закон оставил только 13 из 34 вопросов местного значения в компетенции сельских поселений, передав муниципальным районам право распоряжаться остальными. Следует признать справедливым мнение Е.В. Игуменова, что Закон № 136-ФЗ «дал право субъектам Федерации лишать органы местного самоуправления их полномочий, установленных федеральным законом (за отдельными исключениями), в одностороннем порядке, без указания на предельный срок, что подрывает самостоятельность органов местного самоуправления»¹⁵⁹.

Необходимо отметить, что наиболее часто забираются полномочия, потенциально связанные с доходными сферами – землепользование и бюджетная политика. «Пик» их изъятия пришелся на 2015 и 2016 гг., когда муниципальным районам были переданы полномочия поселений в области землепользования и застройки в 4805 и 4841 случаях соответственно, полномочия по составлению и исполнению местных бюджетов в 5562 и в 5477 случаях, а полномочия по благоустройству территории только в 682 и в 671 случаях¹⁶⁰.

К 2020 г. законы о перераспределении полномочий в пользу регионов действовали в 52 субъектах РФ и затрагивали 4,2 тыс. муниципальных образований¹⁶¹. Сфера их применения охватывает главным образом градостроительство, транспорт и дорожное строительство, снабжение коммунальными услугами, рекламу. Наиболее распространенной практикой является перераспределение группы полномочий в одной или нескольких смежных сферах, затрагивающих все муниципальные образования определенного вида, хотя в некоторых регионах приняты законы,

¹⁵⁹ Игуменов Е.Г. Правовые аспекты института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ // Местное право. 2015. № 6. С. 26.

¹⁶⁰ Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2015 г. – начало 2016 г.) // Министерство юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42812/> (дата обращения 19.09.2022).

¹⁶¹ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) / Под ред. Ю.С. Любимова. М.: Министерство юстиции РФ, 2020. С. 51-52.

предусматривающие передачу полномочий сразу в нескольких сферах деятельности¹⁶².

Кроме того, перераспределение полномочий часто осуществляется и путем договоров между муниципальными образованиями разного уровня. В 2020 г. в подобных соглашениях о передаче части полномочий от поселений муниципальным районам участвовало 1266 муниципальных районов (75,4%) и 13,5 тысяч поселений (73,8%) в пределах 76 субъектов Российской Федерации, в то же время в соглашениях обратного характера в 2020 г. участвовало 814 муниципальных районов (48,5%) и 7,4 тысячи поселений (40,5%). Основанием для передела полномочий в пользу муниципальных районов служит ресурсная и кадровая необеспеченность малых городских и особенно сельских поселений, тем не менее принятое решение по сути устраняет не причины, а последствия данной проблемы.

Необходимо признать, что имеет место и прямо противоположная тенденция – наделение муниципальных образований отдельными государственными и региональными полномочиями. Она остается весьма распространенной практикой, адресатами делегирования в том или ином объеме являются около 96% муниципалитетов¹⁶³. Идея подобного делегирования состоит в повышении эффективности государственного управления, так как органы местного самоуправления работают непосредственно в контакте с локальными сообществами, и передача им полномочий позволяет снять часть задач с государственной власти¹⁶⁴. Однако большинство передаваемых полномочий связаны с социальной сферой, и нередко этот процесс перерастает в стремление переложить на муниципалитеты дополнительную социальную нагрузку. Передача осуществляется без учета реального финансового положения муниципальных

¹⁶² Зубарев С.М. К вопросу Об огосударствлении местного самоуправления // Lex Russica. 2018. №12. С. 88.

¹⁶³ Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации // Всероссийская Ассоциация развития местного самоуправления. М., 2021. С. 17.

¹⁶⁴ Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 38.

образований и особенностей их функционирования, являясь дополнительным обременением местных органов.

Е.А. Бычкова и А.Д. Магденко указывают на еще одну проблему данного блока – слабую проработку текстов муниципальных правовых актов, ввиду недостаточной юридической компетентности сотрудников муниципалитетов и частых изменений вышестоящей нормативной базы. Это приводит к тому, что издаваемые акты могут противоречить базовым законам, а местные власти «опасаются» проявлять правотворческую инициативу и вводить новые положения при разработке и принятии нормативных документов¹⁶⁵. В частности, уставы многих муниципалитетов просто дублируют положения Закона №131-ФЗ, а не используют закрепленную в федеральном законодательстве возможность учесть исторические и иные традиции конкретных территорий в своей правотворческой деятельности.

С институциональным аспектом связан и уровень субъектности институтов местного самоуправления. С конца 1980-х и в течение 1990-х гг. самостоятельность местных органов возростала, однако неготовность значительной части как российского общества, так и местной власти, отсутствие опыта самоуправления, экономические и административные сложности не позволили сформировать эффективно функционирующую систему. Поэтому одной из основных идей предпринятого в 2000-х гг. реформирования стало установление контроля над системой местного самоуправления со стороны вышестоящих уровней власти.

Реформированию был подвергнут институт главы муниципального образования, который в 131-ФЗ получил закрепление как обязательный. Было введено положение о возможности удаления главы муниципального образования в отставку по решению представительного органа или инициативе высшего должностного лица субъекта РФ, перечень оснований

¹⁶⁵ Бычкова Е.А., Магденко А.Д. Муниципальное правотворчество: проблемы и пути их преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: право. 2022. Т. 22. № 2. С. 81.

для отстранения дополнялся в 2009 и 2013 гг.¹⁶⁶. В 2014 г. была закреплена вариативность замещения глав муниципалитетов, что на практике привело к массовой замене прямых выборов глав на избрание депутатами представительного органа из своего состава и (или) назначение управляющего, работающего на контрактной основе. Данные преобразования входили в противоречие с ожиданиями жителей, в частности, в 2014 г. на вопрос Левада-центра о том, как должны выбираться мэры крупных городов, 77% респондентов ответили, что населением городов, 8% – депутатами законодательных собраний городов, 9% – губернаторами регионов¹⁶⁷.

Тем не менее процесс отмены выборов был запущен и процент избранных населением глав городов сократился с 73 (2008 г.) до 40 (2014 г.)¹⁶⁸. После 2014 г. в большинстве субъектов Федерации (66 из 82) произошел переход к избранию главы административного центра депутатами представительного органа из своего состава, прямые выборы мэров региональных столиц сохранились в 16 регионах, расположенных преимущественно в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах¹⁶⁹. Тенденция продолжает развиваться, позднее отказались от выборности мэров в Екатеринбурге, Кемерово и некоторых других городах, к концу 2022 г. выборными остаются главы только семи центров субъектов РФ.

Упразднение выборности обосновывалось, прежде всего, сокращением издержек на проведение выборов и повышением эффективности местного управления. Однако в региональных центрах и крупных городах данные решения носили выраженный политический характер или были обусловлены борьбой элитных группировок за местные ресурсы. Конечной целью было понижение «политического веса» мэров, избираемых населением и бывших

¹⁶⁶ Мухаметов Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развития // Вопросы управления. 2015. № 36. С. 39-40.

¹⁶⁷ Россияне о выборах мэра: Пресс-выпуск от 19.05.2014 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/19-05-2014/rossiyane-o-vyborakh-mera> (дата обращения: 21.08.2022).

¹⁶⁸ Особенности ротации корпуса мэров в современной России. Доклад Комитета гражданских инициатив / Сост. Гринева Д.Д., Коротеева П.П., Максимов А.Н., Соснин Д.П., Трудолобов А.С. М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2020/12/Mayors.pdf> (дата обращения 12.09.2022)

¹⁶⁹ Малявкина Н.В., Фомина М.Г. Модели организации муниципального управления в условиях изменения федерального законодательства в 2013-2015 гг. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. №1 (19). С. 26.

нередко более легитимными представителями местных сообществ по сравнению с назначаемыми центром губернаторами¹⁷⁰.

На более низком уровне данный процесс охватил практически все городские поселения и сельские муниципальные районы. По данным последнего доклада Министерства юстиции РФ, основанному на мониторинге уставов муниципальных образований на конец 2020 г., из общего числа (1531) глав городских поселений только 28% избираются на муниципальных выборах, 47% выбираются из состава депутатов представительного органа, 24% занимают свою должность по результатам конкурса¹⁷¹. Схожая ситуация и в сельских поселениях: в 25,4% глав избираются на выборах, 41,4% – выбираются из местных депутатов, 32,6% глав проходят по конкурсу, менее 1% избираются на сходах населения¹⁷².

Таким образом, политическая практика демонстрирует устойчивый дрейф от практики использования муниципальных выборов в сторону, избираемого депутатами из своего числа главы или сити-менеджера. Региональные органы государственной власти получили после 2014 г. большое влияние и на конкурсные процедуры – ими формируется половина состава конкурсной комиссии, а не одна треть¹⁷³. Избранный таким порядком и возглавляющий местную администрацию глава муниципального образования фактически становится независимым и от местного представительного органа, и от населения, а больше зависит от высшего должностного лица субъекта РФ¹⁷⁴

¹⁷⁰ Гельман В.Я. Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 143-152. С. 146

¹⁷¹ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год / Министерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Monitoring_MSU_Minystva_RF_za_2020_god.pdf (Дата обращения 12.09.2022).

¹⁷² Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год / Министерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Monitoring_MSU_Minystva_RF_za_2020_god.pdf (Дата обращения 12.09.2022).

¹⁷³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 08.09.2022).

¹⁷⁴ Костюков А.Н., Благов Ю.В. Конституционность муниципальной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2016. №6. С. 64

Отказ от выборности глав муниципальных образований привязывает их к системе государственной власти, кроме того, выбирая депутатов в представительные органы, избиратели не делегировали им полномочия избирать мэров и глав районов¹⁷⁵. По мнению И.В. Выдрин, основным недостатком указанных преобразований является подмена зафиксированных в Конституции прав граждан на самостоятельность в определении структуры местного самоуправления: «пренебрежение мнением населения, которое либо вообще не принимается во внимание, либо учитывается посредством суррогатных форм прямой демократии, не предусмотренных федеральным законодательством, зато с легкостью вводимых региональными законами»¹⁷⁶.

Таким образом, две основных федеральных тенденции – упразднение выборов должностных лиц муниципальных образований и перераспределение от них полномочий в сторону субъектов РФ ставит местные власти в зависимость от регионов и федерации. Это противоречит самой идее существования местного самоуправления как форме осуществления народом своей власти. Система муниципальных органов по дизайну и характеру деятельности становится более похожей на систему органов государственной власти, что стимулирует ее бюрократизацию, отчуждение между ней и населением¹⁷⁷. Как итог – увеличивается зависимость местной власти от государства, ослабляются ее позиции в политической системе России, что мешает в полной мере отстаивать муниципальные интересы.

Социальный аспект местного самоуправления включает такие составные части, как социально-демографические характеристики местных сообществ, уровень гражданской активности, степень развития человеческого капитала (наличие собственных управленческих кадров). Прежде всего, следует обратить внимание на устойчивую тенденцию депопуляции населения в большинстве регионов РФ, причинами которой являются как его естественная

¹⁷⁵ Колодина Е.А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 168.

¹⁷⁶ Выдрин И.В. Местное самоуправление в России: от идеи к практике // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 80.

¹⁷⁷ Гамидов С.С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. 2019. № 2. С. 9.

убыль, так и массовый миграционный отток. Согласно исследованию В.В. Пациорковского, Ю.А. Симагина и Д.Д. Муртузалиевой за период 2010-2018 гг. население выросло только в 20,8% городских округов и муниципальных районов, в 67,8% отмечена слабая и средняя убыль населения (до 2% в год), а в 11,4% – сильная убыль, что позволяет говорить о перспективе обезлюдения таких территорий уже в среднесрочном будущем¹⁷⁸. К концу 2020 г. естественный прирост населения отмечался только в 13 субъектах РФ, в то время как во всех остальных наблюдается его естественная убыль¹⁷⁹.

Большинство населения России (56%) проживает в крупных муниципально-территориальных образованиях, однако такие муниципалитеты занимают всего около 11% площади страны: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, регионы юга России и некоторые другие¹⁸⁰. На остальной территории РФ депопуляция прогрессирует, по данным Росстата на начало 2022 г. наиболее распространенными остаются населенные пункты с численностью до 10 жителей (27,4%) и 10-50 жителей (24%), которые являются потенциальными кандидатами на вымирание, в то же время как поселений с числом жителей более 1 тыс. всего 4,9%¹⁸¹. Ежегодно значительное количество сельских поселений полностью теряет свое население и ликвидируется, всего насчитывается 24 751 сел (16,2% от общего числа сельских населенных пунктов), в которых не проживает ни одного жителя.

Естественная убыль населения не компенсируется ни внешней, ни внутренней миграцией, в том числе и в относительно благоприятных для жизни регионах Центральной России и Поволжья. Миграционные потоки

¹⁷⁸ Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 59

¹⁷⁹ Симагин Ю.А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 4-22.

¹⁸⁰ Симагин Ю.А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 62-63.

¹⁸¹ Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года. Архивная копия от 13 сентября 2022 // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-11_VPN-2020.xlsx (дата обращения 12.11.2022).

нацелены на крупные экономические центры, а тенденция к концентрации населения и ресурсов сочетается с разреженностью сети больших городов, что усиливает социальную поляризацию пространства по обозначенным Т.Г. Нефедовой и Н.В. Мкртчяном осям север-юг, запад-восток и город-периферия¹⁸². Данный процесс накладывается на уже существующую низкую плотность населения на большей части территории России и на ускоренное «сжатие пространства»¹⁸³, которое выражается в запустении отдаленных от экономических и социальных центров малых поселений, а также восточных и северных земель.

Также процессы депопуляции приводят к изменению демографической структуры в большинстве местных сообществ, уменьшается доля трудоспособного населения и происходит его старение¹⁸⁴. Снижается «покупательная способность» территорий, что негативно сказывается на их привлекательности для бизнеса и инвесторов, уменьшается число предприятий производства, торговли и обслуживания. Результатом становится комплексная социально-экономическая деградация территорий, за которой следует свертывание сети учреждений социальной сферы (образования, здравоохранения, досуга и т.д.) муниципальных образований. Это подстегивает миграцию населения, особенно молодежи, семей с детьми и квалифицированных специалистов, что еще больше усугубляет демографические проблемы.

С вопросами демографии тесно связан вопрос состояния социального капитала местных сообществ – наличия достаточной доли социально активных граждан, а также кадрового потенциала для обеспечения функционирования муниципальных единиц. Необходимо отметить низкий уровень гражданской активности местных социумов, отсутствие мотивации к участию в делах местного самоуправления. Эффективность местного

¹⁸² Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 5. С. 58.

¹⁸³ Маркварт Э., Франcke Й. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная Экономика 2017. № 3. С. 53.

¹⁸⁴ Черешнев В.А., Чистова Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 12. С. 2210-2211.

самоуправления в значительно большей мере, чем эффективность государства, зависит от непосредственного участия населения, а степень вовлечения граждан в процесс принятия решений на местах является одним наиболее значимых показателей его развитости¹⁸⁵.

В РФ в ходе реформирования местного самоуправления не сложились условия для формирования активного гражданского общества на местном уровне. Более того, реформы преследовали цели централизации сферы управления, что привело к снижению автономности институтов местного самоуправления. Это оправдывалось неразвитостью культуры политического участия, присущей россиянам гражданской инертностью, но в реальности было обусловлено исторически сложившейся этатистской направленностью российской государственности и глубокой политизацией всех управленческих процессов в России.

В качестве факторов, обуславливающих низкую активность граждан, следует выделить следующие: сужение социальной базы местного самоуправления, специфику восприятия россиянами данного института, недоверие к местной власти, низкую оценку эффективности ее деятельности, недостаточную правовую и политическую грамотность основной массы населения, сужение возможностей граждан непосредственно участвовать в формировании местных органов.

Одной из основных причин низкого участия населения в деятельности самоуправления являются последствия социально-демографической динамики на местном уровне. Отток относительно молодого и наиболее активного населения в крупные и экономически успешные города приводит к сужению социальной базы местного самоуправления в сельских территориях и малых городах, уменьшению числа потенциальных гражданских активистов, муниципальных депутатов и служащих. Более низкий уровень доходов, меньший доступ к информации и образовательным услугам делают

¹⁸⁵ Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 27.

значительную часть их населения не заинтересованными в личном участии в осуществлении власти на местах. Вместо этого они отдают приоритет более насущным задачам, прежде всего решению вопросов собственного материального благополучия. На подобные ценностные установки накладывается и патерналистские ожидания, свойственные значительной части населения, когда сфера даже низового уровня управления рассматривается как ответственность государственных органов, а не самих жителей.

Не способствуют включению граждан в самоуправление и тенденции правового регулирования, фактически лишаящие жителей возможности влиять на решение вопросов местного значения. Несмотря на то, что в законодательстве прописан довольно широкий перечень форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, значительная часть из них (референдум, нормотворческие инициативы) не реализуются на практике. Более того, зачастую граждане попросту не знают о подобных возможностях, а сами процедуры остаются довольно сложными для исполнения¹⁸⁶.

Для местного населения более привлекательна деятельность, которая дает возможность улучшить место проживания (субботники, инициативы по благоустройству, культурные или спортивные мероприятия), но не требует работы на длительную перспективу¹⁸⁷. Гражданская активность остается узко локализованной на уровне дворов и придомовых территорий. В связи с этим распространенными остаются такие институты участия, как ТОСы: по оценке Минюста РФ на конец 2021 г. в стране насчитывается примерно 35 тыс. ТОСов в границах 6,6 тыс. муниципальных образований, из которых 2,9 тыс. (8,3%) имеют статус юридических лиц¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 31.

¹⁸⁷ Ширяева В.А. Ленская И.Ю. Доверие населения к органам муниципальной власти как основа активного участия граждан в общественной жизни муниципального образования: современное состояние // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 185.

¹⁸⁸ Информация Министерства юстиции РФ (извлечение из доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс] URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA.pdf (дата обращения 22.09.2022)

ТОСы отделены от политической сферы и направлены на выполнение текущих задач в рамках улучшения хозяйственно-бытового обслуживания местных сообществ, но не пытаются решать системные проблемы местного самоуправления в своих городах или поселках, не ставят задачи массового вовлечения жителей в гражданскую активность. Например, В.Г. Лякишева, изучая деятельность ТОС города Барнаула, отмечает такие решаемые ими вопросы, как ремонт подъездов, благоустройство дворов, оборудование хоккейных коробок и спортивных площадок, инвентаризация погребов и гаражей и т.д.¹⁸⁹

Практика участия населения в ТОС находит поддержку у региональных и местных властей, что выражается в активном распределении грантовой поддержки в рамках региональных и городских программ: «Развитие институтов региональной политики Новосибирской области на 2016-2021 годы», «Совершенствование муниципального управления и реализация национальной политики в городе Барнауле» и др. Более того, около 3,6 тыс. ТОС (10,4%) заключили договоры с органами местного самоуправления, позволяющие им использовать средства местных бюджетов на осуществление своей деятельности¹⁹⁰.

Однако некоторые исследователи отмечают высокий уровень бюрократизации деятельности ТОСов и большую роль в их создании и институционализации (определение сроков проведения выборов управляющих органов, выдвижения кандидатов, образование избирательных комиссий) не самих жителей, а представительных органов муниципалитетов и не считают их полноценными формами гражданского активизма¹⁹¹.

¹⁸⁹ Лякишева В.Г. Эволюция территориального общественного самоуправления в г. Барнауле // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2015. № 12. С. 15.

¹⁹⁰ Информация Министерства юстиции РФ (извлечение из доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс] URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA.pdf (дата обращения 22.09.2022).

¹⁹¹ Смирнова Ю.М. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 4 (15). С. 60-67; Безвиконная Е.В. Муниципальная власть как актор социально-политического взаимодействия с территориальным общественным самоуправлением (на материалах практик городских округов) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 435-444.

На фоне развития ТОС, на уровне выше локального (в городских и муниципальных округах, муниципальных районах) влияние населения на порядок формирования органов местного самоуправления значительно уменьшилось. Отстранение граждан от процесса избрания глав муниципалитетов и проведение выборов по партийным спискам, при слабости или отсутствии партийных отделений на местах, привело к ещё большему отчуждению жителей от органов местной власти и падению доверия к ним¹⁹². Также упал интерес населения к муниципальным выборам, низкая явка на которые является показателем уверенности жителей в неэффективности данного института. В частности, во время муниципальных выборов 2022 г., не совпавших с региональными или федеральными, в Алтайском крае средняя явка составила всего 21,42%¹⁹³, в Иркутской области – 23,45%¹⁹⁴ и т.д.

Снижают интерес граждан к местному самоуправлению и результаты деятельности его органов. Их ресурсная и административная зависимость от вышестоящих уровней исполнительной власти приводит к тому, что де-факто они выполняют функцию административного механизма для легитимации принимаемых «наверху» решений¹⁹⁵. Наблюдается нарастание оторванности муниципальных органов от представляемого ими населения, которое в большинстве своем имеет слабое представление об их полномочиях и реальных возможностях, воспринимая не как своих представителей, а как ответвление государственной власти.

Несмотря на то, что мы можем выявить целую систему институтов, действующих от имени и в интересах местного населения, уровень их одобрения и поддержки остается на довольно низком уровне. Р.В. Петухов отмечает ограниченность объема общественного актива, готового

¹⁹² Агибалов Ю.В. О реформе местного самоуправления и снижении рейтинга депутатов представительных органов МСУ // Регион: системы, экономика, управление 2019. № 4 (47). С. 221.

¹⁹³ «Значит население все устраивает»: алтайские политологи и депутаты подвели итоги и объяснили низкую явку на выборах // МК-Барнаул. – 2022. – 3 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://brl.mk.ru/politics/2022/09/13/znachit-naselenie-vse-ustrivaet-altayskie-politologi-i-deputaty-podveli-itogi-i-obyasnili-nizkuyu-yavku-na-vyborah.html> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁹⁴ Результаты голосования на муниципальных выборах – 2022 // Избирательная комиссия Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.izbirkom.ru/docs/8021/> (дата обращения: 14.11.2022).

¹⁹⁵ Майкова Э.Ю., Симонова Е.В., Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития. Власть. 2019. № 5. С. 19.

самостоятельно участвовать в деятельности местного самоуправления¹⁹⁶. Органы местной власти демонстрируют один из худших показателей среди общественно-политических институтов по уровню общественного доверия: по данным опроса Левада-центра за сентябрь 2020 г. им полностью доверяют только 33% респондентов, в то же время полностью не доверяют 25%¹⁹⁷.

С проблемами депопуляции и низкой гражданской активности связан и перманентный управленческий кризис на муниципальном уровне – указанные факторы ограничивают кадровый потенциал местных органов и способствуют усилению конкуренции между ними за кадровые ресурсы¹⁹⁸. В большинстве муниципалитетов существуют сложности рекрутирования муниципальных служащих ввиду разницы между возросшими требованиями к ним и сохраняющимся низким уровнем оплаты труда в этой сфере, особенно на низовых должностях. Зарплаты младших специалистов существенно ниже средней заработной платы по региону, чаще всего составляя две трети и менее от нее¹⁹⁹. Трудоспособная молодежь не рассматривает должности муниципальной службы как перспективные, что сужает возможности для набора новых специалистов и приводит к старению кадрового состава местных органов.

На кадровый потенциал местного самоуправления также влияют недостаточный уровень профессионального образования муниципальных служащих и сложности приобретения практического опыта по своей профессии, без чего невозможно формирование компетентного специалиста-управленца²⁰⁰. Реализация кадровой политики, подготовка и повышение квалификации новых кадров возложено на сами муниципалитеты. Хотя

¹⁹⁶ Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4(122). С. 61.

¹⁹⁷ Доверие институтам: Пресс-выпуск от 21.09.2020 г. // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 14.11.2022)

¹⁹⁸ Маркварт Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. 2016. № 6. С. 7.

¹⁹⁹ Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации // Всероссийская Ассоциация развития местного самоуправления. М., 2021. С. 15.

²⁰⁰ Кожевников О.А. Отдельные вопросы правового и организационного обеспечения местного самоуправления на современном этапе // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3(105). С. 66.

многие регионы (40 на 2018 г.) реализуют собственные программы по поддержке формирования местных управленческих кадров, более половины субъектов федерации не предусматривают выделение каких-либо средств на исполнение этих задач²⁰¹.

Низкая численность служащих в большинстве муниципалитетов и их высокая загруженность формальными задачами ведет к сужению возможностей по непосредственной работе с населением, а нередко и к затруднению выполнения возложенных на органы местного самоуправления функций. На их недостаточную эффективность и низкий уровень доверия со стороны граждан косвенно указывает и тот факт, что жители для решения локальных вопросов нередко предпочитают обращаться напрямую к региональным и даже федеральным властям²⁰².

Также вызывает значительные трудности и формирование местных представительных органов сельских территорий и малых городов, ввиду низкой мотивации граждан участвовать в них в качестве депутатов на неосвобожденной основе. Многие сельские населённые пункты попросту не могут формировать собственные органы самоуправления из-за малочисленности и объединены в составные сельские поселения. Местная власть в 27,9 тыс. поселках, по данным Минюста РФ за 2021 г.²⁰³, представлена только институтом старосты, полномочия которого ограничены и, по сути, заключаются в посредничестве между жителями и сельскими советами.

Функциональный аспект местного самоуправления в России включает его территориально-организационную структуру и ресурсное обеспечение деятельности его органов. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления...» гарантирует местным

²⁰¹ Фролова Е.В., Рогач О.В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 379.

²⁰² Хубаева Д.Ф. Абсентеизм на муниципальных выборах в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 136.

²⁰³ Информация Министерства юстиции РФ (извлечение из доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс] URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA.pdf (дата обращения 22.09.2022)

территориальным единицам финансовое обеспечение возлагаемых на них задач развития территорий, формирования благоприятных условий на местах для малых форм экономической деятельности, создания рабочих мест и возможностей для повышения благосостояния населения. Однако доля доходов местных бюджетов по отношению к ВВП страны за последние два десятилетия снизилась более чем вдвое, с 10,9% в 1997 г. до 4,3%. в 2019 г.²⁰⁴ Значительная часть местных бюджетов формируются с крупным дефицитом (до 50% и выше). З.С. Сулейманова отмечает, что многие муниципалитеты не в состоянии собственными средствами финансировать даже текущие расходы на поддержание системы жизнеобеспечения территорий²⁰⁵.

Можно выделить общие для подавляющего большинства местных бюджетов закономерности – необеспеченность доходными источниками и низкая доля собственных доходов. После преобразований 2000-х гг. на долю муниципалитетов остаются только три местных налога: налог на имущество физических лиц, земельный налог, торговый сбор²⁰⁶. Исследователи отмечают значительное снижение в целом по России уровня собственных налоговых доходов муниципалитетов – с 68,2% в 2000 г. до 27,6% в 2014 г.²⁰⁷. За 2006–2017 гг., несмотря на рост абсолютных показателей, с учетом индекса потребительских цен произошло снижение доходов всех типов муниципальных образований, кроме внутригородских территорий городов федерального значения, в среднем по России на 9%²⁰⁸. Р.Ф. Туровский также указывает, что наибольший спад за этот период демонстрировали самые

²⁰⁴ Ворошилов Н.В. Реформа местного самоуправления: тенденции и перспективы // Бюджет. 2020. № 12. С. 95.

²⁰⁵ Сулейманова З.С. Анализ формирования местных бюджетов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика 2019. №2. С. 79-80.

²⁰⁶ Арланова О.И., Зотиков Н.З., Львова М.В. Местные бюджеты: проблемы формирования // Вестник Евразийской науки. 2019. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN519.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

²⁰⁷ Орлова Е.В. Факторы и причины финансово-бюджетной несостоятельности муниципальных образований в современных условиях // Вестник университета. 2018. № 5. С. 65.

²⁰⁸ Ворошилов Н.В. Проблемы финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 79.

экономически и демографически развитые муниципалитеты – городские округа²⁰⁹.

Столь значительное снижение связано с отменой муниципальной доли ставки по налогам на прибыль, имущество организаций и НДС²¹⁰. Нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц в пользу местных бюджетов также были многократно изменены в сторону сокращения – с 50% до 30 % в 2005 г., с 30% до 20 % в 2012 г. и до 15 % в 2014 г.²¹¹. Повышение отчислений от некоторых других налогов в пользу муниципалитетов во второй половине 2010-х гг., (налог на прибыль организаций, транспортный налог, налог на имущество организаций и др.) со стороны отдельных регионов не привело к значительному увеличению местных налоговых поступлений, доля собственных налоговых сборов в местных бюджетах в среднем по стране на 2020 г. составляет всего 28,2%²¹².

К тому же следует отметить, что за этот период увеличилось число вопросов, находящихся в ведении муниципальных образований (за исключением сельских поселений) и количество переданных на местный уровень государственных полномочий. Расходы местных бюджетов некоторых муниципальных образований на осуществление переданных государственных полномочий могут достигать до 60-70%²¹³. Нельзя не отметить и долговые обременения местных органов – к 2022 г. суммарный объём муниципального долга, несмотря на тенденцию к сокращению за

²⁰⁹ Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 44.

²¹⁰ Орлова Е.В. Факторы и причины финансово-бюджетной несостоятельности муниципальных образований в современных условиях // Вестник университета. 2018. № 5. С. 65.

²¹¹ Афанасьева Е.Е. Проблемы формирования доходов местных бюджетов в условиях централизации финансовых ресурсов // Вестник евразийской науки. 2018. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/62ECVN318.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

²¹² Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetrov_i_mezhbyudzhethnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения 12.09.2022).

²¹³ Маремкулова Р.Н., Гукежева А.А., Кунижева Л.З., Чепкенчиев И.Р. Актуальные проблемы правового регулирования местного самоуправления в России // Вопросы экономики и права. 2017. № 2. С. 29.

предыдущие годы, составлял 20,2% от объёма фактических доходов местных бюджетов (1 868,7 млрд. рублей)²¹⁴.

Эти факторы приводят к зависимости местных органов самоуправления от финансовой поддержки «сверху». Так, по данным Министерства финансов РФ за 2020 г. доля межбюджетных трансфертов от вышестоящего уровня в совокупных бюджетах местных образований составляет 67,4%²¹⁵. В структуре финансовых поступлений в местные бюджеты преобладают не дотации, направления расходования которых определяются самими муниципалитетами, а субсидии и субвенции, то есть целевые поступления от вышестоящего бюджета на конкретные цели. По данным на указанный год, доля в межбюджетных трансфертах последних составила 26,7% и 48,5% соответственно, в то время как дотаций – всего 16%²¹⁶. Подобная финансовая зависимость снижает самостоятельность органов местного самоуправления, но собственные доходы большинства муниципальных образований недостаточны для выполнения возложенных на них полномочий²¹⁷.

Поступления от наиболее значимых и стабильных налогов оказались разделены между федерацией и регионами. И.В. Михеева отмечает, что «"доходные" полномочия "уходят" на региональный или федеральный уровень, происходит перераспределение подведомственности тех или иных

²¹⁴ Материалы к заседанию на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления» // Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. – М., 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAP0o0U2nVGBwYjx6dRDc3cQmcYQMVoу.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

²¹⁵ Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения 12.09.2022)

²¹⁶ Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения 12.09.2022)

²¹⁷ Нехайчук Д.В., Нехайчук Ю.С. Укрепление бюджетного потенциала для обеспечения финансовой независимости органов местного самоуправления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 1. С. 105-106.

вопросов в "невыгодном" для муниципальных образований ракурсе»²¹⁸. Таким образом, мы можем с большой долей вероятности говорить о целенаправленном процессе ослабления экономических позиций муниципалитетов, которые в перспективе могли трансформироваться в относительно автономные субъекты субрегиональной политики. Государство не дает местным властям возможности обеспечивать свою деятельность самостоятельно, а напрямую финансирует их с помощью бюджетных трансфертов, что закрепляет сложившиеся между сторонами иерархические отношения²¹⁹

Не менее значимой характеристикой функционального аспекта является вопрос определения оптимальных границ муниципальных образований, обеспечивающих эффективную реализацию территориальным сообществом своих управленческих и самоуправленческих функций. С одной стороны, размеры муниципалитетов должны обеспечивать близость их властей к населению и возможность непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления. С другой стороны, само по себе «приближение» власти к населению не приводит к повышению ее эффективности²²⁰. Более того, этот принцип практически не реализуем в крупнейших городах или малонаселенных отдаленных территориях, хотя и по прямо противоположным причинам.

В России на функционирование системы местного самоуправления оказывают значительное влияние такие естественные и социальные факторы, как сложные природно-климатические условия, неравномерность расселения и логистические трудности. В условиях обширных, но слабозаселенных районов

²¹⁸ Михеева И.В. Местное самоуправление на современном этапе векторы оптимизации // Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований с различными уровнями власти: Материалы VII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 150-летию земской реформы. Саратов: издательство «Саратовский источник», 2014. С. 104.

²¹⁹ Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 41.

²²⁰ Рыков А.Н. Необходима ли новая реформа местного самоуправления? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 4. С. 57.

затруднено взаимодействие между муниципалитетами и населением, и между муниципальными образованиями на низовых уровнях²²¹.

Негативные тенденции в этой сфере усиливаются неравенством социально-экономического развития субъектов РФ и их несбалансированным административно-территориальным устройством. Данный вопрос тесно соотносится с проблемами ресурсного дефицита и депопуляции, которые решаются, прежде всего, путем оптимизации организационно-территориальной структуры через механическое сокращение количества муниципалитетов, их реорганизацию и слияние. С другой стороны, наличие множества небольших муниципальных образований на местном уровне со слабой финансово-экономической базой, но несущих ответственность за решение многих социальных вопросов, приводит к дезорганизации системы местной власти.

Как уже было обозначено, проблемы организации территориальной структуры местного самоуправления решаются за счет укрупнения и слияния муниципальных образований. Первый этап прошел еще в 1990-е гг., после роспуска местных Советов, когда число территорий, на которых осуществлялось местное самоуправление, сократилось за период с 1993 г. по 1997 г. более чем вдвое – с 28 тыс. до 13 тыс.²²² В ходе реформы местного самоуправления после принятия Федерального закона №131-ФЗ и образования новых муниципальных образований, их численность к 2009 г. возросла до 24 207²²³.

Процесс преобразования и изменения границ муниципальных образований идет в РФ перманентно, главным образом за счет объединения сельских поселений²²⁴. Всего на начало 2022 г. в РФ насчитывается 19 675 муниципалитетов всех типов. Значительнее всего за период с 2010 по 2022 г.

²²¹ Родоман Б.Б. Россия – административно-территориальный монстр. [электронный ресурс]: URL: <http://polit.ru/article/2004/11/04/rodoman/> (дата обращения 27.01.2023)

²²² Пакшенкова С.В. Опыт укрупнения муниципальных образований в российской и зарубежной практике // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1-2. С. 272.

²²³ Благов Ю.В. Укрупнение муниципальных образований в новейшее время // Правоприменение 2017. Т. 1. № 3. С. 118.

²²⁴ Пакшенкова С.В. Опыт укрупнения муниципальных образований в российской и зарубежной практике // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1-2. С. 274.

сократилось число сельских поселений (с 19919 до 15742) и городских поселений (с 1732 до 1307)²²⁵. Необходимо отметить, что «пик» преобразований сельских населенных пунктов пришелся на 2009-2010 гг., однако и после их число продолжило сокращаться со скоростью 100-200 поселений в год²²⁶. Сокращение числа муниципальных районов (с 1793 до 1544) ускорилось в последние годы и связано с образованием на их месте 180 муниципальных округов. За указанный период увеличилось лишь количество городских округов (с 520 до 632 к 2020 г., в 2021 г. сократилось до 608), однако увеличение происходило за счет переформатирования муниципальных районов в городские округа (с упразднением существовавших в них сельсоветов), а не за счет придания такого статуса другим поселениям²²⁷. Кроме того, были образованы новые виды муниципальных образований, такие как городские округа с внутригородским делением и соответствующие районы.

Подобная оптимизация территориальной структуры дает довольно скромный экономический эффект, однако создает трудности для жителей преобразованных муниципалитетов в их участии в местном самоуправлении и доступе к муниципальным услугам, отдаляя органы местной власти от локальных проблем жителей. Сами идеи укрупнения, как правило, исходят не от населения, а от региональных властей, в подавляющем большинстве случаев территориальные реформы позиционируются как личные политические проекты губернаторов и используются для удовлетворения политических и экономических интересов субъектов федерации²²⁸. Концентрация населения, общественных структур, органов власти в центре

²²⁵ Число муниципальных образований по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>; Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-adm-2022.xlsx> (дата обращения 12.09.2022).

²²⁶ Сушко М.Ю. Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. Т. 19. №2. С. 260.

²²⁷ Маркварт Э., Соснин Д. Территориальные реформы местного самоуправления: оценка предпосылок и эффектов // Местное право. 2018. № 4. С. 20.

²²⁸ Маркварт Э., Францке Й. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная Экономика 2017. № 3. С. 51.

муниципальных образований в процессе их объединения нередко приводит к тому, что жители периферийных поселений, вошедших в их состав, самоустраиваются от участия в общих выборах и меньше представлены в составе объединенного представительного органа²²⁹.

Кроме того, до сих пор отсутствует единое правовое и теоретическое обоснование критериев объединения муниципальных образований, или их перевода в другой статус. Особо сложная ситуация с разграничением городских округов и городских поселений: первыми должны были стать наиболее крупные города со значительным социально-экономическим потенциалом, а вторыми – малые и средние города, связанные с сельским окружением. Однако решение о статусе конкретного города в итоге принималось региональными властями, в связи с чем во многих субъектах РФ есть городские округа с населением менее 10 тыс. человек. Такой же статус получили и закрытые административные образования (ЗАТО), независимо от численности проживающего в них населения²³⁰.

Российский институт местного самоуправления находится в «двойной ловушке» – с одной стороны, слишком мелкие муниципальные единицы с небольшим населением не могут иметь достаточных ресурсов для реализации возложенных задач. С другой стороны, практика укрупнения муниципалитетов разрушает уже сложившиеся отношения внутри локальных социумов и отрывает органы самоуправления от подопечных территорий. Но в настоящий момент вопрос территориальной структуры местного самоуправления по сути закрыт в силу перехода к одноуровневой системе местного самоуправления, обозначенной конституционными поправками и

²²⁹ Ковин В.С. Политическая депопуляция муниципальной периферии: политические и электоральные последствия объединения муниципалитетов на примере Пермского края // *Ars Administrandi*. 2022. Т. 14. № 1. С. 135-136.

²³⁰ Симагин Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения // *Народонаселение*. 2013. № 4 (62). С. 91.

проектом Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»²³¹.

Итоги исследования современной системы местного самоуправления в России показывают, что это относительно «молодой» институт, который в современном виде начал формироваться только в начале 1990-х гг. Его становление проходило в период масштабных социально-политических трансформаций всего Российского государства, что отразилось в наличии ряда системных недостатков, актуальных и в настоящее время.

Три структурных компонента местного самоуправления – территориальный, организационно-институциональный и функциональный, составляют сложную и взаимозависимую систему, а проблемы в функционировании одного из элементов которой ведут к разбалансировке всех структурных. В связи с этим, можно выделить ряд основных проблем функционирования данного института.

Прежде всего, это несовершенство и постоянные трансформации нормативно-правовых оснований местного самоуправления в РФ. Не менее значима проблема низкой ресурсной самодостаточности данного института, отсутствие реальной финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления и стабильных источников дохода. Государство ставит перед муниципальными органами задачи, для решения которых они не обеспечены ресурсами, что приводит к усилению иерархических моделей взаимоотношения государства и местного самоуправления. Соответственно, следующая проблема – слабая субъектность институтов местного самоуправления, их подчиненное положение по отношению к органам региональной и федеральной власти, а также уменьшение роли выборных процедур в формировании местных органов.

Следующая критически важная проблема – устойчивая депопуляция населения большинства регионов РФ, особенно в районах Сибири, Дальнего

²³¹ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 08.09.2022)

Востока и регионов вне крупных городских агломераций, вплоть до полного обезлюдешивания отдаленных территорий. Также к одной из важнейших проблем следует отнести и вопрос территориальной структуры российского местного самоуправления, которая подвергается постоянным процессам оптимизации и слияния малонаселенных муниципальных образований. Последняя проблема – сокращение социального капитала локальных обществ, в которую входят как низкая гражданская активность населения, так и кадровый голод на местном уровне. Значительная часть жителей не воспринимает институт местного самоуправления как сферу приложения своей активности, реализации гражданского потенциала и эффективный инструмент по защите своих интересов.

Учитывая системный характер указанных проблем, развитие института местного самоуправления в стране и преодоление кризисных явлений его функционирования невозможно вне задач комплексного совершенствования экономической, политической и административно-государственной системы Российской Федерации в целом. Одним из важнейших условий модернизации местного самоуправления является активизация воздействия «снизу», со стороны общества. Оно должно заключаться в повышении уровня гражданской активности на местах, включении жителей в деятельность как органов местной власти, так и формальных и неформальных объединений, осознании гражданами личной ответственности за управление локальными делами. Решение этой задачи, вкупе с повышением самостоятельности и субъектности органов местного самоуправления возможно только при условии отказа от дальнейшего «огосударствления» его системы в РФ.

Глава 2. Гражданский активизм как форма политического участия на локальном уровне

2.1. Гражданская активность: понятие и современные тенденции

Местное самоуправление – это часть публичной сферы, где в силу близости к населению решаются не только задачи его жизнеобеспечения, но и создаются условия непосредственного участия граждан в развитии местных сообществ. В масштабах современных государств, при доминировании представительных органов и опосредованных форм участия, граждане могут самореализоваться как акторы гражданского общества именно на местном уровне.

В конце XX в. структура общественных взаимоотношений значительно трансформировалась. Ф. Фукуяма указывал на тенденцию снижения доверия к традиционным институтам, особенно связанным с государственным принуждением, одновременно отмечая рост числа объединений граждан и количества их участников²³². В ходе «глобальной революции ассоциаций» 1990-х гг. значительно расширился масштаб и область деятельности общественных организаций, уровень их влияния на общественно-политическую повестку. Сформировывался мощный некоммерческий общественный сектор, который в развитых странах стал способен не только к равноправному взаимодействию с государственными институтами, но и к конкуренции с ними в сфере социальных услуг²³³.

На этом фоне тема гражданской активности (гражданского активизма) является актуальной и служит предметом исследования различных наук: политологии, социологии, психологии и др. Исследования включают изучение собственно активности как феномена общественной жизни, форм ее проявления (разнообразных объединений граждан), взаимодействия

²³² Фукуяма Ф. Великий разрыв. М, 2004. С. 87-88.

²³³ Скалабан И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 2(24). С. 80.

индивидов, гражданского общества и государственных структур, факторов, влияющих на уровень и динамику активности. В политической науке сложилось несколько подходов к пониманию гражданской активности.

Одним из базовых подходов к ее изучению является теория коллективных действий М. Олсона²³⁴. Она гласит, что участие индивидов в какой либо общественной активности обусловлено тем, что в ее рамках они могут лоббировать собственные интересы. Как правило, участники группового взаимодействия взвешивают выгоды и издержки от своего участия и вступают в коллективную деятельность для оказания влияния на процессы общественного управления и достижения социальных, политических, экономических изменений в свою пользу.

Вторым базовым подходом служит теория относительной депривации Дж. Девиса²³⁵ и Т. Гарра²³⁶. Она заключается в том, что разница между представлениями индивидов о своем социальном положении и его фактическими характеристиками сказывается на уровне их удовлетворенности собственной жизнью. В связи с этим могут формироваться сообщества с высокой степенью социальной напряженности, вызванной ощущением социальной несправедливости, которые нацелены на преодоление стоящих перед ними проблем. Недовольство и ощущение депривации в подобных условиях может приводить к социальным конфликтам и мобилизации гражданского активизма, оказывая значительное влияние на саму социально-политическую структуру общества.

Третий подход основан на теории социального конфликта и социального действия А. Турена. Гражданская активность в современном мире связана с противоречиями, возникающими в ходе трансформации структуры общества. Она включает в себя различные формы социальных действий (участие в общественных дебатах, социальных движениях, обращении к политическим

²³⁴ Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 165 с.

²³⁵ Davies J.C. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 1. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.louischauvel.org/DAVIES2089714.pdf> (дата обращения: 15.01.2023)

²³⁶ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461с.:

деятелям и. т.д.) и субъективное ощущение гражданами значимости своего участия, самоидентификацию себя в качестве субъектов общественных процессов. Также А. Турен выделял понятие «социального актора» – индивида или группы, обладающих сознательностью и способностью действовать в социальной сфере²³⁷.

Четвертый подход – с позиций теории мобилизации ресурсов (Ч. Тилли²³⁸, Дж. Маккарти, М. Зальд²³⁹). Согласно нему, в обществе существуют различные формы коллективного действия, такие как протесты, движения за гражданские права, а также насильственные акции. Они выполняют роль инструментов для формирования коллективной идентичности и создания солидарности между участниками, мобилизации ресурсов для достижения групповых целей и получения каких-либо благ или привилегий. Гражданский активизм в данном подходе следует рассматривать в разрезе коллективного действия, как воплощение определенных ценностно-смысловых характеристик или мировоззренческих ориентиров.

Необходимо отметить, что для обозначения участия индивидов и их объединений в социально-политических процессах нередко используются иные термины, которые в значительной мере пересекаются с понятием «гражданская активность»: «самоорганизация граждан»²⁴⁰, «гражданское участие»²⁴¹, «гражданские инфраструктуры»²⁴². Также гражданская активность может рассматриваться как разновидность активности социальной,

²³⁷ А. Турен Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

²³⁸ Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 432 с.

²³⁹ McCarthy J. D., Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. No 82(6). P. 1212-1241.

²⁴⁰ Бейдина, Т.Е., Титова, М.И. Общественная самоорганизация населения как одна из форм гражданского общества // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 7. С. 31-36; Невеличко Л.Г. Самоорганизации населения: концептуальные основы формирования и социальная практика // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 202-210.

²⁴¹ Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60; Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 130–139; Демушина О.Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества // Карельский научный журнал. 2015. № 1 (10). С. 114–117.

²⁴² Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162-192.

предполагающей проявление гражданами и их объединениями ориентации на общественные ценности, готовности к участию в общественно полезной деятельности, реализации инициатив в повседневной общественной жизни, их активное включение в процессы управления²⁴³.

Кроме того, многие ученые отделяют гражданскую активность от политической, указывая на ряд критически важных отличий. В частности, М.С. Круглов отмечает, что первая не направлена на борьбу за власть, а ее субъекты не конкурируют с субъектами политики. Зарубежные исследователи (М. Барретт, Б. Зани, И. Экман, Э. Амно) также фиксируют концептуальное различие между политическим и гражданским участием²⁴⁴. Термин «политическое участие» обозначает деятельность с целью оказания прямого или косвенного влияния на государственную политику разного уровня, а «гражданское участие» – деятельность, выполняемая индивидами в одиночку или в сотрудничестве с другими и направленная на оказание помощи другим, достижение общего блага или решение общественных проблем.

В то же время гражданская активность является важным элементом политики и нередко становится «фундаментом» активности политической, когда граждане от локальных форм участия переходят участию в политике на национальном уровне. Например, А.О. Селиванова, типологизируя формы политического участия, обозначает гражданское участие как промежуточную ступень между неучастием и собственно политическим участием²⁴⁵. М.С. Круглов выделяет пять уровней гражданской активности: локальный, городской, региональный, федеральный и уровень политической

²⁴³ Логинова Л.В., Щербанова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2. С. 98–108; Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 5. С. 59-72; Герасимова Г.И., Швецова О.В. Теоретические подходы к исследованию гражданской активности молодежи // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 10. С. 15-18.

²⁴⁴ Barrett M., Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective // *Journal of Civil Society*. 2014. Vol. 10. Issue 1. P. 5–28; Ekman J., Amno E. / Political participation and civic engagement: Towards a new typology // *Human Affairs*. 2012. Vol. 22. P. 283–300.

²⁴⁵ Селиванова А.О. Формы политического участия: проблема типологизации // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2017. Т. 17. № 3. С. 356.

деятельности, отражающие зарождение, трансформацию и рост локальных групп активистов в общественные движения и политические объединения²⁴⁶.

Ряд авторов (С.С. Аносов, А.В. Соколов, Я.В. Барский²⁴⁷) указывают на значение гражданского активизма как одного из факторов демократизации общества, выступающего уравнивающим элементом по отношению к сильной государственной власти. Возможность реализации активностного потенциала граждан должна быть обеспечена устойчивой системой соответствующих институтов, которые будут упорядочивать общественные отношения и регулировать поведение активистов. С.С. Аносов также проводит аналогии между данным понятием и используемыми в зарубежной науке терминами «гражданская вовлеченность» (civic engagement) и «демократия участия» (participatory democracy)²⁴⁸.

Гражданская активность – сложное и многогранное явление, зависящее от территориальной, национальной и социально-демографической специфики исследуемых обществ, в связи с этим для его характеристики применяют различные типологизации. А.А. Калягина указывает на существование институциональных и неинституциональных форм гражданской активности, различающихся ориентацией на участие или неучастие в традиционных субъектах политического процесса (политические партии, некоммерческие организации, профсоюзы)²⁴⁹. В рамках уже упомянутой типологии А.О. Селивановой гражданское участие подразделяется на социальную вовлеченность и социальную активность, отличающиеся степенью включенности граждан в общественные процессы²⁵⁰.

²⁴⁶ Круглов М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. №3. С. 234.

²⁴⁷ Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 68–74.

²⁴⁸ Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 7.

²⁴⁹ Калягина А.А. Гражданская активность россиян в условиях современного политического процесса: авторефер. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2012. С. 13.

²⁵⁰ Селиванова А.О. Формы политического участия: проблема типологизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 356.

И.А. Бронников указывает, что в современной науке практики гражданской активности классифицируют по разным основаниям: по регулярности воплощения (стабильные и хаотичные); по количеству участников (индивидуальные и коллективные); по преследуемым целям (экологические, национальные, гендерные, антивоенные и др.); по масштабности (городские, региональные, общегосударственные); по причастности к политике (политизированные и аполитичные)²⁵¹.

Российский социолог С.В. Патрушев выделяет два типа активности: гражданское участие и гражданское действие. Первый тип является адаптивным и направлен на воспроизводство существующих форм гражданского общества и его ценностно-нормативных основы, а второй – неадаптивный, направлен на изменение общественных институтов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами²⁵².

И. Цукерман, американский медиаисследователь, обозначает две «оси» для характеристики формы и содержания гражданской активности. Первая из них – это степень вовлеченности, которая может изменяться от значительной (коллективные действия, привлечение новых сторонников) до незначительной (подписание петиций, активность в социальных сетях). Вторая ось – форма активности, которая подразделяется на демонстративную (обозначение позиции по общественным вопросам) и инструментальную (действия, ориентированные на произведение каких-либо преобразований)²⁵³.

Подводя итог рассмотрению основных подходов к определению гражданской активности, следует отметить, что для данной работы особое значение имеет теория коллективного действия, которая позволяет объяснить процессы самоорганизации граждан в условиях ресурсного неравенства и наличия нерешенных общественных проблем. Но в то же время она не охватывает всех возможных причин возникновения гражданского активизма,

²⁵¹ Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. 2019. № 2. С. 13-14.

²⁵² Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 26.

²⁵³ Zuckerman E. New Media, New Civics? // Policy & Internet. 2014. Vol. 6. Iss. 2. P. 159-160/

не учитывает факторы ценностно-смыслового характера. Данную методологическую лакуну заполняет теория мобилизации ресурсов, применяемая при исследовании гражданских объединений, ориентированных на цели постматериального характера.

Также необходимо на основе собранной информации дать определение понятию «гражданская активность» для использования в работе. Мы можем охарактеризовать ее как формальные и неформальные практики добровольного и осознанного участия граждан в социально-политических процессах с целью реализации общественно-значимых интересов и разрешения актуальных проблем сообществ разного уровня. Необходимо отметить, что мотивация гражданских активистов может носить как альтруистический, так и частный интерес, однако достижение поставленных целей возможно только в кооперации с другими индивидами, гражданскими объединениями, государственными и политическими институтами.

Гражданская активность является важным ресурсом модернизации политической и административной системы государства на разных уровнях. В частности, в политической практике многих стран граждане целенаправленно вовлекаются в процесс принятия решений, что служит инструментом преодоления так называемых «демократических дефицитов» Дж. Стюарта. В качестве дефицитов он обозначает ряд устойчивых противоречий современной социально-политической сферы: между интересами и предпочтениями; между местными сообществами и их представителями; между представительной и исполнительной властью; между бюрократией и результатами ее работы²⁵⁴. Участие населения в обсуждениях, консультациях, возможность влиять на административные решения и вообще сотрудничество власти с негосударственными субъектами частично сглаживает ограничения используемых формально-бюрократических подходов в управлении²⁵⁵.

²⁵⁴ Stewart J. Dilemmas of Engagement: The Role of Consultation in Governance. Canberra: ANU Press, 2009. P. 11.

²⁵⁵ Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Состояние и проблемы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении: экспертный анализ // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 1 (34). С. 6

Гражданская активность позволяет расширять пространство гражданской и политической свободы индивидов, а также сформировать стиль взаимодействия общественных субъектов с властью, который может развиваться по трем траекториям: патронажной, конкурентной и траектории партнерства власти, бизнеса и гражданского общества. Последняя модель требует не только готовности к диалогу со стороны государства, но и значительной активизации деятельности гражданского общества и его институтов²⁵⁶.

Во многом от того, насколько данный ресурс удастся использовать на практике, зависит эффективность работы политических институтов всех уровней и, как следствие, качество жизни населения. В формальных отношениях власти и общества гражданская активность реализуется преимущественно на уровне местного самоуправления. Так как невозможно все время поддерживать высокий уровень политической активности населения, именно локальные прорывы демонстрируют способность местных сообществ выходить на новый уровень организации.

Важнейшим движущим фактором в этом процессе должно быть максимальное включение населения в деятельность местного самоуправления. Оно должно основываться на добровольном участии и заинтересованности граждан, осознанном признании (или непризнании) ими существующей организационной структуры местной власти и «прозрачности» протекающих местных управленческих процессов²⁵⁷. Центральными факторами привлечения населения к реформированию местного самоуправления должны стать простота и доступность механизмов участия, а также убежденность граждан в возможности самостоятельно добиться перемен в жизни местных сообществ²⁵⁸.

²⁵⁶ Леньков Д.А. Концепт гражданского общества и опыт его адаптации к российским условиям: традиции и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 185-186.

²⁵⁷ Шубин Ю.А. Местное самоуправление и гражданское общество // Вестник Московского Государственного университета культуры и искусств. 2008. № 1. С. 11.

²⁵⁸ Голубева Т.Г. Местные сообщества в контексте перспективной модели местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 72.

Необходимо отметить, что модернизационные преобразования имеют больше возможностей для реализации в условиях демократического государства, которое стремится к открытости и публичности взаимоотношений с обществом и отдельными индивидами. Направленность российской власти на решение социально-политических проблем уже существующими административно-управленческими подходами не позволяет в полной мере выстраивать эффективно работающие институты в условиях усложнения социальных систем.

Вслед за развитием гражданского общества возможно и перестроение принципов публичной политики в целом – в сторону ее большей открытости, налаживания каналов обратной связи и повышения гибкости административно-властной структуры. При неработающих каналах обратной связи между властью и обществом неинституционализованные формы гражданской активности предоставляют возможности для артикуляции общественных интересов. Часть из создаваемых ими групп и объединений, пытаясь изменить систему политических отношений в своей сфере или в обществе в целом, в процессе своей деятельности политизируется и становятся субъектами политики местного, регионального и даже федерального уровней²⁵⁹.

Участие объединений жителей в осуществлении собственных локальных инициатив позволяет сформировать компетенции и навыки участия, способствует координации социальных действий и прививает чувство ответственности за общие дела²⁶⁰. Индивиды, вовлеченные в деятельность ассоциаций и гражданских инициатив, многие из которых организованы на принципах самоуправления и демократизма, получают опыт «живой демократии». Непосредственное участие в политических процессах обеспечивает их большее погружение в общественно-политические проблемы,

²⁵⁹ Круглов М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. №3. С. 234.

²⁶⁰ Воропанов В.А., Бурянина О.А., Бушуева Т.Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 46

ведет к более глубокому осознанию преимуществ демократического управления и в итоге способствует демократической консолидации общества²⁶¹.

В рамках современного общества происходит сущностная трансформация структуры, форм организации и методов деятельности гражданских активистов. В первую очередь стоит отметить увеличение роли сетевых структур в общественных процессах, сетевой характер современной публичной политики. Теоретики сетевого подхода (Д. Марч и Р. Родс²⁶², К. Ханф и Л. О'Туул²⁶³, М. Кастельс²⁶⁴, Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов²⁶⁵) указывают, что сети могут формироваться в различных сферах общества и представляют комплекс взаимоотношений между государственными и общественными институтами, связанными ресурсной взаимозависимостью, общими интересами, использующими формальные и неформальные практики взаимодействия с целью достижения определённых результатов. Сети рассматриваются связующим элементом между государством и гражданским обществом, которое в условиях рассредоточенности ресурсов позволяет их участникам вступать во взаимодействие независимо от своего статуса и позиции.

В частности, Т. Берцель характеризует политические сети как набор относительно стабильных неиерархических взаимоотношений, связывающих акторов с общими политическими интересами, которые организуют обмен ресурсами для их продвижения²⁶⁶. Следует отметить, что в данном определении участники сети ориентируются на общие интересы, признавая

²⁶¹ Лубский А.В., Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 71.

²⁶² Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 10-13

²⁶³ Hanf K., O'Toole L. Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter-Organizational Relations // European Journal of Political Research. Special Issue. 1992. Vol. 21 (1-2). P. 163-180; O'Toole L. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World // Journal of Public Administration Research and Theory. 1997. Vol. 7. P. 443-459.

²⁶⁴ Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. 318 p.

²⁶⁵ Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. 320 с.

²⁶⁶ Brzel T. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks // Public administration. 1998. No. 76. P. 263-264.

кооперацию лучшей стратегией достижения целей, что особенно актуально для процессов гражданской самоорганизации.

Особенно активно политические сети начали формироваться после информационной революции и стремительного скачка в развитии коммуникационных технологий. Политические институты, общественные движения и коллективные действия в современном обществе в значительной мере организуются посредством сетей. М. Кастельс указывал, что социальное действие и противодействие в сетевом обществе осуществляется через воздействие на организационные сети цифрового пространства, которое реализуется в борьбе коммуникаторов, отражающих разные интересы²⁶⁷.

Изменяется в сетевых условиях и характер власти, которая у различных субъектов (государство, крупные корпорации, малые организации) строится на способности контролировать информационно-коммуникационные каналы и формировать через них сознание общественности. Властные характеристики политических акторов определяются конфигурацией социальных сетей, их уровнем открытости, уровнем доверия и социальной поддержки, ценностной направленностью и самоидентификацией участников сети, степенью институциональности и характером взаимодействия²⁶⁸.

Сети составляют ткань («морфологию», по определению Р.В. Пармы) современного общества, генерируя информационные потоки, формируя сообщества и координируя действия людей²⁶⁹. И.В. Мирошниченко обозначает существующие внутри сети взаимодействия как сетевые игры, в ходе которых участники сети действуют стратегически в интересах достижения собственных целей, и рассматривает политические процессы как совокупность таких игр²⁷⁰. Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов отличают сетевое управление от других управленческих моделей тем, что в нем

²⁶⁷ Castells M. A Network theory of power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 782-783.

²⁶⁸ Кийков А.В. Социальный капитал городского поселения как ресурс местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011. С. 9-10.

²⁶⁹ Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. №2. С. 34

²⁷⁰ Мирошниченко И.В. Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направление развития // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 73-74.

действует особая культура консенсуса, отсутствует «верхний» или «центральный» уровень управления, оно основано на межорганизационных связях и взаимозависимости между элементами²⁷¹.

Сетевые формы организации обладают рядом актуальных для современного мира преимуществ – они более оперативно реагируют на изменения среды, более плюралистичны к составу участников и менее скованы традиционными формально-бюрократическими процедурами, ориентируясь на взаимодействие непосредственно с людьми. Сетевой подход в государственном управлении соотносится с современной концепцией «governance», основанной на совершенствовании организационной и технологической его составляющей, расширении круга субъектов политики и взаимной заинтересованности акторов в совместных действиях. В российских общественных науках под влиянием идей «governance» и сетевого подхода сформировалась концепция «соуправления», выражающая подобные идеи²⁷².

Сетевой подход и присущая ему горизонтальная координация позволяет государству разрешить ряд социальных вопросов, передав их негосударственным акторам. Однако эффективное использование сетевой модели в практике государственного управления возможно только при условии отказа политиков от традиционного типа властно-бюрократического мышления и моноцентрического подхода в осуществлении власти. Это потребует серьезного перестроения и усложнения современной административно-управленческой модели. Государственная власть будет вынуждена отказаться от директивного принятия решений в пользу развития навыков неиерархического взаимодействия (медиация, фасилитация, арбитраж

²⁷¹ Сморгун Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. С. 28-29.

²⁷² Рыбакова С.С. Особенности и проблемы участия граждан в процессе принятия решений органами государственной власти // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 761–775; Титов Э.А. Городское соуправление: концепция и современные исследования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 173–194.

и пр.) и умения «комбинировать бюрократические, рыночные и сетевые практики государственного управления»²⁷³.

В настоящее время в России можно видеть, что инициатива создания и распространения сетевых практик на различные уровни политической организации исходит в первую очередь не от государства, а от общества. Сетевые общественные структуры появляются в условиях неразвитости диалога с властью и служат инструментом поиска альтернативных путей решения общественных проблем. Новое поколение российских активистов предпочитает организовывать свою деятельность в виде неформальных групп и объединений. Сужение возможностей политического участия в последние два десятилетия и снижение поддержки гражданских инициатив со стороны иностранных фондов подталкивает их использовать новые, альтернативные способы защиты интересов и получения ресурсов²⁷⁴.

Сегодня и отдельные граждане, и некоммерческие организации обращаются к публичным каналам влияния на принимаемые властью решения и предпочитают использовать сетевые формы и принципы гражданской активности. Общественные отношения трансформируются в сети с множеством участников, появляются новые возможности для гражданского активизма, возникают и развиваются новые формы общественных объединений. Это приводит к формированию множества самоорганизующихся объединений, служащих «первичными единицами» роста гражданского общества. Следует согласиться с мнением О.Ю. Герасимовой, которая говорит о формировании сетевого гражданского общества: «Плюрализм организаций выступает моделью сетевой децентрализации, аккумуляции и циркуляции социально-политической энергии... Формирование современного гражданского общества происходит в режиме сети»²⁷⁵.

²⁷³ Михайлова О.В. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «Стратегия Чеширского кота» по управлению сетями // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17. № 4. С. 6–18.

²⁷⁴ Sundstrom L.M., Henry L.A., Sperling B.V. The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia // East European Politics & Societies. 2022. Vol. 36(4). P. 1388–1389.

²⁷⁵ Герасимова О.Ю. Сетевая социальная морфология гражданского общества // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 120.

Общественные и политические институты сетевого формата представляют собой децентрализованные структуры, строящиеся на договорной основе и формирующие партнерские отношения между их членами²⁷⁶. Необходимо отметить, что политическая субъектность социальных сетей возникает не одномоментно – Ю.А. Головин и А.А. Фролов выделяют три этапа ее становления: усвоение индивидуальными участниками социальных сетей социальных ролей и поведенческих стандартов в политике, конституирование сетевых сообществ их политическая институционализация, обеспечиваемая механизмами конвертации социальных ресурсов в политический капитал²⁷⁷. Новые участники политики значительно отличаются от прежних акторов публичной политики: партий, профсоюзов и традиционных общественных движений, хотя и традиционные институты тоже нередко эволюционируют в сторону сетевой структуры, чтобы соответствовать изменившимся условиям.

Отдельные индивиды становятся способны решать вопросы, затрагивающие непосредственно их интересы, объединяясь в сети активистов, которые позволяют выводить частные инициативы на новый уровень. Объединенные общей целью или идеей участники сети сообща действуют более эффективно, чем по отдельности, формируя совместные решения по интересующим их вопросам. Тем самым, по определению В.И. Курбатова, формируется «новый вид социальности», основу которого составляют «новые сетевые социальные объединения», консолидирующие «заинтересованных акторов, которым присущи сетевое мышление, сетевой язык, сетевая мораль и сетевые способы обсуждения и решения социально значимых проблем»²⁷⁸. Сетевой гражданский активизм становится новым типом социального и политического капитала, от успешности внедрения которого в диалог между

²⁷⁶ Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №2. С. 196.

²⁷⁷ Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дис. ... доктора полит. наук. М., 2013. С. 21.

²⁷⁸ Курбатов В.И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий юга России. 2018. Т. 7. № 2. С. 17.

властью и обществом зависит эффективность и состоятельность институтов государства в обществе современного типа²⁷⁹.

Следующая важная универсальная тенденция трансформаций политической и социальной жизни в современном мире – переход значительной доли активности граждан в виртуальное пространство. Развитие информационных технологий, рост их доступности и увеличение числа постоянных пользователей Интернета приводит к качественной перестройке как структуры общества, так и коммуникационной среды, оказывая значительное влияние на изменение массового политического сознания и поведения.

Подобные изменения привели к формированию большого числа теорий, изучающих использование современных коммуникационных технологий в государственном и политическом управлении, которые уже упоминались в первой главе работы. Особо следует отметить концепцию «мониторной демократии» Дж. Кина, которая делает акцент на появившиеся механизмы участия граждан в процессе принятия решений, расширении общественного дискурса, новых возможностях получать информацию и контролировать деятельность органов власти. В ней признается важность роли независимых и негосударственных акторов, структур гражданского общества и неформальных представителей общественности как самостоятельных субъектов публичной политики²⁸⁰.

Западноевропейские политологи Я. Теохарис и Я.В. ван Дет, рассматривая политическое участие в современных условиях, выделяют несколько функций онлайн-пространства в обществе (мобилизационная, информационная, функция коммуникации), которые способствуют массовой организации населения, поддержанию социального дискурса по актуальным вопросам, повышению уровня его информированности и росту влияния

²⁷⁹ Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. 2019. № 2. С. 18.

²⁸⁰ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 74-75.

неформальных общественных лидеров. Они позволяют активным гражданам непосредственно осуществлять политическое управление²⁸¹.

Роль гражданского активизма в медиапространстве как ресурса политического управления была обозначена в концепции А. Чадвика и К. Мэйя, которые выделили три основные модели политического управления в медиа-среде: управленческую, административную и партиципативную, различающихся степенью участия в ней населения. Первые две модели не предполагают его вовлечения в политику, партиципативная же подразумевает массовое участие рядовых граждан в политических процессах. Активисты получают возможность открытой политической инициативы и включения в обсуждении законопроектов, что дает возможность для развития гражданского активизма и поиска новых сфер его приложения²⁸².

Информационные технологии позволяют населению получить новые рычаги контроля и воздействия на государственные институты в условиях растущей технократизации публичного управления и снижении роли рядового гражданина в процессах принятия решений. В связи с этим возникла концепция электронной, мониторинговой или облачной демократии, которая предполагает использование информационно-коммуникационных технологий как инструмента возрождения и укрепления демократических ценностей в эпоху доминирования интерактивных услуг и отношений²⁸³.

Цифровая активность, по сравнению с традиционной, является более широкой, действенной и доступной, что отмечают Д. Джордж и Д. Лейднер. Ими была сформулирована иерархия цифрового активизма, основанная на уровне приложения усилий и обладания ресурсами, в значительной мере

²⁸¹ Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. New-York, 2017. P. 47-58.

²⁸² Chadwick A., May C. Interaction between States and Citizens in the Age of Internet: «e-Government» in the United States, Britain and the European Union // Governance. 2003. No 16 (2). P. 273, 277.

²⁸³ Coleman S., Norris D.F. A New Agenda for E-Democracy // Oxford Internet Institute. Forum Discussion Paper. 2005. No 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.oii.ox.ac.uk/resources/publications/FD4.pd> (дата обращения: 07.09.2022).

опирающаяся на сформулированную Л. Милбратом иерархию политического участия (зрительский, промежуточный и гладиаторский активизм)²⁸⁴.

Иерархия цифрового активизма состоит из трех уровней, первый из которых – это цифровые зрительские действия, составляющие основную активность в сети. К уровню «зрителей» относится большинство пользователей виртуального пространства. Совершаемые ими действия включают кликтивизм (одобрение информации через просмотры и «лайки»), обмен, ретвит, репост и комментирование сообщений в социальных сетях. Второй уровень (переходный) занимает промежуточное положение между действиями «зрителей» и «гладиаторов»: подписание онлайн-петиций, создание «ботов», фэйковых аккаунтов, покупка товаров («мерча») по политическим мотивам, финансовая поддержка онлайн («донаты»). Третий уровень – «гладиаторская» активность, предполагающая прямые акты влияния на интересующие участников проблемные сферы. Он представлен хакерством, публикацией разоблачений и расследований, использованием информации из цифровых баз данных для воздействия на других участников политического процесса²⁸⁵. Активисты данного уровня могут действовать как самостоятельно, так и быть частью организованных групп. Необходимо отметить, что если в теории Л. Милбрата влияние действий прямо соотносится с уровнями, то в цифровой активности результативные воздействия могут быть представлены на любом уровне. Еще одно отличие – в качестве субъектов могут рассматриваться как индивидуумы, так и группы и организации.

Переход социальной коммуникации на интернет-платформы открыл новые возможности для взаимодействия индивидов, их гражданского участия и политической мобилизации. Ограничения на участие рядового индивида в общественном управлении, связанные с монополизацией властью информационной сферы, слабой связью между избирателями и их

²⁸⁴ Milbrath L.W. Political participation // The handbook of political behavior. Boston: Springer. 1981. P. 197–240.

²⁸⁵ George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // Information and Organization. 2019. Vol. 29. Issue 3. P. 8–10.

представителями, сложностью формирования консолидированного интереса различных сообществ частично снимаются в силу появления множества простых способов коммуникации (соцсети, мессенджеры, интернет-форумы и т.д.).

Современная социально-политическая реальность изменяет не только характер политических взаимоотношений, но и сознание участников политики. Новые условия информационного общества дают возможность людям налаживать взаимодействие и находить единомышленников, невзирая на территориальные и социальные ограничения. Отдельный индивид имеет больше возможностей управления коммуникациями, способен самостоятельно создавать вокруг себя информационную среду и формировать свою идентичность, находя новых единомышленников и включаясь в новые проекты²⁸⁶.

Интернет способствует снижению транзакционных издержек, способствует трансформации институтов в сферах общественных отношений, связанных с политической культурой и политическими ценностями, что позволяет рассматривать его в качестве фактора эволюции форм и методов гражданской активности²⁸⁷. Значительно меняется ландшафт социальных движений. Новые инструменты коммуникаций создают преимущества и эффекты, которые стимулируют новые модели общественного взаимодействия.

Широкое использование гражданами средств цифрового активизма ставит под сомнение актуальность существовавших форм активности и защиты интересов гражданского общества. В странах западной демократии, особенно в условиях кризиса политических партий, значительно снижается значимость традиционных политических акторов. Главными субъектами политики становятся движения нового типа, которые по своей структуре,

²⁸⁶ Щенина О.Г. Многомерный характер развития сетевого общества // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 187.

²⁸⁷ Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. № 4. С. 44.

методам деятельности и коммуникационным стратегиям принципиально отличаются от традиционных политических образований²⁸⁸. Кроме того, использование информационных технологий в социальных и политических практиках значительно сокращает дистанцию между лидерами группы и рядовыми участниками, вынуждая находить и использовать креативные, творческие формы прямого общения со сторонниками и упрочняя обратную связь.

Конечно, можно выделить и отдельные признаки кризиса третьего сектора, которые проявились в разочаровании массовизацией и технократизацией социальных и политических практик, снижении участия населения в традиционных институтах общественного активизма; формализации некоммерческих организаций, потребительском отношении к общественным структурам²⁸⁹. Кроме того, медиатизация и виртуализация политики в информационном обществе приводит к появлению множество новых инструментов воздействия на политическое сознание и поведение граждан и, как следствие, возрастанию возможности манипулирования общественным мнением через информационно-коммуникационные сети. Однако эти тенденции в значительной мере нивелируются созданием новых пространств для гражданского участия, ростом возможностей для самоорганизации и распространения общественных структур.

Тем не менее ряд ученых признают, что большинство инициатив населения в онлайн-среде не имеют большого общественного значения, так как редко перерастают в реальную социальную или политическую активность. Более того, новые медиа способствуют снижению значимости офлайн-форм активности, таких как пикетирования, демонстрации, забастовки и т.д. Вместо них рядовые граждане будут предпочитать безопасные, но менее эффективные формы активности. Активизм в сети создает у участников, присоединившихся без особых усилий к проблемным сообществам в

²⁸⁸ Vromen A. Digital Citizenship and Political Engagement. The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations. London: Palgrave Macmillan. 2017. P. 25-26.

²⁸⁹ Скалабан И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2(24). С. 80.

социальных сетях, иллюзию влияния на мир. Для обозначения данного феномена даже используются отдельные понятия, такие как «слактивизм» (slacktivism) и «кликтивизм» (clicktivism), означающие виртуальную активность, не имеющую реального общественного эффекта²⁹⁰.

Однако даже подобная ограниченная активность может быть полезна для продвижения инициатив, так как благодаря интенсивному информационному обмену между пользователями позволяет направить обсуждение общественных проблем в нужное русло и привлечь к ним внимание²⁹¹. Цифровая и коллективная социальная активность может предшествовать переходу к индивидуальному и осознанному участию в социальных и политических офлайн-действиях.

Таким образом, можно констатировать, что в результате развития информационно-коммуникационных технологий происходит существенная трансформация публичной политики и общественных отношений. В сфере взаимоотношений властных институтов и гражданского общества расширяются возможности негосударственного участия, происходит смещение приоритета взаимодействия в сторону отдельных граждан и их объединений. Увеличивается количество форм гражданского участия и возрастает степень децентрализации управления, что приводит к трансформации политико-административных структур общества.

Особенно данные процессы отражаются на локальном уровне, который испытывает на себе непосредственное влияние происходящих в обществе процессов и первым вынужден реагировать на меняющиеся реалии. Новые практики гражданского активизма, зачастую использующие доступные сетевые и виртуальные форматы, расширяют возможности участия индивидов

²⁹⁰ Wilkins D.J., Livingstone A.G., Levine M. All Click, No Action? Online Action, Efficacy Perceptions, And Prior Experience Combine to Affect Future Collective Action // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 91. P. 97-105. Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // *Власть*. 2020. Т. 28. № 2. С. 74–81; George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // *Information and Organization*. 2019. Vol. 29. Issue 3. P. 8–10; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 97—118.

²⁹¹ Невская Т.А. Гражданский активизм как ресурс политического администрирования медиапространства: российский и международный опыт // *Социодинамика*. 2020. № 9. С. 24.

в общественных процессах, значительно снижают пороги вхождения в них. Тем не менее в настоящее время было бы правильным признать, что «онлайновый» активизм не способен в полной мере заменить традиционные формы гражданского действия, однако он способен служить первоосновой для них, дополняя и способствуя расширению числа потенциальных активистов.

2.2. Особенности реализации гражданской активности в РФ²⁹²

Усиление независимой от государства гражданской активности населения в России приходится на 1990-е – начало 2000-х гг. и связано со структурными изменениями внутри самого государства, с внедрением новых практик и моделей работы в общественном секторе, с масштабной внешней ресурсной поддержкой структур гражданского общества. Позже в этот процесс включились и отечественные бизнес-структуры, оказывающие финансирование разноплановым социальным проектам²⁹³. Тем не менее в большинстве случаев устойчивые институты гражданского активизма так и не сложились, в силу отсутствия долгосрочного целеполагания и слабого взаимодействия с местными сообществами.

Увеличение роли государства в развитии общественной активности началось после 2004 г. и проявилось в вытеснении из «третьего сектора» иностранных спонсоров и НКО с внешней поддержкой, в которых виделись агенты влияния и потенциальные угрозы суверенитету страны. Была предпринята попытка канализировать общественно-политическое участие россиян, создав систему Общественных палат РФ и регионов, сформировав

²⁹² При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации автора, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. Состояние сетевых общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 211-221; Качусов Д.А. Потенциал политической субъектности учащейся молодёжи СФО и ДФО // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 73–80.

²⁹³ Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. № 1(60). С. 99–100.

подконтрольные движения («Идущие вместе», «Наши»), появились государственные программы поддержки НКО.

С середины 2000-х гг. сосуществовали два вектора развития гражданской активности. С одной стороны, возрос активизм прогосударственного толка, ориентированный на обеспечение массовой поддержки государственной власти. С другой стороны, на фоне ряда протестов (против монетизации льгот, протесты автомобилистов) зародились и распространились низовые формы протестной гражданской активности. В общественном пространстве появились новые акторы (координационные советы, инициативные группы и др.), некоторые из которых сохранили устойчивость и развились до национального уровня²⁹⁴. Одновременно, произошла мобилизация локальных форм активности, ориентированных на конкретные проблемы сообществ и их решение через самоорганизацию.

Дать однозначную оценку уровню реальной гражданской активности россиян на текущий момент довольно затруднительно. В отечественной научной литературе и результатах социологических исследований нередко представлены диаметрально противоположные точки зрения на эту проблему.

Представители первой позиции придерживаются мнения, что в настоящее время у населения отсутствуют устойчивые традиции гражданского активизма, самоорганизации и участия в местном самоуправлении²⁹⁵. В целом по стране уровень гражданского участия остается на довольно низком уровне, что является показателем отчуждения между властью и обществом и противоречит основной идее существования местного самоуправления, как формы непосредственного осуществления народом своей власти. Система местного самоуправления продолжает бюрократизироваться и в значительной

²⁹⁴ Селезнев П.А. Протестные движения в современной России // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 335-336.

²⁹⁵ Молодов О.Б. Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 132-146; Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. №4. С. 4–21.; Бухвальд Е. М Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 125-136; Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 35–53.

мере дублирует структуру и практики системы государственного управления, ослабляя позиции местной власти и сокращая возможности отстаивать местные интересы²⁹⁶.

В сознании россиян преобладают установки на реализацию собственных интересов, взаимное недоверие и избегание политического и социального участия. В целом общественную жизнь современной России характеризует низкая готовность граждан к взаимопомощи и защите интересов других людей, абсентеизм и правовой нигилизм, отсутствие практик самоорганизации для самостоятельного решения проблем. Подобный низкий уровень публичной активности в значительной мере является следствием сознательного выбора граждан, слабо заинтересованных в деятельности, не приносящей материальных или иных практических выгод.

По данным Института социологии РАН, за первое десятилетие 2000-х гг. количество россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилось с 26% до 18%²⁹⁷. Нельзя не отметить и сформировавшееся в данный период стремление населения разделять общественно полезную деятельность и политическую, причем последняя, как правило, рассматривается как сфера отчуждения граждан от реально протекающих там процессов²⁹⁸. Российские исследователи, изучая гражданскую активность на субрегиональном уровне, справедливо отмечают, что вместо широкого включения в процессы принятия политических решений местные сообщества либо ограничиваются исключительно муниципальным уровнем, либо вовсе избегают взаимодействия с официальными структурами, пытаясь решить конкретные социальные вопросы вне системы органов местного самоуправления²⁹⁹.

²⁹⁶ Гамидов С.С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. 2019. Т. 7. № 2. С. 5–10.

²⁹⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. Институт социологии РАН / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. Москва: Весь мир, 2011. С. 179.

²⁹⁸ Чуракова О. Социологи ФОМа: Гражданская и политическая активность россиян упала практически до нуля // Ведомости. № 3672. 2014. 11 сентября. [Электронный ресурс]. – URL: /www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost (дата обращения: 20.12.2022).

²⁹⁹ Воропанов В.А., Бурянина О.А., Бушуева Т.Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской

Кроме того, у граждан не сложилось адекватного понимания собственной роли в процессах публичного управления на локальном уровне. Р.В. Петухов указывает, что более близкий к гражданам (т.е. местный) уровень власти, в осуществлении которой они могут непосредственно участвовать, обычно характеризуется более доверительными взаимоотношениями между обществом и властью. В России же, напротив, ниже показатели доверия к муниципальным властям и включенности граждан в общественно-политические процессы на локальном уровне, «каждое нижестоящее управленческое звено уступает вышестоящему в степени поддержки гражданами»³⁰⁰.

Сформировалось определенное разочарование граждан в институтах местного самоуправления, жители не проявляют активность, считая, что у местных органов мало возможностей и ресурсов повлиять на их проблемы. Значительная часть граждан пытается добиться решения конкретной проблемы своего территориального сообщества, апеллируя к институтам федерального уровня, а не участвуя в работе муниципалитетов.

Особенно критичной ситуация с уровнем гражданской активности остается на уровне сел и малых городов. Снижение уровня жизни, падение доли молодого и трудоспособного населения, постепенная деградация социальной инфраструктуры негативно отражается на вовлечении населения в общественную активность, способствует появлению и развитию социального отчуждения. Данную тенденцию подтверждают исследования вопросов политического участия и политической активности на уровне регионов (Ю.В. Уханова, И.В. Параничева³⁰¹ ; А.В. Соколов, Я.В. Барский³⁰² ;

области) // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 46–55; Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 35–53.

³⁰⁰ Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4(122). С. 61.

³⁰¹ Уханова Ю.В., Параничева И.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 132–147.

³⁰² Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 68–74.

В.А. Воропанов, О.А. Бурянина, Т.Н. Бушуева³⁰³), указывающие, что большая часть населения регионов участвует в общественно-политической жизни лишь эпизодически и не стремится к повышению своего активизма, а значительная часть – вообще не демонстрирует никакого участия. Кроме того, значительная часть жителей попросту слабо информирована о существующих в местах проживания практиках функционирования гражданского общества, а уровень доверия к подобным практикам остается на низком уровне³⁰⁴.

С другой стороны, ряд ученых указывает на положительную динамику ситуации с гражданской активностью в последние годы. Всё большее число граждан, движимых первоначально личными интересами, вовлекаются в решение задач, имеющих общественное значение. Однако гражданская активность развивается не как следствие совершенствования институтов публичной власти, а напротив, ввиду сужения институциональных возможностей политического активизма.

Разворот в сторону преобладания авторитарных тенденций в российской политике в начале 2010-х гг. и установление властного контроля над большинством институтов публичной политики способствовали переориентации вектора активности граждан от традиционных форм политического участия (партии, общественные движения) в сторону неполитических общественных объединений, представляющих «открытое пространство для участия»³⁰⁵. Снижение реальной эффективности функционирования государственных и муниципальных органов власти, на которые и возложены задачи жизнеобеспечения способствовало повышению требований населения к уровню общего благоустройства мест проживания.

В то же время происходит активное включение в общественные процессы поколения «нулевых», относительный экономический и

³⁰³ Воропанов В.А., Бурянина О.А., Бушуева Т.Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 46–55.

³⁰⁴ Фролов А.А., Барский Я.В. Опыт индексного исследования гражданской активности на примере Ярославской области // Власть. 2017. Т. 25. № 12. С. 81.

³⁰⁵ Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 51.

демографический подъем после 2000 г., рост доли населения, относящейся по российским меркам к среднему классу. Эти факторы стимулировали переход от преобладавших в 1990-х гг. «ценностей выживания» к «ценностям самореализации»³⁰⁶, увеличение интереса к постматериальным показателям удовлетворенности жизнью, переориентацию граждан на самореализацию и обращение к активистским практикам различного характера. В обществе начинает складываться система таких ценностей, как гражданская ответственность, взаимное доверие, готовность к самоорганизации и совместной деятельности, осознание возможности влияния на государственные дела³⁰⁷.

В связи с этими факторами Н.С. Юханов и Н.Н. Ягодка отмечают, что в российском обществе прослеживается формирование нового общественного запроса, расширяется слой активных граждан, которые защищают свои права в сферах, касающихся улучшения качества жизни»³⁰⁸. К подобным выводам приходит и В.В. Петухов, отмечая заметный рост гражданского активизма после 2016-2017 гг. В то же время он указывает, что этот процесс является следствием кризиса доверия государственным институтам и связано со способностью отдельных активных граждан внедрять в жизнь новые практики общественного участия³⁰⁹.

Возникающие низовые формы активности такого рода базируются на нескольких основополагающих принципах: ориентация на локальные проблемы, самоорганизация и сетевая координация граждан, интеграция активистов в новые городские сообщества³¹⁰. Активность такого типа не

³⁰⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 12-14.

³⁰⁷ Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 35-36.

³⁰⁸ Юханов Н.С. Российское гражданское общество: общее, особенное, единичное. Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях (материалы круглого стола 15.09.2009) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2009. № 4. С. 107.

Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 4. С. 132.

³⁰⁹ Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 3-4.

³¹⁰ Сергеева С.Ю. Формы и уровень социальной активности граждан в современной России (по результатам вторичного анализа) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. С. 42.

всегда относится к политической – в ее ходе люди решают локальные проблемы отдельно от власти, иногда вопреки власти, но не ставят целью сменить власть, а лишь решить конкретную социальную проблему. Даже если деятельность гражданских сообществ приобретает не только охранительную, но и оппозиционную направленность, она все равно не выходит за рамки своей сферы и остается подчеркнуто аполитичной.

Таким образом, растущая гражданская активность не всегда проявляется в противодействии государственной власти. Опыт западноевропейских стран с развитым практиками самоорганизации демонстрирует, что гражданские инициативы не вступают в противоречие с действиями властей, либо напрямую координируются с ними³¹¹. Управленческие проблемы в регионах и муниципалитетах РФ дополнительно стимулируют местные власти к возложению решения части социальных проблем на структуры гражданского общества, разделению с ними ответственности за предоставление общественных благ³¹². Это позволяет снять с государственных органов решение части задач с социально-экономической сфере, стимулировать привлечение ресурсов на решение местных проблем, решить вопросы кадрового голода на уровне органов МСУ³¹³. В результате на локальном уровне в РФ нередко складывается «симбиоз» органов управления и объединений гражданских активистов, когда первые не препятствуют самоорганизации граждан по «неполитическим» мотивам, поскольку гражданские инициативы не участвуют в борьбе за политическую власть и не несут угрозу сложившемуся социально-политическому порядку.

И пусть в рамках подобного «симбиоза» рядовой гражданин не способен существенно изменить глобальные процессы, в месте своего проживания он оказывает влияние на локальные процессы для защиты собственных

³¹¹ Невская Т.А. Гражданский активизм как ресурс политического администрирования медиапространства: российский и международный опыт // Социодинамика. 2020. № 9. С. 22-23.

³¹² Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 44.

³¹³ Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Власть. 2015. № 5. С. 37.

жизненных интересов ³¹⁴. Подобные практики, увеличиваясь в числе, становятся источником интенсификации общественных отношений на местном уровне и стимулируют самоорганизацию населения. Характерной чертой данных процессов на местах является то, что они возникают по запросу «снизу», исходя из конкретных потребностей граждан и аккумулируются на уровне местного самоуправления.

Таким образом, мы можем говорить о значительном повышении потенциала гражданской активности, готовности части гражданского общества к инициированию перемен в системе локального управления. Участие отдельных граждан и их инициативных групп в деятельности, целью которой является внесение изменений в их непосредственное окружение и решение проблемных вопросов, их непосредственно касающихся, стало расширяющейся практикой. Более того, в ряде регионов самоорганизация отдельных граждан в решении приоритетных для них локальных вопросов становится наиболее заметной формой гражданского участия ³¹⁵.

Однако необходимо отметить, что отсутствие единого инструментария для сбора данных по теме гражданской активности, а также дискуссия вокруг того, что именно можно считать ее проявлениями, затрудняет оценку данного показателя. Оценить ее уровень возможно только через совокупность индикаторов разного формата, включающих действия политического, социального и экономического характера, а также субъективную оценку гражданами уровня собственного активизма.

В целом, результаты общероссийских исследований также подтверждают гипотезу о возрастании уровня потенциальной и реальной гражданской активности населения в последнее десятилетие. Общероссийское исследование Института социологии РАН в 2014 г. показало, что процентная доля граждан «активной» модели поведения, ориентированных на инициативность, умение добиваться успеха, рациональность, готовность к

³¹⁴ Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 21.

³¹⁵ Соколов А.В., Палагичева А.В. Тенденции развития гражданского участия в современной России // PolitBook. 2016. № 3. С. 88.

сотрудничеству, стремление к переменам, превышает численность «инертных» россиян (37% и 29%)³¹⁶.

Из числа опрошенных, участвующих в разных формах общественной активности, социальная база неполитического активизма составляет 34% населения. Уровень политического активизма выше, но он может быть разделен на деятельностный, включающий участие в работе партий, правозащитных организаций, в протестных акциях, и «парадный», представляющий эпизодическую вовлеченность без приложения усилий или ресурсов со стороны гражданина (12% и 45% респондентов соответственно). Однако, необходимо признать «игнорирование» гражданами сферы местного самоуправления, уровень реальной вовлеченности жителей в работу их органов составляет всего 2%, а потенциальной – 6%³¹⁷.

Тенденция роста гражданской активности продолжается и в настоящее время, что показывают результаты социологических опросов. Прежде всего, исследования Высшей школы экономики демонстрируют высокий уровень готовности россиян объединяться для совместных действия и отстаивания общих идей и интересов. Результаты всероссийского опроса, проведенного в апреле 2020 г. показали, что 38% респондентов готовы к объединению, и 20% – что скорее готовы, чем нет. Данные Мониторинга состояния гражданского общества ВШЭ в 2019 г. демонстрировали еще больший результат – потенциально готовы объединяться с согражданами для общего дела 76% россиян³¹⁸.

По данным опроса ВЦИОМ за 2021 г., 45% граждан указали, что не проявляют общественную активность в каких-либо формах. Самыми

³¹⁶ Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Март 2014 // Материалы социологического опроса Института социологии РАН в сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ [Электронный ресурс]. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014(1).pdf) (дата обращения: 20.02.2023).

³¹⁷ Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Март 2014 // Материалы социологического опроса Института социологии РАН в сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ [Электронный ресурс]. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014(1).pdf) (дата обращения: 20.02.2023).

³¹⁸ Социодиггер. Выпуск 3(8): Гражданский активизм. Ежегодник ВЦИОМ. Март 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_032021.pdf (дата обращения: 20.02.2023)

распространенными проявлениями гражданского активизма остаются голосование на выборах (24%), благоустройство по месту жительства (22%) и сбор помощи для нуждающихся (20%). Все остальные формы активности (коллективные обращения, петиции, ТОС, участие в избирательных кампаниях, массовых уличных акциях и т.д.) используются гораздо меньшей долей граждан (7% и ниже). Также минимального значения (15%) за 2007-2021 гг. достиг показатель индифферентности граждан к общественно-политической жизни³¹⁹.

Левада-центр указывает на еще большую вовлеченность граждан в общественные процессы. За последние годы почти половина опрошенных оказывали помощь малоимущим и пострадавшим от стихийных бедствий. Этот показатель является стабильно самым высоким и возрос с 28% в 2018-2020 гг. до 45% в 2021 г. и 44% в 2022 г. Второй предпочтительной формой гражданской активности является голосование на выборах, она выбиралась 28% респондентов в 2020 г. и 40% в 2021 г. Делали пожертвования на общественно полезные цели 21%, 28% и 26% опрошенных в 2020, 2021 и 2022 гг. соответственно, Наиболее важным для нас показателем будет опыт объединения с другими людьми для решения общих проблем и защиты прав, который традиционно занимает 4 место и составляет 13% в 2020 г., 19% в 2021 г. и 16% в 2022 г.³²⁰

Результаты проведенного в 2020 г. исследователями из ЯрГУ экспертного опроса также дают похожие представления о структуре современного гражданского активизма в России. Наиболее развитыми его проявлениями эксперты назвали волонтерство (6,57 баллов по 10-балльной шкале) и благотворительность (5,72), а также институт общественных

³¹⁹ Социальная и политическая активность россиян: мониторинг: Пресс-выпуск от 02.08.2011 г. // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 21.02.2023)

³²⁰ Гражданская активность: Пресс-выпуск от 07.07.2022 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/>; Гражданская активность: Пресс-выпуск от 13.10.2021 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/>; Гражданская активность и общественные проблемы: Пресс-выпуск от 27.04.2020 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshhestvennye-problemy/> (дата обращения 30.01.2023)

организаций (6,04). Не менее значительными остаются «малодеятельностные» формы, такие как обсуждение общественно значимых вопросов в интернете (6,11) и онлайн и офлайн-обращения граждан (5,82), а также участие в голосовании на выборах в органы власти (5,10)³²¹.

Необходимо отметить, что большое значение в осуществлении гражданской активности в РФ сохраняет институт некоммерческих организаций. Как правило, наиболее предпочитаемые гражданами виды активизма проще всего реализовать через соответствующие общественные структуры (благотворительные фонды, волонтерские центры и организации), в которых граждане могут не состоять на постоянной основе, но регулярно или эпизодически участвовать в их работе. Наличие уже созданных структур упрощает общественную деятельность граждан, не готовых к систематическому приложению усилий в данной сфере. В то же время, материальная поддержка социально-ориентированных НКО со стороны государства и информационная со стороны СМИ и ЛОМов повышает доверие населения к ним: по данным Левада-Центра за 2020 г., благотворительные организации занимают пятое место по уровню доверия (40% респондентов)³²².

В целом, можно констатировать наличие значительной доли россиян, проявляющих гражданскую активность, и тенденцию к росту данного показателя. Небольшой «откат», наблюдаемый в 2022 г., с одной стороны можно объяснить не преодоленными до конца последствиями коронавирусного кризиса. С другой стороны, последствиями политических процессов – разочарованием части настроенных критически к власти россиян в легальных формах общественного-политического участия после январских протестов и электорального цикла 2021 г. и продолжающейся «зачисткой» общественного пространства от потенциально нелояльных гражданских объединений.

³²¹ Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник ВГУ. серия: история. политология. социология. 2021. № 2. С. 71.

³²² Доверие институтам: Пресс-выпуск от 21.09.2020 г. // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 14.09.2022).

Гражданские активисты в России активно осваивают и интернет, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к его активному внедрению в повседневную жизнь россиян. Большинство жителей России являются активными пользователями соцсетей: по данным Левада-центра, с 2017 по 2021 г. число россиян, которые заходят в них ежедневно или практически ежедневно, увеличилось в полтора раза, с 37% до 57%. Значительно сократилось и число тех, кто не пользуется соцсетями вообще – с 41% в 2017 г. до 26% в 2021 г.³²³. В связи с этим, существенные изменения происходят в информационной сфере – на фоне кризиса доверия к традиционным СМИ все большее распространение получают сервисы на интернет-платформах: телеграмм-каналы, рассылки, чаты. Создаются новые условия и каналы связи для диалога граждан с общественными организациями и органами публичной власти.

Российские исследователи отмечают наличие большего числа инструментов цифрового активизма, разделяя их на несколько категорий: виртуальные общественные приемные, сервисы для сбора жалоб, краудфандинговые платформы для сбора средств, сервисы по сбору открытых данных, площадки для координации деятельности (карты, инструкции, календари мероприятий и т.д.), дискуссионные площадки, сервисы «гражданских развлечений» (библиотеки, видеоролики, музыка и иной контент общественной направленности)³²⁴. В этой связи И.А. Бронников резюмирует, что «информационно-коммуникационное изобилие сегодняшнего дня позволяет актерам эффективно применять индивидуальные и коллективные действия для осуществления политической и неполитической деятельности»³²⁵.

Пандемия коронавируса 2020-2021 гг. и связанные с ней антиковидные ограничения отразились на доступных гражданским активистам формах

³²³ Социальные сети в России. Пресс-выпуск от 23.02.2021 г. // Левада-Центр. [электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/> (дата обращения 27.12.2022).

³²⁴ Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. № 3-4. С. 153-154.

³²⁵ Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 1. С.10.

деятельности, еще больше усилив в них виртуальный компонент. Карантинные меры ограничили возможности работы традиционных НКО и гражданских объединений, которые опирались на формы массового непосредственного участия (субботники, пикеты, собрания сторонников и т.д.). Им пришлось отказаться от проведения массовых публичных мероприятий в пользу дистанционной и онлайн деятельности. А.В. Соколов и Я.В. Барский отмечают, что в ходе экспертного опроса респонденты оценили уровень развитости гражданской онлайн-активности выше, чем ее развитость офлайн (6,12 балла против 4,50 балла). Также 57,5% экспертов отметили рост значимости информационных технологий на проявление гражданской активности в регионах³²⁶.

Уровень интернет-активности не уступает уровню использования традиционных форм активизма. Р.В. Парма указывает, что на 2021 г. 46% граждан проявляли свою гражданскую позицию в сети. Из них 50% просто выражали свое отношение к каким-либо общественным акциям (в форме «лайков», «классов» и т.д.), 28% респондентов комментировали посты инициаторов гражданских действий. Размещали предлагаемый общественный контент в своем аккаунте, распространяли информацию о нем 26% опрошенных, обсуждали предложенные общественные проблемы 19%. Меньшее количество пользователей принимают более активное общественное участие – по 15% вкладывают личные средства и собирают ресурсы для решения каких-либо проблем, по 9% участвуют в виртуальных акциях или сами создают контент и только 8% участвуют в общественных проектах в качестве инициатора³²⁷.

Необходимо также обратить внимание на дифференциацию поколений российского общества в отношении проявлений гражданской активности. Россияне старших возрастных групп проявляют гражданскую активность, прежде всего, в институциональных и конвенциональных формах,

³²⁶ Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 71-72.

³²⁷ Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 39-40.

адаптируясь к существующим социально-экономическим условиям, в то время как молодёжь в первую очередь рассматривает ее как способ самовыражения и самореализации³²⁸.

Молодежь более мобильна, ей свойственно стремление к самореализации и поиску более комфортной среды проживания, что может выражаться в ее установках на миграцию. Однако невозможность или нежелание переезжать вынуждает их участвовать в практиках активизма с целью стремятся улучшить условия в регионе проживания³²⁹. Также необходимо отметить, что молодёжь реализует свою гражданскую активность через «безопасные» формы, зачастую осуществляемые в виртуальном пространстве и воспринимаемые как часть повседневной жизни: участвуют опросах и подписании петиций, подают обращения в органы власти и общественные организации³³⁰.

Молодежный компонент отражается в характеристике представителя «активного типа» граждан – молодой россиянин, житель крупного города, относящий себя к среднему классу, получивший высшее образование и являющийся активным интернет-пользователем³³¹. Л.И. Никовская и И.А. Скалабан также указывают, что современный гражданский активизм имеет потенциал роста благодаря тому, что «основные его источники – социально “продвинутые”, успешные мобильные группы. Главные черты его социального портрета – молодость, хорошее образование, высокое социальное положение, урбанизм, интеллектуальная профессиональная занятость»³³².

При этом сама молодежь в большинстве рассматривает себя как социально-активную группу: исследование РАНХиГС, проведенное в октябре-

³²⁸ Трофимова И.Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 15-16.

³²⁹ Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Мотивы и факторы политической активности учащейся молодежи приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 236.

³³⁰ Качусов Д.А. Потенциал политической субъектности учащейся молодежи СФО и ДФО // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 78.

³³¹ Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 12.

³³² Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 54.

декабре 2020 г. показало, что 26,3% молодых людей заявили о своей активной гражданской позиции, 39,6% респондентов охарактеризовали себя как «скорее активных», а пассивную гражданскую позицию обозначили всего 13,2 % опрошенных³³³. Опросы Левада-центра за 2018-2022 гг. также свидетельствуют о более высоких показателях гражданского активизма во всех его проявлениях в молодежной среде. Доля граждан возрастной категории 16-34 лет, готовых участвовать в разных формах гражданской активности, значимо выше (на 10-20%) в сравнении со средними показателями по общей выборке населения³³⁴.

Основной причиной активного вовлечения молодежи в разнообразные формы гражданского участия называют более высокий уровень информированности данной возрастной группы, достигаемый главным образом за счет интернет-источников³³⁵. Кроме того, нельзя не указать и на большее распространение среди молодых людей ценностей постматериального характера, реализуемых ими путем социально значимых проектов, например в сфере экологии, помощи животным, благотворительности, массовой культуры и т.д.

Еще одна черта современного гражданского активизма в России – широкое распространение новых форм активности, основанных на интернет-коммуникации и сетевых взаимодействиях. Необходимо отметить, что привычные для развитых стран форматы институционализированного гражданского участия, такие как голосование, участие в НКО, партиципаторное бюджетирование и т.д. – только одна «сторона» гражданского общества локального уровня. Внимание к неформальным практикам самоорганизации особенно актуализировалось в последние годы, после изучения опыта трансформирующих стран. А.А. Желнина и

³³³ Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. 2021. № 6. С. 70.

³³⁴ Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет // Левада-Центр. [электронный ресурс] URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

³³⁵ Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 88-89.

Е.В. Тыканова отмечают, что в подобных политических системах формальные структуры дополняются, а иногда и полностью замещаются неформальными сетями и отношениями гражданской самоорганизации³³⁶. Коллективное действие зачастую развивается как дополнение или даже противовес существующих легальных практик участия, с целью компенсировать недостатки государственного администрирования.

Таким образом, из обозначенных выше двух точек зрения на динамику гражданской активности в современной России, более обоснованной представляется та, которая отмечает тенденцию роста ее уровня, пусть и со значительными оговорками. Социально-экономическая ситуация второй половины 2000-х и 2010-х гг., развитие экономики и повышение уровня жизни значительной части населения привели к росту общественной самоорганизации. Увеличилось число независимых организаций, союзов и объединений граждан, призванных отстаивать общественные интересы. Одновременно возросла интенсивность протестных действий в российских регионах, предметом которых являлись защита трудовых прав, жилищные вопросы, борьба против уплотнительной застройки, уничтожения зеленых зон и т.д.³³⁷ Возникли сетевые структуры гражданского общества, которые взаимодействовали между собой без посредничества государства, создавали новые формы борьбы за свои права, расширяли сети активистов и привлекали новых участников, впервые получавших опыт гражданского действия.

Но в то же время изменилось само содержание гражданского активизма – политическая ситуация способствовала перефокусировке деятельности граждан с широкого спектра политической и социальной активности на социальную кооперацию, взаимопомощь и решение локальных общественных проблем. Проблемы местных сообществ, в свою очередь, стали более значимыми для большинства россиян, чем вопросы региональной и

³³⁶ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 166.

³³⁷ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата. 2010. С. 150-151.

федеральной повестки. Доминирующими направлениями гражданской активности в настоящее время являются здравоохранение, образование, адаптация социально уязвимых групп населения, защита окружающей среды, благотворительность и т.п.³³⁸

Усложнение структуры локальных обществ и укрупнение территориальных единиц самоуправления, особенно в городах, привело к значительной трансформации публичной политики на местном уровне. Образовалось множество групп интересов и социальных структур, при этом один индивид, преследуя свои интересы, может включаться в деятельность сильно различающихся групп³³⁹. Большое значение приобретают новые акторы, которые можно обозначить как местные сообщества.

Необходимо разграничить два понимания термина «местное сообщество». В первом оно синонимично понятию «местный социум» и может быть определено как общность людей, проживающих на какой-либо территории, объединенных социальными, хозяйственными и иными связями и общей идентичностью³⁴⁰. Во втором значении, более актуальном для данной работы, под «сообществами» понимаются различные объединения граждан, создаваемые на основе общности интересов и/или образа жизни для решения определенных проблем или достижения целей. В своем функционировании многие из них способны оказывать влияние на принятие решений по поднимаемым ими вопросам, участвуя в легальных процедурах принятия решений. Нередко исследователи конкретизируют данные объединения как

³³⁸ Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 44.

³³⁹ Стариков И.Г. Социальный капитал в сетях городских некоммерческих проектов: сетевой анализ аудиторий групп городских проектов в социальной сети ВКонтакте // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11(85). С. 26.

³⁴⁰ Антипов К.А., Лазукова Е.А., Разинский Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: особенности взаимодействий (к постановке из проблемы социологического исследования) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118–129; Лапин В.А. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14-24; Разинский Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: пути оптимизации взаимоотношений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. №.3 С. 162-173.

«городские сообщества», в силу того что они более представлены в крупных городах³⁴¹.

Самоорганизующиеся объединения составляют базис современного общества, а способность создавать условия для их развития и стимулировать социальную активность служит важной характеристикой как гражданского общества, так и власти в постиндустриальную эпоху. Коммунитаристы, в частности А. Этциони в качестве единицы современного «хорошего общества» как раз видели сообщества, которые характеризуются развитыми социальными связями и культурной общностью. Социальные связи внутри них должны удерживать их от трансформации в совокупность разрозненных индивидов, но не должны ограничивать человека или препятствовать его развитию³⁴².

Кроме того, З. Бауман отмечает снижение значения существующих институтов «общественной сферы» и доминирование частного интереса в общественном пространстве. Сообщества в современном постиндустриальном обществе тоже имеют иные характеристики, чем объединения граждан XX в. – за счет развития информационных технологий они становятся более пространственно-дисперсными и не имеют четких пространственных границ³⁴³. Возникают многочисленные «виртуальные сообщества», члены которых мало взаимодействуют непосредственно друг с другом, но состоят одновременно во многих сообществах, что позволяет им активнее аккумулировать информацию и распространять ее. Важную роль начинают играть «слабые» или «инструментальные» связи, описанные социологами

³⁴¹ Коршунова Д.А. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях как одна из форм медиации в культурном пространстве города // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 1. С. 199-207; Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г Новосибирска) // Мир России. 2022.Т. 31. № 4. С. 33-56; Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 185-209; Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239–252; Рослякова М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и общество. 2018. № 8. С. 42–55.

³⁴² Etzioni A. The Good Society // Seattle Journal of Social Justice. 2002. Vol. 1(1). P. 84-85.

³⁴³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 135-136.

М. Грановеттером и М. Диани³⁴⁴. С развитием коммуникационных технологий индивиды могут их создавать и поддерживать в большом количестве, что позволяет сообществам накапливать социальный капитал и обеспечивает большую гибкость и динамику.

Основной ресурс неформальных сообществ – это сами активные граждане, которых объединяет определенное видение своего места в системе самоуправления и понимание своих прав и ответственности³⁴⁵. Заметно трансформировалось отношение россиян к возможностям собственного влияния на жизнь местных сообществ, особенно сфере обустройства среды проживания. Актуализировалась практика «социального заказа» на свободные от властного администрирования формы участия в разрешении проблем территории проживания, повысилось стремление реализовывать социальный контроль «снизу», расширились практики ресурсной консолидации ради достижения поставленных целей вопреки имеющимся бюрократическим механизмам³⁴⁶.

Ресурсный потенциал сообществ зависит от соотношения предоставляемых его членам обязательств и возможностей, так как ресурсы и усилия, которые человек затрачивает для участия в его деятельности, требуют своего вознаграждения. Стратегия, когда участники стремятся только получать выгоду от него и не компенсировать это своим вкладом в общее дело, приносит индивидам краткосрочный выигрыш, но приводит к распаду таких сообществ. Все члены объединения должны быть уверены, что пожертвованные на совместную деятельность ресурсы будут вознаграждены, а достигнуты в начале деятельности договоренности будут соблюдены³⁴⁷.

³⁴⁴ Цит. по. Усачева О.А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Верченев Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. М., 2013. С. 216-217.

³⁴⁵ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 168.

³⁴⁶ Головацкий Е.В., Нятина Н.В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 300.

³⁴⁷ Кузин К. Функционирование локальных сообществ в мегаполисе. НИМ «Интересы и потребности локальных сообществ». М.: МГСУ, 2009. [Электронный ресурс]. URL:

Базовым элементом выстраивания сообществ и поддержания стабильности является коммуникация их участников между собой, которую можно разделить на два режима: «соседский» и «гражданский»³⁴⁸. Первый, который Дж. Джекобс, одна из основоположниц «нового урбанизма» обозначила как «тротуарные контакты»³⁴⁹ – это кратковременные, в большинстве случайные контакты, связанные с повседневными вопросами. Для исследования более актуален «гражданский» режим, направленный на обсуждение актуальных проблем и общих интересов. Участники сообщества могут не ограничиться спонтанной дискуссией по определенным вопросам, а попытаться выработать планы их совместного решения и перейти к коллективным действиям, в том числе в офлайне³⁵⁰. Как правило, действия вокруг обозначенной проблемы развиваются «по нарастающей»: от выражения мнения жителей по актуальным вопросам и «гражданской журналистики» к широкому общественному резонансу в местном обществе, что далее может перерасти в создание петиции или обращения и сбор подписей для решения соответствующей проблемы.

Наличие большого количества сообществ свидетельствует о формировании социального капитала как потенциального ресурса, который может быть использован в решении внутренних проблем. Активная деятельность сетевых объединений демонстрирует, что жители объединены устойчивыми социальными связями и готовы к коллективным действиям³⁵¹. Включение объединений граждан в процессы управления территориями способствует развитию демократических практик, но в то же время ряд исследователей (А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов) указывают, что это может приводить к росту конфликтности, так как они отстаивают свои

<https://euis.mgsu.ru/organizations/RealizDogovorov/realizatsiya-2009/2009-4-polnye/11.4.1.14-potr-lokalnih-soobchestv-polnaya.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).

³⁴⁸ Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 48.

³⁴⁹ Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 85.

³⁵⁰ Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 50

³⁵¹ Рослякова М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и общество. 2018. № 8. С. 44.

интересы, нередко противоречащие друг другу³⁵². Особенно это актуально для российских городов, где конфликты между сообществами граждан и властью нередко приводят не к разрешению, а к усугублению проблем, что свидетельствует о недостатке конструктивности во взаимодействии их участников³⁵³.

Существует несколько подходов к характеристике всего многообразия подобных объединений. В отечественной науке часто используется проблемно–ориентированная типология сообществ, в которой выделяются организации взаимопомощи, экологические, правозащитные, социальной направленности и организации клубного типа.

Первые объединяют людей со схожими проблемами или одинаковыми интересами. Широко представлены в современной России экологические организации, включающие сообщества экомониторинга и экоактивистов, группы по защите и очистке природных объектов. Блок правозащитных сообществ объединяет спектр групп защиты прав дольщиков, наемных работников, призывников, заключенных и т.д. Сообщества социальной направленности – это всевозможные благотворительные объединения и группы зоозащитников. Последний тип, организации клубного типа, представлены различными творческими сообществами, группами по организации досуга и саморазвитию³⁵⁴. Кроме того, в последнее время отдельно выделяют многочисленные группы против реновации, сноса исторических зданий и застройки зеленых зон в городах³⁵⁵.

³⁵² Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 185-209.

³⁵³ Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. №4. С. 61.

³⁵⁴ Боронникова Е.В., Кузнецова Л.А. Некоммерческие организации как социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1. С. 68–69; Бунеева Р.И. Теоретические аспекты развития некоммерческих организаций (на примере организаций потребительской кооперации) Монография. М.: Изд-во ЭФ МГУ, 2010. 103 с.; Гукова И.Н. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами власти в сфере государственной социальной политики // Научные Ведомости Белгородского Государственного университета. серия: история. политология 2009. № 15(70). С. 194–201.

³⁵⁵ Социодиггер. Выпуск 3(8): Гражданский активизм. Ежегодник ВЦИОМ. Март 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_032021.pdf (дата обращения: 20.02.2023)

Ю.А. Головин и А.А. Фролов, отмечая многообразие структуры и задач сетевых движений, тем не менее обозначают три их основных вида: низовые сетевые инициативы, организуемые гражданами самостоятельно для решения собственных проблем; протопертикальные сетевые движения, созданные напрямую или при содействии властных структур; гибридные сетевые движения, получающие поддержку от властей разного уровня, но опирающиеся на добровольную активность рядовых участников движения³⁵⁶.

Польский социолог А. Домарадка классифицирует сообщества и гражданские объединения по сфере решаемых проблемных задач, выделяя 6 типов.

- защищающие социально-экономические права граждан (профсоюзы, объединения безработных, малоимущих).
- борющиеся за жилищные права (объединения арендаторов, активисты ТСЖ, скваттеры).
- отстаивающие гражданские и политические права (избирательные комитеты, группы «поддержки» активистов).
- борющиеся за защиту окружающей среды (экологические движения, организации зоозащитников).
- охраняющие культурные права (этнические и религиозные объединения, защитники исторического наследия).
- защищающие права инвесторов (объединения инвесторов и домовладельцев)³⁵⁷.

Можно также говорить о разнице между «онлайн-сообществами» и «сообществами-онлайн». Первые – прежде всего, коммуникационные площадки, для которых первостепенна не территориальная общность членов, а их причастность к общей сфере интересов или деятельности. «Сообщество-онлайн» – это напротив, объединение жителей одной территории,

³⁵⁶ Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. №2. 2016. С. 196.

³⁵⁷ Domaradzka A. Urban social movements and the right to the city: an introduction to the special issue on urban mobilization // *Voluntas: International journal of voluntary and Political science*. 2018. Vol. 29. No 4. P. 607.

использующее для коммуникации и организации информационные инструменты, такие как социальные сети, что позволяет им организовать совместную деятельность уже в пространстве проживания³⁵⁸.

А.А. Желнина и Е.В. Тыканова для обозначения практик городского локального активизма предлагают ввести понятие «гражданские инфраструктуры», которые могут носить формальный и неформальный характер. В качестве локального активизма они обозначают самоорганизацию горожан, направленную на совершение коллективных действия и участие в городском управлении. Целью активности жителей является «предотвращение нежелательного развития городских территорий (уплотнительная застройка придомовых территорий, вырубка зеленых насаждений в городских парках и скверах, реконструкция, реставрация, снос зданий)»³⁵⁹.

В течении последнего десятилетия в России можно отметить значительные положительные подвижки в динамике гражданского активизма. Тем не менее в этой сфере общественно-политического пространства в настоящее время остается несколько значимых проблем. Во-первых, это отсутствие четкого понимания реальных возможностей приложения гражданской активности, слабое знание гражданами действующих инструментов активизма, что можно обозначить как низкий уровень «гражданской компетенции» россиян. Данная тенденция связана с историческим доминированием государства во взаимоотношениях с гражданским обществом, неразвитостью институтов общественного представительства, низким уровнем гражданского самосознания.

Во-вторых, декларируемая жителями готовность к участию в общественной жизни в значительной мере расходится с реальным уровнем вовлеченности, а еще больше разнится с долей россиян, уже имеющих собственный опыт гражданского участия. Р.В. Петухов, основываясь на

³⁵⁸ Van Dijk, J. *The Network Society*/ London: SAGE Publications. 2012. P. 186-187.

³⁵⁹ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 164.

данных общероссийского опроса населения в рамках проекта «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия», отмечает, что 50% респондентов были готовы участвовать в публичных слушаниях, но реально участвовали в подобных мероприятиях только 7%. Такой же серьезный разрыв и с иными типами активистских практик: сбором подписей по вопросу какой-либо инициативы (42% и 7% соответственно), участием в работе местных представительных органов (34% против 4%). Ниже разница между потенциальным и реальным участием только на уровне разрешения вопросов непосредственно в месте проживания: деятельность по благоустройству (49% и 33%), собрания собственников жилья или членов ТСЖ и т.д. (38% и 26%)³⁶⁰.

Третья проблема – направленность большинства рядовых акторов гражданского активизма в России преимущественно на короткие, а не на длительные практики, требующие затрачивать личные ресурсы, время и идти на определенные риски. Большинство граждан еще не готовы к коллективным и постоянным действиям со стратегическим планированием развития и решению проблем своих сообществ.

Подводя итог исследованию гражданской активности в России на современном этапе, можно сделать вывод о значимости данного явления в качестве фактора стимулирования развития системы местного самоуправления. Решение проблемы низкой эффективности данного института невозможно без оживления общественно-политической жизни с вовлечением в нее большей части населения. Неформальные практики социальных, экономических и политических взаимодействий в рамках неинституализированных социальных сетей будут способствовать преодолению как вопросов ресурсной и кадровой необеспеченности местных сообществ, так и административной инерции системы управления на местах.

³⁶⁰ Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 68-69.

Нерешенность многих повседневных локальных проблем, оторванность системы местных органов власти от населения и его нужд стимулирует граждан к поиску альтернативных вариантов их решения. Наиболее значимыми проблемами местного самоуправления остаются снижение эффективности и дееспособности муниципальных органов, падение доверия граждан к ним, уменьшение интереса к участию в их работе. Важным инструментом преодоления вышеуказанных препятствий является самоорганизация граждан в различные сетевые объединениями. Значительная часть социально активных граждан переориентируется с формальных практик общественной деятельности на создание местных проблемных сообществ.

В качестве еще одной причины роста уровня активности следует выделить также повышение значимости среди россиян ценностей постматериального характера, что выражается в их активном включении благотворительную, волонтерскую, экологическую и иную общественно полезную деятельность. Значительную роль в развитии активизма сыграл интернет, ставший инструментом самоорганизации и предоставивший среду для репрезентации гражданских активистов и их деятельности в публичном пространстве.

Несмотря на то, что значительная часть населения России атомизирована и не готова к коллективному и систематическому участию в практиках гражданской активности, динамика роста активизма показывает положительные тренды. Происходит активное расширение гражданской коммуникации на субмуниципальном уровне, вовлечение жителей в действия по самостоятельному решению местных проблем и формирование неформальных сетевых объединений на местном уровне.

Глава 3. Взаимодействие граждан и органов местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири

3.1. Факторы реализации гражданской активности³⁶¹

Рассматривая потенциал гражданского активизма в трансформации и местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири, необходимо дать характеристику институциональной среды, в которой протекают исследуемые процессы. Д. Норт рассматривает институциональную среду как систему отношений, складывающихся на макроуровне в виде системы норм, правил и ограничений, регулирующих взаимодействие между индивидами³⁶². Охарактеризовать ее в текущем исследовании возможно через анализ состояния института местного самоуправления в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской и Томской областях, а также сферы гражданской активности в них.

Основной вектор трансформации системы местного самоуправления в исследуемых субъектах РФ совпадает с федеральными трендами, главным из которых является его последовательная интеграция в «вертикаль власти». С начала 2010 г., происходит отмена прямых выборов глав столиц регионов, городских округов и поселений, муниципальных районов и их замещение на глав, избираемых депутатами представительного органа или управляющих на конкурсной основе. В Алтайском крае выборы мэра г. Барнаула, на фоне его конфликта с губернатором, были отменены в 2010 г., несмотря на активное противодействие общественности³⁶³. Позднее, в 2019 г. было упразднено избрание главы г. Кемерово, причем отмена выборов прошла без

³⁶¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации автора, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Качусов Д.А. Динамика системы местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири: территориально-организационный аспект // Развитие территорий. 2023. № 1. С. 49-56.

³⁶² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 5-6.

³⁶³ Гордума Барнаула отменила выборы мэра // ИД Коммерсантъ. – 2010. – 1 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1532548> (дата обращения: 16.01.2023).

общественной дискуссии, а связанные с ней поправки вошли в «пакет» технических изменений в законодательство³⁶⁴.

На уровне городов и районов данный процесс распространился после 2014 г. В регионах были приняты соответствующие нормативные акты, отменившие выборы местных глав: «О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края»³⁶⁵, «Об отдельных вопросах организации и деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований»³⁶⁶ т.д.

В Томской области закон от 2014 г. предусматривал вариативность способов избрания глав муниципалитетов, что позволило несколько лет сохранять их выборность. Второй этап упразднения выборности на местном уровне начался после 2018 г., когда поправки в законодательство Томской области упразднили выборы всех глав муниципальных районов и городских поселений, кроме региональной столицы³⁶⁷. В 2019 г. лишился выборности пост мэра Новокузнецка в Кузбассе.

Для муниципалитетов остальных рассматриваемых регионов были приняты аналогичные законопроекты. Допускались исключения для некоторых городов: в Кузбассе – для города Новокузнецк, в Новосибирской области – для поселка Кольцово. В Алтайском крае в 2020 и 2022 гг. в законодательство о местном самоуправлении были внесены поправки, которые допускают различные способы замещения должностей глав, однако в настоящее время возврата к выборной системе не произошло, несмотря на существующий запрос среди граждан и политических партий. Примером

³⁶⁴ Выборы мэров Кемерово и Новокузнецка отменили по-тихому // ИД Коммерсантъ. – 2019. – 7 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875861> (дата обращения: 14.01.2023).

³⁶⁵ О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края: закон Алтайского края от 27.11.2014 года № 92-ЗС // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/423862484> (дата обращения: 14.09.2022).

³⁶⁶ Об отдельных вопросах организации и деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований: закон Кемеровской области от 13.11.2014 года № 94-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/423863404> (дата обращения: 14.09.2022).

³⁶⁷ Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Томской области: закон Томской области от 17.11.2014 № 151-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/467916939> (дата обращения: 14.09.2022).

подобного противостояния может служить кейс г. Бийска, где общественная дискуссия о возврате к выборам мэра идет более десяти лет³⁶⁸.

Актуальными для регионов Юго-Западной Сибири являются и демографические проблемы. Два региона, Кемеровскую область и Алтайский край, отличает тенденция выраженной депопуляции населения: с 2002 г. по 2020 г. численность жителей Кузбасса снизилась на 10,6%, с 2 899 тыс. до 2 592 тыс., а жителей Алтайского края на 17,4%, с 2 607 тыс. до 2 154 человек³⁶⁹. Томская и Новосибирская области, хотя и демонстрируют в целом небольшой прирост населения за указанный период, также сталкиваются с проблемой роста урбанизированного центра региона и запустения периферийных муниципальных образований, где расположены преимущественно сельские поселения и малые города. В совокупности со старением населения и устойчивым миграционным оттоком молодежи в более развитые регионы это приводит к сокращению потенциальных трудовых и кадровых резервов и трудностям управления слабозаселёнными территориями.

В связи с этими факторами, сокращение числа муниципальных образований через их укрупнение рассматривается как возможность оптимизировать административные расходы и аккумулировать ресурсы. На верхнем уровне происходит слияние муниципальных сельских районов с расположенными в них городскими округами с созданием общих органов местной власти. Необходимо отметить, что инициативы об объединении не вызвали противодействия ни представителей муниципальной власти, ни самих

³⁶⁸ Бийские справедливороссы собирают подписи за возврат прямых выборов мэра // АиФ-Алтай. – 2020. – 17 ноября [Электронный ресурс]. – URL: https://altai.aif.ru/company/biyskie_spravedlivorossy_sobirayut_podpisi_za_vozvrat_pryamyh_vyborov_mera; Более четырех тысяч бийчан выразили недоверие властям города и потребовали вернуть выборы мэра // ИА БанкФакс. – 2013. – 1 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bankfax.ru/news/87622/> (дата обращения: 22.01.2023).

³⁶⁹ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов - райцентров и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более // Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls (дата обращения: 21.01.2023); Численность населения по полу по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_RF_01-01-2022_VPN-2020.xls (дата обращения: 21.01.2023).

местных жителей, тем более что районные муниципальные органы уже и так располагаются в «укрупняемом» городе.

Данный процесс начался в Кемеровской области, где еще в 2002 г., после местных референдумов города Мариинск и Топки были объединены с одноименными районами в единые муниципальные образования³⁷⁰. Это были первые случаи подобного объединения в России, поддержанные их жителями на голосовании. В Алтайском крае два района объединились с расположенными в них городскими округами: Змеиногорск (2008)³⁷¹ и Камень-на-Оби (2015)³⁷². Таким образом, объединение проходит весьма «точечно», слиянию с районами подвергались отдельные малые города (с численностью населения несколько десятков тысяч человек). В Новосибирской и Томской областях случаев подобного объединения не было.

На низовом уровне сельских поселений слияние осуществляется гораздо чаще, в силу устойчивого сокращения численности их населения. Для этого создаются поселения, включающие в свой состав несколько (до 5, а иногда и более) отдельных населенных пунктов. Статистические данные позволяют отследить масштабы данных преобразований с момента принятия законов, определяющих число и границы муниципалитетов в регионе.

В Алтайском крае, обладающем значительной долей сельского населения (42,6% по данным на 2022 г.³⁷³), имеется наибольшее количество сельских поселений. С 2003 по 2020 гг. (до образования первых муниципальных округов) их общая численность снизилась с 718 до 641, всего

³⁷⁰ В воскресенье в Кемеровской области прошли референдумы по вопросу объединения в единое муниципальное образование г. Топки и Топкинского района, а также г. Мариинск и Мариинского района // Администрация Правительства Кузбасса. Официальный сайт. – 2002. – 01 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://ako.ru/news/detail/old-48139> (дата обращения: 11.02.2023).

³⁷¹ О статусе и границах муниципальных и административно-территориальных образований Змеиногорского района Алтайского края: закон Алтайского края от 27.11.2008 № 112-ЗС // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819075299> (дата обращения: 08.02.2023).

³⁷² О преобразовании муниципального и административно-территориального образования город Камень-на-Оби Алтайского края: закон Алтайского края от 02.09.2015 № 70-ЗС // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/430541504> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁷³ Оценка численности постоянного населения Алтайского края на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: <https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.22.pdf#:~:text=Сельское%20население.%202022%20268%20179.,302%20594%20человек%2057%20С4%20%25> (дата обращения: 09.02.2023).

слиянию подверглись 128 муниципалитетов³⁷⁴. В Кемеровской области сельских поселений изначально было меньше, ввиду высокого уровня урбанизации региона. В 2004 г. их количество составляло 167, к 2019 г. оно сократилось до 154 за счет объединения сельсоветов (из них 10 принадлежали к одному, Новокузнецкому району)³⁷⁵. В настоящий момент, ввиду формирования вместо подавляющего большинства районов муниципальных округов, в области осталось всего 10 сельских поселений как самостоятельных муниципальных образований³⁷⁶. В Томской области и Новосибирской области количество сельских поселений с 2004 г. по настоящее время изменилось незначительно – с 117 до 112³⁷⁷ и с 429 до 427³⁷⁸ соответственно.

Последние существенные изменения в структуре местного самоуправления были связаны с переходом от муниципальных районов к муниципальным округам. Образование муниципальных округов происходило путем упразднения низовых муниципальных единиц – сельских советов с образованием одноуровневой системы местной власти. Первенство в процессе перехода к муниципальным округам принадлежит Кемеровской области, в которой в 2019–2022 гг. из 18 муниципальных районов в округа было

³⁷⁴ Административно-территориальное устройство Алтайского края // Официальный сайт Алтайского края. [Электронный ресурс] URL: <https://altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/Administrativno-territorialnoe-ustroistvo-Altayskogo-kraia/> (дата обращения: 13.02.2023).

³⁷⁵ О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав территории Новокузнецкого муниципального района...: закон Кемеровской области от 29.11.2013 № 220 // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465200451> (дата обращения: 10.02.2023).

³⁷⁶ Список муниципальных образований // Администрация Правительства Кузбасса. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://ako.ru/organy-vlasti/administratsii-munitsipalnykh-obrazovaniy/spisok-munitsipalnykh-obrazovaniy.php> (дата обращения: 10.02.2023).

³⁷⁷ Об административно-территориальном устройстве Томской области: закон Томской области от 22.12.2009 № 271-ОЗ (с изменениями на 13.04.2016) // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/951832361> (дата обращения: 14.02.2023).

³⁷⁸ Доклад о состоянии местного самоуправления и развитии муниципальных образований в Новосибирской области [Электронный ресурс] URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/08/Doklad_msu_Novosibirsk_2017.pdf (дата обращения: 17.02.2023); О преобразовании сельских поселений Сибирцевский 2-й сельсовет, Новокуликовский сельсовет и Филошенский сельсовет Венгеровского района Новосибирской области путем их объединения и внесении изменений в отдельные законы Новосибирской области: закон Новосибирской области от 08.05.2020 № 472-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465736896> (дата обращения: 14.02.2023).

преобразовано 16, причем 13 из них были учреждены одним законодательным решением в 2019 г.³⁷⁹

В Алтайском крае в муниципальные округа к настоящему времени преобразованы только 4 района из 59. Краевая власть передала решение вопроса о переходе к окружной структуре самим районам, хоть и обеспечила информационную и организационную поддержку данного процесса. В результате на это пошли только несколько малонаселённых муниципалитетов. Отдельно следует выделить трансформацию Славгородского района, который до этого функционировал как городской округ ввиду значительного преобладания численности городского населения над сельским, в его поселениях работали отделы городской администрации, а преобразование лишь оформило уже сложившуюся ситуацию³⁸⁰. В Новосибирской и Томской областях в настоящий момент не образовано ни одного муниципального округа, однако и они в дальнейшем будут вынуждены перейти на систему муниципальных округов согласно новому проекту закона о местном самоуправлении в РФ.

Таким образом, общие тенденции развития системы местного самоуправления в указанных регионах представлены процессами его централизации, уменьшения значения выборных процедур и снижения самостоятельности местных органов, что соответствует основному направлению трансформации российской системы местного самоуправления. Актуальные проблемы депопуляции и ресурсного дефицита решаются через слияние и укрупнение муниципальных образований, отмену выборных процедур, устранение низового уровня местного самоуправления (сельских поселений), что еще больше увеличивает разрыв между институтами местного самоуправления и населением.

³⁷⁹ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О статусе и границах муниципальных образований»: закон Кемеровской области от 28.06.2019 № 42-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561450466> (дата обращения: 12.09.2022).

³⁸⁰ Славгород решил превратиться из города в округ для больших доходов // Сетевое издание ТОЛК. – 2021. – 28 декабря. [Электронный ресурс] URL: <https://tolknews.ru/politika/68526-pochemu-slavgorod-prevratitsya-iz-goroda-v-munitsipalnyy-okrug> (дата обращения: 12.02.2023).

Следующий компонент институциональной среды в исследуемых регионах – это состояние гражданской активности. Несмотря на то, что ее исследования носят фрагментарный характер, в целом можно оценить ее уровень как соответствующий общефедеральным параметрам и тенденциям. Так, по данным опроса в Томской области на 2014 г. были информированы о деятельности общественных организаций 38% опрошенных, сталкивались с результатами их деятельности только 18%. Имеют опыт постоянного или единичного участия в общественных организациях 26% респондентов, еще 24% готовы принять участие в их работе. Необходимо отметить, что исследователи не включали в опрос объединения хозяйственно-бытовой направленности (ТСЖ, ЖСК, садовые и дачные товарищества), а также политические партии. Отметим они и тенденцию к снижению активизма по сравнению с аналогичным опросом 2011 г., когда какое-либо участие в деятельности НКО принимало 38% опрошенных³⁸¹.

По результатам исследования гражданского общества приграничных регионов РФ за 2017 г. уровень участия населения в деятельности общественных организаций в Алтайском крае составляет 20,8%, что составляет довольно высокий показатель, в то же время среди жителей Кемеровской области проявляют гражданскую активность лишь 5,0% респондентов³⁸². Необходимо отметить, что, несмотря на относительно небольшую долю активного населения, многие граждане все же участвуют в отдельных практиках благотворительности. Опрос в Алтайском крае за этот же год выявил, что 58% респондентов оказывали какую-либо материальную помощь другим людям, 33,2% жертвовали деньги на благотворительность, 27,3% работали на добровольных началах (субботники, волонтерство). Формы общественно-политической активности среди жителей края менее распространены: 18,9% опрошенных граждан обращались напрямую в органы

³⁸¹ Абрамова М.О., Сухушина Е.В. Отношение населения томской области к общественным организациям как маркер гражданского общества // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2015. № 1(29). С. 9-10.

³⁸² Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Показатели развития гражданского общества в приграничных регионах Российской Федерации // Социодинамика. 2017. № 4. С. 32.

власти, 18,1% подписывали обращения и петиции, 4,6% прибегали к публичным выступлениям, 2,9% писали письма в СМИ и только 1,3% респондентов участвовали в публичных акциях³⁸³.

В Кемеровской области оценки жителями уровня гражданской активности подтверждают тезис о ее низком уровне. Только 8% и 10% участников опроса, проведенного в 2018 г. Кемеровским Ресурсным центром поддержки общественных инициатив, оценили общественно-политическую активность в области как высокую и скорее высокую соответственно, 25% охарактеризовали ее как скорее низкую, 32% как низкую и 25% затруднились ответить. Сходные оценки дают и сами представители некоммерческого сектора Кузбасса: 6% высоко оценивают уровень гражданской активности в области, скорее высоким его считают 20%, скорее низким – 50%, низким – 24%. Готовность к активному личному участию в решении проблем местного значения, по данным этого же опроса, среди населения составляет 9%, 17% респондентов согласны участвовать во многих местных делах, 32% – только в отдельных мероприятиях. 24% не готовы принимать участие в подобной активности, и 18% не смогли дать определенный ответ³⁸⁴.

Исследования 2019-2020-х гг. не демонстрируют значительного повышения уровня гражданского активизма в регионах. Так, по данным за 2019 г., не имели опыта взаимодействия с некоммерческими организациями 86,9% опрошенных в Новосибирской области и 61,7% в Алтайском крае. Принимали участие в деятельности НКО для решения собственных или чужих проблем 10,6% респондентов в Новосибирской области и 29,5% в Алтайском крае, а 3,1% и 19,9% соответственно реализовывали свои инициативы без обращения к общественным организациям³⁸⁵. Алтайская краевая Общественная палата в отчете «О состоянии гражданского общества в

³⁸³ Максимова С.Г. и др. Характеристика гражданского общества в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 8 (194). С. 194.

³⁸⁴ Аналитический обзор «О тенденциях развития некоммерческого сектора в кемеровской области» // Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив» Кемерово, 2018. С. 30-31.

³⁸⁵ Максимова С.Г. и др. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 3. С. 38.

Алтайском крае» за 2019 г. указывает, что в деятельности некоммерческих организаций в какой-либо форме участвовало 18,6% опрошенных граждан. Оценивая уровень собственной гражданской активности, 10% участников исследования назвали себя общественно активными человеком, еще 23,3% охарактеризовали себя как скорее активные, 40,3% назвали себя скорее не активными, а 14,3% определили себя как не социально активными³⁸⁶.

Общественная палата Новосибирской области в своем отчете за 2020 г. отмечает, что в различных формах коллективной деятельности участвовало 53,1% респондентов. Большинство из них были вовлечены в деятельность по уборке и благоустройству территории (26,8%), коллективную взаимопомощь, сбор денег, вещей для малоимущих и приютов животных (17,4%) и экологические мероприятия и акции (16,1%). В акциях общественно-политического характера, таких как сбор подписей, обращения в органы власти и участие в митингах, демонстрации и т.п. приняли участие 9,9% и 6,4% респондентов соответственно³⁸⁷.

Таким образом, несмотря на фрагментарность имеющихся данных, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, в регионах распространен гражданский активизм в «прикладных» форматах, связанных либо с участием в волонтерской и благотворительной деятельности, либо с различными формами благоустройства территории проживания и улучшения окружающей среды, в том числе и экологической. Участие в них может быть не систематическим и не требует в большинстве значительных затрат, что и привлекает жителей. В то же время активность общественно-политического характера распространена на порядок меньше, среди нее преобладают различные формы обращений и петиций, призванные прежде всего обратить внимание местных и региональных властей на актуальные проблемы общества.

³⁸⁶ О состоянии гражданского общества в Алтайском крае. Принят на заседании Общественной палаты // Доклад Общественной Палаты Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://opak.alregn.ru/activity/reports/> (дата обращения: 17.02.2023).

³⁸⁷ Ежегодный доклад Общественной палаты Новосибирской области о состоянии гражданского общества в Новосибирской области за 2020 год // Общественная палата Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://op.nso.ru/page/6448> (дата обращения: 14.02.2023).

Одновременно происходит вовлечение людей в «квазиобщественные» объединения, инициированные и поддерживаемые государственными органами с целью обеспечения их лоялистского участия. Региональные власти заинтересованы в подобных формах активизма как дополнительном инструменте решения части социальных проблем и включаются в процесс формирования среды для их развития, при условии, что активистские объединения не будут претендовать на участие во власти. С этой целью в регионах Юго-Западной Сибири были созданы общественно-политические структуры с целью поддержки и направления гражданского участия.

Особенно разветвленная структура с задачей координации и поддержки общественной инициативы сформирована в Новосибирской области. Она состоит из Координационного центра «Активный город» (включает 13 ресурсных центров общественных объединений в рамках Новосибирска) и 20 центров в муниципальных образованиях области. Вся информация о них сосредоточена на едином «Портале информационной поддержки СО НКО и развития гражданских инициатив Новосибирской области»³⁸⁸.

В других субъектах также имеются региональные ресурсные центры в статусе некоммерческих организаций, кроме того, ресурсные центры существуют в некоторых крупных городах, например, Новокузнецке. В их задачу входит информационная, консультационная и методическая поддержка инициативных граждан, развитие социального партнерства, содействие в поиске источников финансирования и, шире, содействие развитию гражданского общества на местах. Также функции координации гражданской активности в сфере местного самоуправления реализуется через формирование на субрегиональном уровне в составе органов власти общественных или экспертных советов, которые могут носить территориальный или ведомственный характер.

³⁸⁸ Ресурсные центры Новосибирской области // Портал информационной поддержки СО НКО и развития гражданских инициатив Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <https://nko.nso.ru/page/159> (дата обращения: 20.02.2023).

Необходимо отметить, что региональные и местные власти придерживаются весьма «консервативных» подходов в вопросах обеспечения гражданского участия в деятельности местного самоуправления. Основной формой самоорганизации граждан в регионах по-прежнему остается территориальное общественное самоуправление (ТОСы). Всего по данным Общенациональной Ассоциации территориального общественного самоуправления за 2019 г.³⁸⁹ по числу ТОСов лидирует Новосибирская область с 877 объединениями, в Кемеровской области их насчитывается около 520, в Алтайском крае (на начало 2022 г.) 153 ТОСа³⁹⁰, в Томской области – всего 46. Организационно-координационные полномочия в этой сфере поручены региональным ассоциациям муниципальных образований, также на регулярной основе при органах власти собираются координационные советы по данному вопросу. В Новосибирской области сформирована отдельная структура – Комиссия по поддержке инициатив по развитию деятельности территориального общественного самоуправления³⁹¹.

Кроме того, в регионах действуют институты, занимающиеся прямой грантовой поддержкой или софинансированием общественных начинаний на местах, прежде всего в сфере благоустройства. Широкое распространение получили практики инициативного (партиципаторного) бюджетирования локальных проектов, предполагающие непосредственное участие населения в распределении и формировании части бюджета. Особую актуальность оно приобретает ввиду имеющейся асимметрии бюджетов разного уровня как способ повышения эффективности бюджетных расходов³⁹².

³⁸⁹ Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года. // ОАТОС Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: http://tos04.ru/wp-content/uploads/2022/12/Стратегия-развития-ТОС-в-Российской-Федерации-до_2030-9.03.2021.pdf (дата обращения: 29.01.2023)

³⁹⁰ Доклад о состоянии местного самоуправления в Алтайском крае в 2021 году // Ассоциация «Совет муниципальных образований Алтайского края» [Электронный ресурс] URL: <https://смоалтайскогокрая.рф/councilactivity> (дата обращения: 18.01.2023)

³⁹¹ Ресурсные центры, ТОС, инновации: новосибирские НКО поделились опытом развития. // Агентство социальной информации. – 2018. – 18 июня. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/06/18/resursnyetsent/> (дата обращения: 12.01.2023).

³⁹² Пятковская Ю.В, Васильева Н.В. Baikal Research Journal // Инициативное бюджетирование в Сибирском Федеральном округе: сравнительно-правовое исследование. 2022. Т. 13. №3. [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49440532_14442269.pdf (дата обращения: 11.01.2023).

В регионах подобные практики осуществляются либо региональным министерством финансов в рамках постоянно функционирующих проектов или регулярного конкурса гражданских инициатив. В Алтайском крае это «Проект поддержки местных инициатив» (с 2017 г. реализовано 400 проектов)³⁹³, в Кемеровской области – «Твой Кузбасс – твоя инициатива» (с 2019 г. реализовано 1040 проектов)³⁹⁴ в Новосибирской области – «Территория идей» (с 2017 г. реализовано 1025 проектов)³⁹⁵ и конкурс инициативного бюджетирования в Томской области (с 2019 г. 340 проектов)³⁹⁶. Аналогичные проекты реализованы на уровне крупных муниципалитетов, например, Программа инициативного бюджетирования города Барнаула³⁹⁷. Необходимо отметить, что имеющиеся практики инициативного бюджетирования в большей степени (до 85%) финансируются из региональных средств, ввиду ограниченности как бюджетов муниципалитетов, так и возможностей населения финансово участвовать в подобных инициативах.

Функции взаимодействия с гражданскими активистами на местном уровне также выполняют государственные и партийные институты, которые располагают значительными материальными, информационными и властными ресурсами. Например, в исследуемых регионах с 2018 г. при содействии политической партии «Единая Россия» функционируют «Центры поддержки гражданских инициатив»³⁹⁸, а также партийный проект «Городская среда». Но необходимо отметить, что основные реализуемые ими задачи можно

³⁹³ Предлагай – поддержим! Проект поддержки местных инициатив в Алтайском крае [Электронный ресурс]. – URL: <https://алтайпредлагай.рф> (дата обращения: 21.01.2023).

³⁹⁴ Твой Кузбасс – твоя инициатива // Министерство финансов Кузбасса. Официальный сайт. 2021. URL: <https://www.ofukem.ru/activity/initiative-budgeting/about-the-projects/> (дата обращения: 19.01.2023).

³⁹⁵ Реализация на территории Новосибирской области инициативных проектов // Министерство финансов и налоговой политики Новосибирской области [Электронный ресурс] URL: https://mfns0.nso.ru/sites/mfns0.nso.ru/wodby_files/files/news/2021/08/prezentaciya.pdf; «Территория идей»: 247 инициативных проектов муниципальных образований региона будут реализованы на средства господдержки [Электронный ресурс] URL: <https://www.nso.ru/news/55552> (дата обращения: 19.01.2023).

³⁹⁶ Инициативное бюджетирование // Департамент финансов Томской области. Официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://depfin.tomsk.gov.ru/initsiativnoe-bjudzhetirovanie> (дата обращения: 15.01.2023).

³⁹⁷ Программа инициативного бюджетирования города Барнаула [Электронный ресурс] URL: https://barnaul.org/news/special_projects/initsiativnoe-byudzhetirovanie/ (дата обращения: 15.01.2023).

³⁹⁸ Стронники «Единой России» запустили в Кемерово «Центр поддержки гражданских инициатив» // Единая Россия. Официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://er.ru/activity/news/storonniki-edinoj-rossii-zapustili-v-kemerovo-centr-podderzhki-grazhdanskih-iniciativ> (дата обращения: 18.11.2022).

определить как «бытовой» активизм – организация спортивно-досуговых мероприятий, субботников, благоустройство парков, зон отдыха.

Если рассматривать сферу взаимодействия властей и местных гражданских активистов с позиции последних, то следует отметить несколько важных особенностей. Прежде всего, это ограниченность доступных им ресурсов, так как большая часть локальных сообществ формируется из рядовых граждан, не располагающих значительными финансовыми или властными возможностями. Часть руководителей гражданских объединений (27%) заявляют, что не нуждаются в финансировании своей деятельности. 60% получают материальную поддержку в виде добровольной помощи непосредственно от участников и сторонников самих сообществ. Еще 40% финансируют свою деятельность за счет государственных грантов, 27% – за счет местных органов власти и по 13% пользуются поддержкой некоммерческих организаций, общественных и благотворительных фондов.

Ресурсная ограниченность и значительная зависимость от бюджетного финансирования зачастую приводят к тому, что представители местных политических и особенно экономических элит не воспринимают общественные структуры как центры влияния. Как следствие, гражданские инициативы не могут самостоятельно решить поставленные ими задачи, им нечего противопоставить бизнесу и они не способны «продавливать» необходимые решения самостоятельно. Сообщества задействуют коммуникативные инструменты, привлекая внимание населения к актуальным проблемам населенного пункта или территории и формируя общественное мнение по данному вопросу. В итоге с поставленными проблемами активисты обращаются к местным или региональным властям, выступая в качестве инициаторов их рассмотрения и поиска способов разрешения.

С фактором ресурсной недостаточности тесно связана и вторая особенность. Гражданские объединения в исследуемых регионах реализуют инициативы прежде всего в социальной сфере и в местах своего проживания. Деятельность сообществ, особенно в градозащитной области, имеет

значительный протестный политический потенциал, однако исследования показывают, что они в большей степени ориентируются на приспособление к существующим условиям или уход от конфликта³⁹⁹.

Большинство активистских объединений не является политизированным, а их участники предпочитают придерживаться аполитичных позиций. Они не выдвигают политических требований, сознательно дистанцируясь от политики и подчеркивая общественно-полезный характер своей деятельности. Также необходимо отметить, что хотя часть участников экспертного опроса подчеркивали аполитичность деятельности своего объединения, 13% из них (представители градозащитной сферы) указали на отдельные случаи противодействия со стороны местных властей, такие как запрет массового пикета и обвинения в «злоупотреблении» подачами обращений в органы власти.

Но с другой стороны, сообщества активистов вынужденно входят в поле политики, поскольку в случае возникновения конфликтных ситуаций с другими участниками общественных отношений (например, бизнесом) апеллируют к органам власти. Гражданские самоорганизующиеся структуры не могут быть равноправными участниками сетевой триады власть-бизнес-общество, основным их партнером остаются государственные институты. Именно в ситуации «симбиоза» с властями сообщества, не располагая собственными ресурсами, способны добиваться решения местных проблем за счёт субъектов, эти проблемы и создавших. Продуктом этих тенденций становится де-факто политизация работы активистов целого ряда направлений.

Не менее значимой характеристикой остается отношение органов власти к определению институтов гражданского активизма и потенциальных субъектов местной публичной политики. Здесь они, как правило, отталкиваются от формально-юридических позиций, в первую очередь

³⁹⁹ Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 248.

обращая внимание на некоммерческие и общественные организации со статусом юридического лица, бизнес-структуры, политические и государственно-общественные объединения. Существующие механизмы взаимодействия государственных органов и гражданского общества формируются, исходя из представлений о наличии в общественной сфере определенных структур, которые можно учитывать, направлять и регулировать. Местным сообществам предлагается встраиваться в обозначаемые рамки, для того чтобы иметь возможность взаимодействовать с представителями власти и получать от них соответствующую поддержку.

Однако большинство гражданских инициатив в исследуемых регионах носит неформальный характер и не оформлены институционально, а тем более юридически, что сужает возможности для прямого контакта с властными акторами, особенно регионального уровня. Для этого им приходится либо формировать массовый общественный запрос через влияние на общественное мнение, либо действовать через своих активистов и сторонников, состоящих в органах гражданского и политического представительства (муниципальные legislatures, общественные палаты, экспертные и консультационные советы). Данная опосредованная форма взаимодействия снижает эффективность и оперативность предпринимаемых местными активистами действий, а также побуждает граждан с проблемами, даже локального характера, обращаться напрямую во властные инстанции.

Описанная тенденция является одной из причин, определяющих следующую особенность гражданского активизма в исследуемых регионах – низкая мотивация граждан к участию в активистских практиках и объединениях. Большая часть граждан атомизирована и не готова к коллективным и постоянным действиям по самостоятельному решению скопившихся на местном уровне социальных проблем, не наблюдается их систематического включения в деятельность объединений, многие жители предпочитают роль «наблюдателей» или «попутчиков». Таким образом, подтверждается высказанный Л.И. Никовской и И.А. Скалабан тезис о том,

что «для современного общественного и гражданского участия в России характерны более высокие значения участия населения в “коротких” и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа»⁴⁰⁰.

Вызывает скептицизм у части населения и действенность предпринимаемых гражданскими активистами усилий, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, закрытостью политических систем даже на региональном и местном уровне, отстранением значительной части рядовых граждан от процесса принятия политических решений, а также уже упоминаемой ресурсной недостаточностью самоорганизующихся объединений. Во-вторых, спецификой политической культуры значительной части населения, сохраняющей высокий уровень патерналистских ожиданий по отношению к власти. В связи с этим, справедлива характеристика И.А. Халий: «местные сообщества являются порождающей общественные организации средой, не являясь при этом средой их поддерживающей»⁴⁰¹. В сельских территориях и малых городах, широко представленных в данных регионах, где степень освоения автономных активистских практик ниже и преобладают более консервативные социальные установки, этот фактор становится еще более значимым.

Гражданская активность остается важным фактором общественной жизни исследуемых субъектов Юго-западной Сибири, однако сложилась двоякая ситуация с состоянием в регионах на местах. С одной стороны, существующая институциональная среда не способствует развитию гражданского активизма и включению жителей в процессы местного самоуправления. На муниципальном уровне продолжают процессы его интеграции в систему государственной власти и отчуждения населения от участия в вопросах местного управления. Это отражается и в низкой распространенности активистских практик общественно-политического

⁴⁰⁰ Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 50.

⁴⁰¹ Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 116.

характера, что ограничивает возможности общественного влияния на локальную публичную политику.

С другой стороны, значительная часть граждан участвует в неполитических формах активизма, таких как благотворительность, волонтерство, благоустройство территорий. Указанные действия находят поддержку со стороны власти, так как позволяют канализировать активностный потенциал населения в «безопасное» русло и частично решить ряд актуальных местных проблем в условиях ограниченности ресурсов. Данное направление активности пользуется и институциональной поддержкой, выраженной в формировании в регионах многочисленных структур, стимулирующих и координирующих социальные значимые инициативы.

3.2. Потенциал гражданского активизма в развитии местного самоуправления⁴⁰²

Пути модернизации местного самоуправления различаются в зависимости от того, насколько преобразования ориентированы на развитие местных сообществ и представление интересов местных жителей. Трансформация местного самоуправления как элемента политической системы определяется существующими в стране политическими условиями, и тут приходится признать, что политические процессы в современной России развиваются в направлении роста централизации и этатизма. Это приводит к проблемам функционирования тех институтов, в структуре которых присутствуют общественная составляющая, том числе и местного

⁴⁰² При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации автора, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Качусов Д.А. Состояние общественных движений градозащитной проблематики (на примере г. Барнаула) // Социодинамика. – 2020. – № 6. – С.33-41; Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 48-64; Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. Состояние сетевых общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 211-221.

самоуправления, а также снижает возможности его преобразования со стороны институтов гражданского общества.

Для разрешения многочисленных проблем отечественного самоуправления, обозначенных в главе первой, необходимы совместные действия государства, гражданского общества и бизнеса. Перестройка всей системы местного самоуправления потребует больших ресурсных затрат, долговременных инвестиций в инфраструктуру и перехода от сугубо тактических решений в процессе принятия политических решений к долгосрочному стратегическому планированию. Необходима будет серьезная децентрализация административно-политической структуры страны, изменение принципов формирования бюджетной системы и восстановление автономии регионов.

Однако в настоящее время российская система местного самоуправления встроена в общегосударственную «вертикаль власти» утратила стимулы к саморазвитию и мало подвержена влиянию иницилируемых «снизу» инноваций. Значительная часть реформ требует глубокой трансформации государственно-властных институтов и не может быть осуществлена гражданами своими силами и ресурсами. Тем не менее потенциал влияния гражданского активизма и его институтов на процесс модернизации ряда аспектов местного самоуправления остается весьма значительным. Прежде всего, это такие вопросы, как активизация участия жителей в деятельность низового звена местного самоуправления, повышение инициативности и правовой культуры на местах, поиск внутренних ресурсов для решения локальных проблем, преодоление кадрового голода на местах, упрочнение обратной связи между жителями и властью муниципалитетов.

Перспективы развития местного самоуправления должны отражать растущие ожидания жителей на улучшение условий среды, повышение эффективности муниципальных учреждений и расширении роли самоорганизации в деле решения общественно значимых проблем. Система местного самоуправления должна иметь механизмы саморегуляции,

позволяющие ее структурам функционировать в условиях потенциальных конфликтов, обеспечивающие устойчивость к деструктивным факторам среды (экономический кризис, социальное расслоение и т.д.) и учет условий на местном уровне, а не на уровне субъектов Федерации. Решение этих задач возможно через активизацию процессов взаимодействия между населением, муниципальными властями и местными элитами, а в глобальном отношении – переориентации управленческого вектора на более сбалансированную модель.

Роль и значение граждан и их объединений, структур гражданского общества в процессе трансформации местного самоуправления также можно оценить через призму «государственнического» и «общественного» подходов. С данной дихотомией соотносятся предложенные К.А. Антипьевым для оценки потенциала самоорганизующихся местных сообществ управленческий и самоуправленческий подходы⁴⁰³. С позиции первого местный социум рассматривается как объект управления для властных структур, чью деятельность необходимо искусственно стимулировать и направлять. Активизировать местные социальные процессы можно «сверху», работая с лояльными общественными объединениями или создавая их искусственно.

Самоуправленческий подход выступает за широкую инициативу «снизу», равноправие местных сообществ и государственной власти, когда последняя должна только способствовать раскрытию активностного потенциала локальных социумов. Он реализуется через самостоятельную деятельность общественных организаций, инициативных групп, объединений граждан, на власти возлагается задача реагировать на инициативы со стороны населения и создавать условия для их развития. Однако данный подход требует доступа жителей к ресурсам и каналам управления, а также наличия местного сообщества, осознающего свои интересы и видящего пути их реализации.

⁴⁰³ Антипьев К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 24.

Как уже указывалось ранее, гражданское участие в местных делах остается на относительно низком уровне, что является показателем слабой развитости институтов гражданского общества и отчуждения между властью и обществом. Следует согласиться с мнением А.А. Желниной и Е.В. Тыкановой, что формально россиянам доступен широкий спектр возможностей участия в процессах самоуправления на локальном уровне: создание ТОСов, публичные слушания, собрания граждан, формы инициативного бюджетирования, жалобы, петиции и иные письменные обращения, но фактически ими пользуется малая часть жителей⁴⁰⁴. Митинги, пикеты и прочие публичные формы политического участия также остаются легальными, однако на практике их использование ограничено еще больше.

Кроме того, ввиду указанных ранее причин (обширность территорий, ресурсная недостаточность, кадровый голод) муниципальные власти нередко не в состоянии обеспечить постоянный текущий контроль за решением вопросов своего непосредственного ведения: уборка территорий, вывоз мусора, благоустройство и т.д. Распространенной управленческой практикой становится не систематическая работа, а отдельные мероприятия по контролю и устранению наиболее злободневных проблем.

В подобных условиях частым феноменом становится объединение людей в общественные институты для самостоятельной реализации интересов, непосредственно касающихся жителей определенной территории. Подобные сообщества, особенно на подуровнях крупных муниципалитетов, могут аккумулировать внутренние ресурсы или привлекать их «со стороны», беря на себя контроль и решение некоторых текущих задач. Локальные объединения характеризуются сильными внутренними связями, прямым интересом участников в и поддержании в границах территории приемлемых условий

⁴⁰⁴ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 169-170.

жизни, что делает их более заинтересованными в эффективности текущего управления⁴⁰⁵.

Для достижения большей эффективности деятельность сообществ должна быть разнообразна, вариативна и учитывать конкретные обстоятельства местного характера. Конечно, такие объединения не могут претендовать на полное замещение всех структур власти муниципального образования, им необходимо ориентироваться в первую очередь на те сферы, для которой у них имеются необходимые ресурсы и заинтересованность граждан⁴⁰⁶.

Активисты и их объединения не только создают новые элементы гражданской инфраструктуры, но и сами нередко становятся ресурсом (информационным или организационным) для других потенциальных участников гражданской самоорганизации. В качестве одного из результатов их деятельности выступает наглядная демонстрация согражданам достигнутых результатов гражданской активности, позитивных примеров, способствующих дальнейшему развитию местного сообщества и формирующих «веру в результативность коллективных действий»⁴⁰⁷. Действия по «оспариванию городского пространства» можно рассматривать как формирование первичной инфраструктуры гражданского участия, где горожане обучаются бороться за свои права. Начиная с понятных и актуальных для них вопросов обустройства мест проживания, жители могут использовать полученные знания и навыки в других сферах общественных отношений⁴⁰⁸. Можно даже сказать, что процесс формирования гражданского

⁴⁰⁵ Ларичев А.А. Локальные сообщества в городах как субъект контроля за решением вопросов местного значения // Правоприменение 2019. Т. 3. № 1. С. 103.

⁴⁰⁶ Шубин Ю.А. Местное самоуправление и гражданское общество // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 1. С. 11.

⁴⁰⁷ Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 41.

⁴⁰⁸ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 164.

общества в России смещается на местный уровень, где он происходит в виде реальных действий локальных сообществ⁴⁰⁹.

Расширение практик участия граждан в сферах общественной жизни, связанных с улучшением условий проживания, привело к распространению такой формы гражданской активности, как местные сообщества. В исследуемых регионах Юго-Западной Сибири они весьма многочисленны и разнообразны, но абсолютное большинство из них характеризуется наличием собственных интернет-ресурсов: страниц, сообществ (групп) или сайтов. В связи с этим, наиболее релевантным методом уточнения их перечня и сбора информации о них стал анализ социальных сетей (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Одноклассники), мессенджера Telegram, видеохостинга YouTube. Кроме того, дополнительную информацию позволил получить мониторинг региональных СМИ и информационных агентств (Интерфакс-Сибирь, Алтапресс, РИА-Кузбасс и др.), а также официальных страниц и сайтов органов власти.

В ходе исследования было выявлено 93 функционирующих в регионах Юго-Западной Сибири местных, городских и региональных сообществ, располагающих собственными интернет-площадками, взаимодействующих с населением, проявляющих активность и ведущих общественно-полезную деятельность. Решаемые ими задачи в основном концентрируются в проблемных областях, связанных с созданием благоприятной среды проживания, улучшением экологической обстановки и ведением гражданской общественно-значимой деятельности. Поэтому главный критерий, позволяющий нам разделить самоорганизующиеся сообщества – доминирующее направление деятельности. Всего можно обозначить три проблемные области, в которых сосредотачиваются усилия жителей.

Первая из них – экология и зоозащита (озеленение города, очистка территорий, сбережение природных ресурсов, помощь бездомным животным).

⁴⁰⁹ Антипьев К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 30.

Экологическое движение в Юго-Западной Сибири, как и в России в целом, в настоящее время переживает подъем, связанный с актуализацией ряда экологических проблем: угроза уникальным и особо охраняемым природным территориям, неконтролируемая вырубка лесов, лесные пожары и сельхозпалы, рост нелегальных или опасно близких к населенным пунктам мусорных полигонов и т.д.

Как правило, экоориентированные объединения хорошо институционализированы и устойчивы, нередко имеют статус региональных или отделений межрегиональных и всероссийских общественных организаций. В их составе присутствуют как активисты «старой школы», которые с еще с 1980-1990-х гг. занимаются изучением и охраной природы, так и молодежь, ориентированная на постматериальные ценности и активно включающаяся в общественную жизнь. Экологические сообщества ставят перед собой разноплановые задачи, которые зависят от масштабов самой организации, количества участников и ресурсов, которыми они располагают.

Объединения экологической направленности, действующие в изучаемых регионах, представлены в таблице Приложения 1. Среди них можно выделить «лидеров», имеющих развитую организационную и техническую инфраструктуру для реализации разовых и постоянных проектов и широкий охват виртуальной аудитории, прежде всего в социальных сетях ВКонтакте и Instagram, где число подписчиков может приближаться к десяти тысячам. К подобным объединениям мы можем отнести новосибирскую инициативную группу «Живая Земля» (3763 человек ВКонтакте) и реализуемый ею проект «Акция «Зеленая белка» (7987 участников ВКонтакте, 12800 – в Instagram), Алтайское региональное отделение «Мусора.больше.нет» (5236 подписчиков ВКонтакте), сообщества «Раздельный сбор Барнаул» (8689 человек в Instagram), «Чистый мир. Томск» (5962 подписчиков ВКонтакте, 3564 в Instagram), «Экологическое движение "Зелёный луч" Томск» (3279 подписчиков ВКонтакте), «ЭкоКемерово. Экологическое сообщество» (2388 подписчиков ВКонтакте, 2901 – в Instagram, 1206 – в Одноклассники). Многие

объединения представлены и на других площадках, таких как Twitter, Facebook и YouTube, но численность участников в них гораздо ниже.

Особенность данных групп – практикоориентированность их деятельности. Кроме пропаганды экологически ответственного поведения среди населения, они используют самые разнообразные формы работы: организуют пункты раздельного сбора мусора, устраивают акции по сдаче вторсырья, проводят экологические субботники, производят и продают экологичные, запускают проекты «фримаркетов» (мест некоммерческой обмена вещей). Например, в Барнауле сообщество «Мусора.больше.нет» ежемесячно проводит акцию раздельного сбора мусора, организуя до 38 точек приема, такую же акцию проводит «Зеленая белка» в Новосибирске (17 точек), в Томске реализован проект «Чистого мира» по размещению контейнеров для раздельного сбора мусора «Желтые сетки» (приостановлен в 2021 г., но сообщество принимает вторсырье на центральном складе) и т.д. Кроме того, сообщества активно взаимодействуют с местными властями и общественными организациями по вопросам защиты окружающей среды, привлекают внимание общественности и СМИ к проблемам экологии в городах, информационно и ресурсно поддерживают другие площадки подобной направленности.

В этой же сфере представлены и менее крупные объединения «Клуб ЭКО осознанности Новая ЭРА», «КуРСОр (Мы за Чистый мир)» (Томск), «Жить экологично в Кузбассе», «Алтайский краевой детский экологический центр», «ЭКА! Зеленое Движение России» (Новосибирск) и др. В основном, их цели и задачи аналогичны сообществам-лидерам, но, не обладая их ресурсами и возможностями, они больше сосредотачиваются на просветительской деятельности и формировании экологической культуры граждан.

Третий тип локальных сообществ экологической направленности – это группы более узкой проблемной направленности, такие как «ЭКОЦЕНТР – Центр рециклинга и экологии_КУЗБАСС», «Зеленый курс», (Кемерово),

«Батарейки, Сдавайтесь! Томск», «Расти, город Томск», «Экоцентр ProZero» (Новосибирск), «Крышки Енота» (Барнаул, Новосибирск). Они, как правило, занимаются решением определенных задач – утилизация опасных отходов, сбор вторсырья, переработка органики, реализация экологически безопасной продукции. Некоторые из подобных сообществ являются частью общероссийской сети, обладающей собственной организационной структурой, информационными и материальными ресурсами и включающей группы на территории России, например проект «ЭКОДВОР» (реализуется в 30 городах, есть в Кемерово и Новосибирске).

Также существуют гражданские объединения, ставящие целью защиту определенных территорий или объектов (лесов, водоемов и т.д.): «Томск в защиту Академгородка, озер и леса», «Защитим Томскую тайгу», «Алтайский краевой Совет по защите лесов», «Эко-парк "Ползуновъ"», «Открытая Эко Школа "Чистые берега"» (Алтайский край), «Сохраним Заельцовский бор!» (Новосибирская обл.). Зачастую сфера их деятельности пересекается с работой сообществ градозащитной проблематики, в частности, по вопросам сохранения парков, скверов и других зеленых насаждений, очистки береговой линии в городах, создания общественных пространств для досуга и отдыха.

Отдельно стоит выделить зоозащитные сообщества, имеющие свою специфику. Исследователи российских зоозащитников отмечают, что их объединения могут действовать и как направление экологического движения в защиту флоры и фауны, и как социальное движение против жестокого обращения с животными, и даже как политическое движение, направленное на изменение общественных ценностей и трансформацию отношений в обществе⁴¹⁰. В регионах крупнейшими подобными объединениями являются «Зоохелп: Помощь бездомным животным г. Барнаула» (8144 участников ВКонтакте); «animal_nsk – Новосибирск» (3264 участников ВКонтакте); «ПОМОГАЙ ЖИВОТНЫМ!» в Кемеровской области (9373 участников

⁴¹⁰ Полутин С.В., Самойлова Е.А. Социологический портрет российского зоозащитного движения // Регионоведение. 2020. Т. 28. №1. С. 187.

ВКонтакте); «Алекс (Сообщество защиты животных)» в Томской области (4697 участников ВКонтакте) и другие, кроме них действует большое количество волонтерских сообществ, групп в соцсетях и отдельных активистов, которые самостоятельно занимаются зоозащитной деятельностью или оказывают помощь приютам и официальным зоозащитным организациям.

Необходимо отметить, что экологические сообщества в регионах образуют развитую инфраструктуру, активно взаимодействуют друг с другом и проводят совместные акции, предоставляют информационную поддержку, площадки или ресурсы для проводимых мероприятий. Наблюдается рост вовлеченности граждан в их работу: кроме активистов и рядовых членов, значительная часть населения поддерживает цели движений, не вступая в них, а участвуя в одиночных, эпизодических практиках (сдают вторсырье, батарейки, ртутные лампы, принимают участие в субботниках и т.д.).

Вторая проблемная область охватывает градозащитную деятельность и урбанистику. Сообщества данного направления занимаются сохранением памятников архитектуры, вовлечением граждан в создание благоприятной окружающей среды, налаживанием диалога между обществом, бизнесом и местными властями, вопросами сочетания коммерческих, социальных и историко-культурных начал в развитии городов.

В этой проблемной сфере можно выявить несколько категорий сообществ (Приложение 2). Во-первых, это объединения, продвигающие широкий спектр вопросов городской повестки – от выявления и решения конкретных коммунально-хозяйственных проблем до обсуждения госзакупок администрации и архитектурного плана города, деятельность которых проходит в основном в виртуальном пространстве. В массе своей это относительно крупные сообщества, численностью не менее тысячи сторонников, не имеющие какого-либо институционального закрепления и существующие на нескольких виртуальных платформах. Например, это «Градика – городские инициативы и проблемы» (1237 подписчиков ВКонтакте, собственный сайт), «Цивилизованный город» (1149 подписчиков

ВКонтакте) в Алтайском крае, «Городские реновации | Новосибирская область» (570 подписчиков ВКонтакте), «Делай Томск лучше!» (1118 подписчиков ВКонтакте), «Город не бесит» (2 653 подписчиков в Telegram) в Томской области. Также есть сообщества по развитию городской среды, которые характеризуются меньшей численностью, такие как «Партнёрство "Городской конструктор"», «UProject» (Новосибирская обл.) и «URBAN.LAB.TOMSK Городские эксперименты» (Томская обл.)

Во-вторых, следует выделить категорию разноплановых сообществ, имеющих более узкую направленность и ставящих задачи решения проблем в какой-либо одной сфере городской жизни. В частности, целый ряд сообществ занимаются вопросами развития городского общественного транспорта: «Транспорт и дороги Новосибирска», «Умный транспорт Томска», «TRANSPORT.БРН» (Алтайский край). К этой же категории можно отнести группы, занимающиеся проблемами отдельных городских объектов, таких как исторические здания или парки: «Субботники Парк БМК – народный парк!», «Субботники на Спичке» (Алтайский край), «Сохраним Военный городок №17 в Новосибирске!», «ТРОД "Исторический центр"» (Томская обл.)

К третьей категории можно отнести объединения урбанистической направленности, являющиеся частью сети городских и региональных сообществ, действующих на территории всей страны, например, группы «Центра Прикладной Урбанистики» (36 городских сообществ, представлены в Барнауле и Новосибирске). Подобная сеть может функционировать как общественная организация, иметь организационную структуру и собственные веб-ресурсы (сайт, мобильное приложение), например, как проект «Гражданский патруль» (не менее 45 отделений, есть в Барнауле, Кемерово, Новосибирске), занимающийся выявлением и решением конкретных проблем городской жизни, реализующие различные инфраструктурные проекты.

Наконец, следует выделить группы, исполняющие функции гражданского контроля, например, Телеграмм-канал «Барнаульский Нытик», сообщества «Стрекалов. Благоустроенный Новосибирск», «Бердск: Все

плохо!» (Новосибирская обл.). Их деятельность носит прикладной характер: они занимаются поиском, освещением и решением конкретных проблем жизни города или определенной территории, таких как отсутствие инфраструктуры для людей с ОВЗ в общественных местах, разрушение тротуаров или коммунальных сетей, несанкционированные свалки и т.д.

Основными формами деятельности граждан в данной сфере остаются действия, направленные на привлечение внимания общества и власти к проблемам поселений: сообщения в местных СМИ и собственных интернет-ресурсах, петиции, сбор подписей, обращения в органы власти, а также одиночные пикеты. Значительно реже проводятся и довольно многочисленные (от нескольких десятков до нескольких сотен участников) по меркам регионов публичные акции, такие как сходы граждан, публичные слушания, флеш-мобы (в том числе и в сети Интернет).

Поводом к подобной активизации служат события, затрагивающие интересы многих горожан и вызывающие широкий общественный резонанс, например уничтожение зеленых зон⁴¹¹, планы застройки старинного сереброплавильного завода⁴¹² и площади Сахарова в Барнауле⁴¹³, снос жилого комплекса 1920-х гг. «Рабочая пятилетка»⁴¹⁴, разрушение исторических зданий на территории военного городка №17⁴¹⁵, застройка Нарымского сквера в Новосибирске⁴¹⁶, снос старинных деревянных домов в Томске⁴¹⁷ и т.д.

⁴¹¹ «Не ставьте на парке крест». Защитники зеленых зон вывели на митинг в Барнауле 150 человек / Политсиб.ру [электронный ресурс] URL: <https://politsib.ru/news/35998-ne-stavte-na-parke-krest-zasitniki-zelenyh-zon-vyveli-na-miting-v-barnaule-celovek> (дата обращения 10.09.2022)

⁴¹² Барнаульцы выступают против «коробки» около сереброплавильного завода / Алтапресс [электронный ресурс] URL: <https://altapress.ru/realty/story/barnaualtsi-vistupyat-protiv-korobki-v-rayone-spichechnoy-fabriki-i-peredachi-plotini-gorodu-221502> (дата обращения 10.09.2022)

⁴¹³ Барнаульские активисты наметили план борьбы против строительства корпуса АлтГУ в сквере на площади Сахарова / ИА Банкфакс [электронный ресурс] URL: <https://www.bankfax.ru/news/139877> (дата обращения 10.09.2022)

⁴¹⁴ «Город нужно сохранить»: новосибирцы устроили пикет против сноса исторических зданий / Рамблер [электронный ресурс] URL: <https://news.rambler.ru/other/41808476-gorod-nuzhno-sohranit-novosibirtsy-ustroili-piket-protiv-snosa-istoricheskikh-zdaniy/> (дата обращения 11.09.2022)

⁴¹⁵ Новосибирцы просят не сносить исторические здания в бывшем военном городке / Комсомольская правда - Новосибирск [электронный ресурс] // URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/4140788/> (дата обращения 11.09.2022)

⁴¹⁶ Архитекторы поддержали запрет строительства в сквере Новосибирска // РИА Новости. 2020. URL: <https://ria.ru/20130520/938355371.html> (дата обращения: 17.08.2022).

⁴¹⁷ К флеш-мобу в защиту старинных зданий Томска присоединились сотни граждан / Московский комсомолец. Томск [электронный ресурс] URL: <https://tomsk.mk.ru/social/2019/05/06/k-fleshmobu-v-zashhitu-starinnykh-zdaniy-tomska-prisoedinilis-sotni-grazhdan.html> (дата обращения 11.09.2022)

Можно резюмировать, что подобные градозащитные движения формируются под влиянием осознания долгосрочной связи граждан со средой проживания – «Именно качество этой среды ... полностью определяют сегодня уровень и образ жизни многих местных сообществ»⁴¹⁸. С этим связана локальная привязка деятельности сообществ – например, их протестная активность против застройки, сноса или инициативы по благоустройству нередко ограничиваются местами непосредственного проживания (административный район или микрорайон). Данная особенность характерна и для общемировой практики, где получила наименование NIMBY («not in my back yard!»), пер. «не на моем заднем дворе!»), когда горожане выступают против градостроительных инициатив, которые считают вредными, нейтрально относясь к аналогичным действиям в других местах⁴¹⁹.

В период второй половины 2010-х гг. в регионах наблюдалось развитие градозащитного движения, рост числа его участников и переход от действий одиночных активистов и небольших групп специалистов к сообществам с обширной аудиторией сторонников, в значительной мере благодаря активному использованию социальных сетей и интернет-СМИ. Тем не менее не наблюдается систематического и массового включения граждан в работу объединений градозащитного характера, масштаб их вовлеченности значительно уступает эко-сообществам.

Более того, что в настоящее время интенсивность участия граждан в градозащитной деятельности снижается, ряд ориентированных на решение проблем благоустройства сообществ, таких как «Шпиль – Барнаульское городское сообщество» или всероссийская сеть «Городские проекты» прекратили деятельность в 2021-2022 гг. В настоящий момент активность большинства объединений носит характер эпизодической поддержки протестов против застройки (протесты в микрорайоне Нижняя Ельцовка в

⁴¹⁸ Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 103-104.

⁴¹⁹ Hubbard P. Accommodating Otherness: Anti-Asylum Centre Protest and the Maintenance of White Privilege // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. Vol. 30. No. 1. P.52.

Новосибирске в августе 2022 г.⁴²⁰, сбор граждан по вопросу сохранения зеленых зон г. Барнаула в январе 2021 г.⁴²¹.) Активно перехватывают градозащитную повестку и муниципальные власти, выстраивая каналы обратной связи для активистов и населения, организуя публичные слушания, проводя голосования за проекты городского благоустройства.

Третью проблемную область можно обозначить как сферу гражданской общественно-полезной деятельности, куда включаются такие задачи, как популяризация волонтерской деятельности, формирование активной жизненной позиции, культурное, гражданское и историческое просвещение, патриотическое воспитание и др.

Необходимо сразу отметить, что подобное направление гражданского активизма располагало обширной, исторически сложившейся инфраструктурой в виде многочисленных общественных и общественно-государственных объединений и значительным количеством активистов. Зачастую граждане самостоятельно прикладывали значительные усилия по популяризации культурно-исторического наследия, сохранению местной истории и воинской славы, развитию локальной идентичности, что приводит к существованию большого количества «низовых» сообществ данной направленности (краеведческие кружки, школьные и местные музеи, локальные культурные, этнические и иные сообщества и т.д.)

С другой стороны, активный интерес к этой сфере проявляет государство, прежде практически полностью контролировавшее его. Гражданско-патриотическая активность рассматривается как инструмент формирования патриотической культуры у населения, вовлечения его в лоялистскую общественную деятельность. Это обеспечивает приток государственных ресурсов, организационную и правовую поддержку гражданских объединений данной проблематики, но приводит к их

⁴²⁰ Жители Нижней Ельцовки вышли на акцию протеста против застройки леса // Информационный портал Сибкрай.ru. – 2022. – 21 августа [электронный ресурс] URL: <https://sibkrai.ru/news/1/960296/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴²¹ Город-пень. Барнаульцы объяснили, почему они против застройки площади Сахарова и как быть дальше // Сетевое издание ТОЛК. – 2021. – 16 февраля [электронный ресурс] URL: <https://tolknews.ru/politsib/113660-barnaulcy-obasnili-pocemu-oni-protiv-zastrojki-plosadi-saharova-i-kak-byt-dalse> (дата обращения: 15.02.2023).

зависимости от государства. Приоритетным направлением становится задача военно-патриотического воспитания, что привело в последние годы к переходу под контроль или прямой интеграции местных патриотических объединения в состав государственных структур, таких как «Юнармия», ДОСААФ и др., которые не могут считаться институтами гражданского общества.

Рассматривать большинство патриотических сообществ, не интегрированных в состав вышеуказанных организаций, как автономные гражданские объединения тоже не представляется возможным. По классификации Ю.А. Головина и А.А. Фролова мы их можем отнести к протопертикальным сетевым движениям. Из потенциальных субъектов они превратились в объекты государственной политики, что находит отражение в наличии большого числа программ и мероприятий, ориентированных, прежде всего, на вовлечение в патриотическую деятельность молодежи. Использование же административных способов мобилизации новых членов приводит к тому, что членство в данных объединениях зачастую носит формальный характер, а деятельность не выходит за рамки, обозначенные в предоставленных «сверху» программных документах.

Тем не менее низовой уровень гражданско-патриотического движения остается значимой областью приложения усилий местных активистов и «школой» для получения первичного опыта общественного активизма. Объединения, локализованные на муниципальном уровне, в малых городах и районных центрах, на базе образовательных организаций, учреждений культуры и спорта весьма многочисленны. Это клубы, кружки, объединения школьников и студентов, центры допризывной подготовки и дополнительного образования, которые в массе своей не зарегистрированы как самостоятельные юридические лица.

Их деятельность характеризуется сочетанием традиционного для отечественной патриотики военно-спортивного компонента и широкого спектра просветительских, культурных, природоохранных задач, а также

поддержки социальных общественных инициатив. Ставящиеся ими задачи носят локальный характер, например, облагораживание монументов и памятных мест, помощь пенсионерам и инвалидам, сбор средств для нуждающихся, а патриотический дискурс может служить дополнительным фактором привлечения государственной или спонсорской помощи. Кроме того, многие сообщества принимают активное участие в работе региональных и федеральных патриотических объединений, выполняя роль «поставщика участников» для их мероприятий.

Значимым фактором гражданской самоорганизации на региональном и местном является волонтерская деятельность. Сообщества подобной направленности работают в широком проблемном поле и осуществляют реализацию патриотических, культурных, просветительских, экологических и зоозащитных проектов, частично пересекаясь с деятельностью уже указанных типов объединений. Как правило, именно их деятельность подпадает под понимание гражданской активности в массовом сознании, что видно из результатов социологических опросов⁴²².

Волонтерское движение охватывает очень значимое число граждан и включает большое количество объединений разного уровня, от крупных региональных общественных движений до локальных неформальных объединений на базе ситуативных групп в социальных сетях. Коронавирусный кризис, а потом и начало специальной военной операции (СВО) обострили ряд социальных проблем в регионах, таких как необходимость поддержки маломобильных, пожилых людей и отдельных демографических и профессиональных групп населения. Это дополнительно стимулировало включение людей в волонтерскую деятельность, как под эгидой партийных проектов и общественных организаций (например, «Волонтеры-медики», «Общероссийский народный фронт»), так и самостоятельно, в рамках соседских или общедомовых сообществ, групп в социальных сетях. Например,

⁴²² Гражданская активность: Пресс-выпуск от 07.07.2022 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/> (дата обращения 30.01.2023).

в Алтайском крае к началу 2022 г. действовало более 800 волонтерских объединений с 120 тыс. участников⁴²³, в Новосибирской области число волонтеров приблизилось к 200 тыс.⁴²⁴, в Томской области (на конец 2022 г.) насчитывалось 40 тыс. волонтеров⁴²⁵.

Также в качестве отдельных разновидностей гражданско-патриотических объединений необходимо выделить сообщества военно-исторического формата, прежде всего военно-поисковые отряды. Несмотря на то, что поисковое движение в РФ структурировано в границах всероссийского «Поискового движения России», значительную роль в нем играют добровольческие отряды, создаваемые при учреждениях образования или общественных организациях, например, поисковый отряд «Прометей» (Томская обл.), городской поисковый отряд «Искра» (Алтайский край), поисковый отряд «Кондор» г. Бердска (Новосибирская обл.)

Также объединения гражданской ориентации могут иметь формат краеведческих объединений, клубов по изучению местной культуры, народного искусства и промыслов, исторической реконструкции и др., объединяющих граждан по интересам на основе локальной, культурной или этнической общности (Приложение 3). В качестве примеров можно назвать сообщества «Барнаул вдоль и поперек. История», «Купеческий Квартал» (Алтайский край), «Истории малой родины» (Томская обл.), «Шаги истории. Кузбасс», «Старый Кемерово | История Кузбасса», «Северный берег» (Новосибирская обл.), клуб исторического фехтования «Миф» (Томская обл.) и др. Проблемное поле и актив некоторых общественных объединений могут частично совпадать с градозащитными организациями, одной из задач которых является сохранение архитектурного облика городов.

⁴²³ По зову сердца: что делают волонтеры Алтайского края // Информационный портал НКО Алтайского края [электронный ресурс] URL: <https://nko.alregn.ru/news/po-zovu-serdtsa-chto-delayut-volontery-altayskogo-kрая/> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴²⁴ Почти вдвое увеличилось количество добровольцев в регионе за пять лет // Правительство Новосибирской области [электронный ресурс] URL: <https://www.nso.ru/news/58233?ysclid=llcbwtf5m170651950> (дата обращения: 15.03.2023)

⁴²⁵ В Томской области насчитывается 40 тысяч волонтеров // TOMSK.KP.RU. – 2022. – 5 декабря. [электронный ресурс] URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/5041295/> (дата обращения: 12.03.2023)

Как правило, в большинстве своем изучаемые сообщества слабо формализованы, не имеют фиксированного членства и не числятся в реестрах общественных и некоммерческих организаций. Важным качественным методом, использованным для изучения структуры и особенностей функционирования локальных сообществ, выступил экспертный онлайн-опрос модераторов и руководителей подобных объединений, проведенный в июне-августе 2021 г. В Приложении 4 приведена анкета, составленная диссертантом.

Всего в совокупности было направлено 93 приглашения к участию в опросе, однако в итоге ответы были получены только от 15 респондентов. На основании мониторинга интернет-ресурсов их сообществ, эксперты были разделены на три группы согласно проблемной области их деятельности (урбанистика, экология, гражданско-патриотическая сфера). Среди них было 8 руководителей, 7 модераторов или администраторов интернет-ресурсов сообществ в социальных сетях.

В ходе опроса выявлялся ряд значимых характеристик исследуемых сообществ:

1. Их внутренняя организационная структура, а именно наличие должностей заместителя или помощника, модератора или редактора страницы (группы) сообщества в соцсетях, координаторов направлений работы.

2. Используемые каналы взаимодействия с участниками и сторонниками: социальные сети, электронная почта, постоянный чат (беседа) в мессенджерах, телефонная горячая линия, а также наличие оффлайн-встреч или собраний.

3. Наиболее распространенные формы и методы деятельности сообществ, использование «виртуальных» и «реальных» гражданских практик, их сочетание у объединений разной направленности. Кроме того, опрос дал возможность уточнить такую характеристику, как наличие долгосрочных и постоянно действующих проектов.

4. Степень вовлеченности в общественные процессы, количество и регулярность контактов с другими сообществами, общественными организациями и бизнес-структурами, возможности сотрудничества с органами власти и местного самоуправления.

5. Источники формирования ресурсной базы, формы поддержки со стороны граждан-сторонников сообществ, некоммерческих организаций, благотворительных фондов и местного бизнеса, получение государственного грантового финансирования.

6. Оценка динамики развития гражданских сообществ от их руководителей (модераторов), степень актуальности поднимаемых ими проблем в будущем, возможности расширения поля деятельности и увеличения количества участников объединений.

Как показал опрос, организационная структура гражданских сообществ вариативна: 20% объединений не имеют постоянных органов управления, в 7% они создаются ситуативно, под актуальную задачу, в 20% сообществ существуют должности заместителей, помощников или координаторов, в 27 % групп – модератора или редактора для интернет-ресурсов. Развитая и постоянная организационная структура (руководитель, помощник или заместитель, кураторы по направлениям и т.д.) существует только у 27% изученных сообществ.

Большое значение для самоорганизации и налаживания взаимодействия с активистами, рядовыми участниками и гражданами играют виртуальные сервисы, так, 60% сообществ осуществляют связь при помощи сообщений в социальных сетях и мессенджерах, 53% ведут постоянный чат (беседу) в группе, еще у 7% группа или чат создается под каждый конкретный проект. Из традиционных методов коммуникации наиболее значимыми остаются оффлайн встречи (67%), гораздо меньше (13%) используют телефонную «горячую линию», а у 7% сообществ не предусмотрено постоянного канала обратной связи.

Для реализации своих задач сообщества, помимо «традиционных» методов общественных движений, активно действуют и в виртуальной сфере. В первом полугодии 2022 г. основными онлайн-площадками для деятельности в интернете остаются ВКонтакте и Instagram, в которых размещаются новости сообществ, анонсы мероприятий, фото и видео-отчеты о деятельности. Также необходимо отметить, что в указанный период многие сообщества активно осваивали мессенджер Телеграм, который используется, прежде всего, для оперативной рассылки новостей и обратной связи со сторонниками.

Большинство опрошенных руководителей сообществ активистов видят перспективы роста гражданской активности. 47% из них высказали мнение, что число граждан, участвующих в их деятельности, сильно увеличится, столько же указали, что их численность увеличится незначительно. Положительно эксперты оценили и динамику развития гражданских объединений: 27% прогнозируют «бурный рост и развитие» своих сообществ, а 67% – «скорее рост и развитие». Только 7% опрошенных предположили возможность кризиса своего сообщества и сокращение численности его участников. Свои ответы они аргументировали высокой актуальностью затрагиваемой ими проблематики, а также ростом гражданского самосознания людей и желанием решать местные проблемы.

Необходимо обозначить ряд условий, способствующих самоорганизации жителей муниципалитетов, которые можно разделить на зависящие непосредственно от самого населения и зависящие от властных субъектов. К первым относится нужда жителей в благах и услугах местного самоуправления, осознание и артикуляция локальных интересов, наличие собственных ресурсов. Сюда же входят и «мировоззренческие» элементы гражданских инфраструктур, такие как высокий уровень гражданской активности и правовой грамотности, мотивация участников и выработка форматов и практик эффективной защиты своих интересов⁴²⁶.

⁴²⁶ Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. №22(1). С. 172.

Вторую группу условий можно обозначить как зависящие от властных субъектов: наличие институтов стимулирования общественных инициатив, их материальной поддержки, форм взаимодействия органов власти и общественных объединений, возможности формирования позитивного мнения у населения по поводу их участия в общественной деятельности⁴²⁷. Положительно на развитие гражданских сообществ повлияет отказ от методов администрирования в управлении, искоренение коррупции, рост информационной прозрачности и сокращение дистанции между гражданами и представителями власти⁴²⁸.

Практика взаимодействия органов власти, политических институтов и общественных организаций довольно распространена и не вызывает отторжения у представителей гражданских сообществ. По данным экспертного опроса их руководителей, 67% объединений регулярно сотрудничают с региональными органами власти и местного самоуправления, 27% с местными и региональными СМИ, 33% принимают участие в деятельности органов местного самоуправления, 13% в деятельности экспертных и консультативных советов при органах власти и 7% – в работе Общественных палат. По 40% из числа опрошенных руководителей указали, что реализуют совместные проекты с властью и с некоммерческими организациями соответственно, еще 33% заявило о сотрудничестве с политическими партиями и общественно-политическими движениями.

Также необходимо обратить внимание на наличие множественных взаимосвязей между местными сообществами, действующими в близких проблемных сферах. Из опрошенных руководителей только 7% указали, что не поддерживают постоянных контактов с другими сообществами или некоммерческими организациями, столько же ответили, что взаимодействуют непосредственно с гражданскими активистами в своей проблемной сфере.

⁴²⁷ Мерсиянова И.В. Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований. Изд. 2-е. Новосибирск: Институт неправительственного сектора, 2003. С. 7.

⁴²⁸ Левкина Л.И. Потенциал влияния местных и самоорганизующихся сообществ на социально-экономическое развитие территорий // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 324.

Большая часть (40%) ответили, что поддерживают постоянные контакты с 1-2 сообществами или организациями, а 20% изучаемых групп регулярно взаимодействуют с 3-4. Еще 27% объединений имеют 5 и более постоянных контактов с субъектами общественной сферы.

Координация гражданской активности «сверху» может осуществляться разными путями. Зачастую местные власти пытаются напрямую «перехватить» проблемную активность локальных сообществ, включая наиболее актуальные вопросы в повестку своей деятельности. Подобным образом развивается ситуация с градозащитными сообществами, занимающимися вопросами борьбы с «уплотнительной» застройкой, уничтожением зеленых зон в городах, сносом исторических строений. Сопrotивление активистов и местных жителей, вылившееся в 2010-е гг. в ряд протестов и вышедшее за пределы муниципального уровня, вынудило власти сформировать институты для диалога с гражданским обществом по этим вопросам, такие как Градостроительный совет при администрации г. Барнаула или Общественный совет по строительству на территории Новосибирской области.

Значимым и хорошо институционализированным элементом системы общественно-властных взаимоотношений в исследуемых регионах являются Общественные палаты регионов и муниципальных образований, в задачу которых как раз и входит роль «посредника» между структурами гражданского общества и государством. Необходимо отметить, что Палаты не представлены во всех муниципалитетах, в частности, они отсутствуют в таких крупных городах, как Новосибирск и Кемерово, и связанные с местным уровнем вопросы возлагаются на региональную структуру.

Одна из базовых задач Общественных Палат – создание и модернизация правовой базы для расширения активизма на местах, в связи с чем они регулярно привлекаются к общественной экспертизе нормативно-правовых актов, непосредственно связанных со сферой интересов местных сообществ. Как пример, это законы «Об экологическом образовании, воспитании и

формировании экологической культуры в Кемеровской области» 2019 г., «О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Кемеровской области – Кузбассе» от 2022 г., о финансировании проекта «Комфортная городская среда» в проекте бюджета Алтайского края на 2021 г. Кроме того, могут приниматься соответствующие законотворческие инициативы, например, Общественная палата Алтайского края в 2021 г. предложила разрешить участвовать в опросах граждан в муниципальных образованиях жителям не с 18, а с 16 лет, что должно формировать опыт общественного участия и способствовать их более раннему включению в процессы решения местных вопросов.

Еще одним не менее важным аспектом деятельности Общественных палат является обеспечение возможности для представления своих точек зрения и публичной дискуссии для муниципальной власти, общественников, местного бизнеса и активных жителей. Это может осуществляться через проведение форумов и конференций (межрегиональный форум «Сообщество» в г. Томск, 2018 г.⁴²⁹; Межрегиональная конференция «Актуализация форм общественного участия в социально-экономическом развитии региона» в г. Кемерово⁴³⁰, 2018 г.; форум социально ориентированных некоммерческих организаций «СО-действие» в г. Барнауле, 2020-2022 г.⁴³¹), организацию дискуссионных площадок («Синергия власти и жителей Кузбасса для эффективной реализации национальных проектов»)⁴³² и круглых столов («Круглый стол по актуальным проблемам сохранения исторической части

⁴²⁹ Форум «Сообщество», организованный Общественной палатой РФ, стартует в Томске. // ТАСС. – 2018. – 20 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5306024> (дата обращения: 21.01.2023).

⁴³⁰ Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив» при поддержке Общественной палаты Кемеровской области провела Межрегиональную конференцию «Актуализация форм общественного участия в социально-экономическом развитии региона» // Общественная палата Кемеровской области — Кузбасса. – 2018. – 25 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://орко42.ru/4115-25-10-2018-1/> (дата обращения: 21.01.2023).

⁴³¹ Краевой форум социально ориентированных некоммерческих организаций «СО-действие» в Барнауле // Информационный портал НКО Алтайского края. – 2022. – 6 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://nko.alregn.ru/photo/4263/> (дата обращения: 22.01.2023).

⁴³² В Кемерове состоялась дискуссионная площадка по взаимодействию власти и кузбассовцев, посвящённая реализации нацпроектов // БезФормата. – 2019. – 14 октября [электронный ресурс] URL: <https://kemerovo.bezformata.com/listnews/diskussionnaya-ploshadka-po-vzaimodejstviyu/78428886/> (дата обращения: 18.01.2023).

города Барнаула», 2017 г.⁴³³; «Практика общественного контроля в сфере ЖКХ» в г. Кемерово⁴³⁴, 2021 г.; «Качество оказания услуг для населения по вывозу твердых коммунальных отходов» в г. Томск, 2021 г.⁴³⁵) для общественных организаций и активистов на уровне регионов или отдельных муниципальных образований.

Участвуют Палаты и в разработке и реализации государственных целевых программ по формированию комфортной городской среды, развитию сельских территорий, поддержке гражданских инициатив и иным связанным с локальным активизмом темам, что тоже обеспечивает поддержку и установление обратной связи с гражданскими активистами. В частности, совместно с Общественной палатой Томской области в 2016 г. был запущен проект «Томские инициативы», направленный на развитие местных инициатив, улучшение качества жизни и привлечение общественности к процессу управления. Подобный проект «Система планирования и управления социальной инфраструктурой» был запущен в 2017 г. при поддержке Общественной палаты Новосибирской области.

В задачу обеспечения возможностей гражданского участия в делах местного самоуправления вовлечены и общественные организации. Из их числа можно выделить крупные межрегиональные объединения, такие как Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив» и «Ассоциация сибирских и дальневосточных городов». На региональном уровне действуют Алтайское краевое общественное движение «Согласие», АКОО «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив» (Алтайский край), «Центр развития городской среды Томской области».

В число ставящихся ими целей входит стимулирование гражданской активности и содействие участию жителей в делах местного самоуправления.

⁴³³ В Барнауле обсудили проблемы сохранения исторической части города // Катунь 24. – 2021. – 12 марта [электронный ресурс] URL: <https://katun24.ru/news/638833> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴³⁴ Информация о деятельности Общественной палаты Кемеровской области–Кузбасса во II квартале 2021 года // Общественная палата Кемеровской области– Кузбасса. Кемерово, 2021. С. 4.

⁴³⁵ Итоги работы Общественной палаты Томской области 7 состава 2020-2023// Общественная палата Томской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5306024> (дата обращения: 21.01.2023).

С этой целью реализуются проекты, направленные на вовлечение граждан в местные дела (конкурс общественных стартапов «Со мной регион успешнее», Новосибирская обл. 2020-2022 гг.⁴³⁶), наработку у них опыта участия в местном самоуправлении («Барнаульская школа гражданского самоуправления», 2013 г.,⁴³⁷ молодежный тренинг «Мастерская городских идей», Барнаул, 2017 г.⁴³⁸), тестирование новых форм взаимодействия между институтами местной власти и гражданами (онлайн-платформа для вовлечения жителей «Urbanpinion», Томск, 2021 г.,⁴³⁹ онлайн-платформы для горожан «Чего хочет город», Томск, 2021⁴⁴⁰).

Анализ общественных объединений на примере субъектов Юго-Западной Сибири показывает, что динамика гражданского активизма в них соответствует тенденциям развития данной сферы в России в целом. Нерешенность многих «повседневных» локальных проблем, низкая эффективность системы местного самоуправления, неразвитость обратной связи с государственными органами вынуждает активных граждан к поиску альтернативных вариантов их решения и стимулирует процесс институционализации гражданского общества на местах. На сегодняшний день в исследуемых регионах формируется инфраструктура, объединяющая сообщества различного масштаба и направленности и ориентированная на осуществление, прежде всего, социально значимой деятельности.

Следует выделить региональные особенности развития гражданских сообществ в исследуемых регионах. Субъектом с наибольшим уровнем развития подобных объединений, представляющих все проблемные сферы,

⁴³⁶ Конкурс общественных инициатив «Со мной регион успешнее» для инициативных групп граждан. 2021. Сибирский центр поддержки общественных инициатив [электронный ресурс] URL: <https://scisc.ru/work/konkurs-obshhestvennyh-initsiativ-so-mnoj-region-uspeshnee-dlya-initsiativnyh-grupp-grazhdan/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴³⁷ В день местного самоуправления в Барнауле заработал новый гражданский проект // Тематическое сообщество «Муниципал» – 2013. – 22 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.municipal-sd.ru/?q=node/376> (дата обращения: 21.02.2023).

⁴³⁸ Мастерская городских идей // ВКонтакте [электронный ресурс] URL: <https://vk.com/urbanideaworkshop> (дата обращения: 18.01.2023)

⁴³⁹ Тестирование онлайн-платформы для вовлечения жителей «URBANPINION» [электронный ресурс] URL: <https://sredatomsk.ru/wp-content/uploads/2021/12/testirovanie-onlajn-platformy-urbanpinion.pdf> (дата обращения: 19.01.2023)

⁴⁴⁰ Тестирование онлайн-платформы для вовлечения горожан «Чего хочет город» [электронный ресурс] URL: <https://livinglabtomsk.org/experiments/25> (дата обращения: 15.01.2023)

стала Новосибирская область, как наиболее населенный и экономически мощный регион с относительно высокой долей среднего класса. В ней же сформирована разветвленная сеть структур контроля и поддержки общественного сектора.

В Томской области и Алтайском крае также можно отметить наличие большого числа гражданских сообществ и государственно-общественных координационных структур. В то же время Алтайский край отличается значительным развитием градозащитного сектора и наличием серьезной поддержки его деятельности со стороны граждан. В Томской области следует отметить особую развитость экологического сектора, его включенность в городскую жизнь и развитость эко-инициатив.

Особая ситуация с Кемеровской областью, где длительное пребывание на посту губернатора А.Г. Тулеева и формирование автократического регионального режима, не типичного для остальных регионов, негативно отразилось на уровне гражданской самоорганизации. Долгое время общественная самоорганизация была представлена только экологическими объединениями, тесно интегрированными в региональную управленческую структуру, подобная тенденция сохранилась в Кузбассе и по настоящее время.

Рассматриваемые гражданские сообщества являются частью широкого постматериального дискурса, ставшего актуальным в последние два десятилетия и обеспечившего мобилизацию участия не только для достижения частных, но и общественных, альтруистических интересов. Сам факт наличия подобных движений как социальных акторов позволяет говорить о частичной реализации на муниципальном уровне идеи совместного управления (governance), даже при условии, что существующая институциональная среда пока не способна в полной мере воплотить в жизнь возможности данной модели.

В то же время необходимо признать, что значительная часть граждан еще не готова к коллективным, а особенно постоянным действиям по самостоятельному решению имеющихся на местном уровне социальных

проблем. Можно обозначить ограниченность социальной базы сообществ в некоторых направлениях, тем не менее следует обозначить перспективы роста числа их участников, что связано как с сохранением актуальности многих проблем местного уровня, так и с расширением возможностей для участия широких масс в самоорганизации. Значительную роль тут играет интернет, который стал серьезным инструментом гражданского активизма, предоставив среду для самоорганизации проблемных сообществ в публичном пространстве и каналы коммуникации для активистов.

Заключение

Диссертационная работа посвящена исследованию актуальных проблем гражданской активности в регионах Юго-Западной Сибири как фактора развития системы местного самоуправления.

Взаимосвязь гражданской активности и местного самоуправления обуславливается двойственностью последнего – оно является и одним из важнейших элементов политической системы любого государства, и неотъемлемым компонентом гражданского общества. Степень соотношения данных двух начал различается, и зависит от политической специфики конкретной страны и уровня развития в ней общественных структур.

Ввиду указанного дуализма местного самоуправления, можно выделить два подхода к его характеристике: государственный и общественный. В первом оно рассматривается как низовой уровень системы государственной власти, во втором – как институт гражданского общества и сфера самоорганизации граждан. В Российской Федерации модель местного самоуправления была и остается прежде всего объектом государственной политики, процесс ее формирования был тесно связан со становлением современной российской государственности.

В ходе анализа современного состояния и основных компонентов института местного самоуправления в России (институционального, структурного и функционального) было установлено, что для него характерен комплекс проблем, вызванных особенностями трансформации отечественной политической системы, социально-демографическими и экономическими характеристиками российского общества. К их числу следует отнести низкую политическую субъектность местных органов, ресурсную недостаточность, депопуляцию большинства территорий, сложность и нестабильность территориальной организации, ограниченность кадровых и человеческих ресурсов. Указанные проблемы приводят к снижению эффективности функционирования российской системы местного самоуправления.

Необходимо подчеркнуть, что одним из ключевых вопросов, требующих решения, остается недостаточный уровень вовлеченности жителей в работу местного самоуправления, низкий уровень доверия к его институтам, патерналистические ценностные установки значительной части населения. В то же время и органы власти нередко недооценивают значимость участия граждан в своей деятельности, ориентируясь на модель администрирования, а не сотрудничества с местным обществом и отстраняя его от процессов управления.

Однако данная тенденция идет вразрез с общемировой практикой общественного развития. Широкое внедрение в жизнь информационно-коммуникационных технологий и частичный переход гражданской активности в виртуальную сферу расширяют возможности и дают новые инструменты для участия индивидов в общественно-политических процессах. Одновременно усиливается тенденция децентрализации управления, возрастает роль негосударственных акторов, управленческие процессы перестраиваются от администрирования к сетевой модели, что ведет к увеличению роли граждан и их объединений в публичной политике, особенно на региональном и местном уровне.

Процессы расширения гражданского активизма свойственны и России, однако необходимо отметить присущую им специфику. В 2010-х гг. произошла переориентация вектора гражданской активности с решения политических проблем федерального масштаба на более локальные цели социального характера. Наличие целого ряда нерешенных проблем и недостаточная эффективность управления на местах стимулируют самоорганизацию жителей для решения вопросов собственного жизнеобеспечения. В это время среди части населения актуализировались «ценности самовыражения», побуждающие к общественному участию в альтруистических целях, что также стимулировало рост гражданской активности в экологической, культурной, социальной сферах.

Вышеозначенные тенденции характерны и для изучаемых регионов Юго-Западной Сибири. Система местного самоуправления в них сталкивается с такими же сложностями, как и на федеральном уровне, особенно с проблемами депопуляции и перестройки территориально-организационной структуры.

В ходе анализа сферы гражданского активизма в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской и Томской областях было установлено, что он в большей части носит социально ориентированный характер, сочетая как традиционные формы политической и социальной активности (волонтерство, благотворительность, участие в выборах, членство в общественных организациях и т.д.), так и относительно новые форматы, в значительной мере обеспеченные возможностями информационного общества. С выходом гражданского активизма «в сеть» он получил дополнительный стимул к развитию и приток новых участников.

В качестве одного из главных современных форматов активности следует назвать гражданскую самоорганизацию и создание локальных проблемных сообществ, которые формируются преимущественно в административных центрах регионов и крупных городах. Подобные объединения можно отнести к слабоинституционализированным структурам с нефиксированным членством и большой вариативностью форм организации. Несмотря на многочисленность сторонников, большинство сообществ не имеют развитой организационной структуры, формируясь вокруг либо одного основателя, либо нескольких инициаторов (помощник, заместитель, модератор интернет-сообщества и т.д.)

Рассматриваемые сообщества являются продуктом самоорганизации граждан как в силу их заинтересованности в решении определенных локальных проблем, так и в силу их потребности в самореализации в общественной сфере. Они выполняют функции выявления и решения актуальных локальных проблем, действуя в одной из общественно-значимых

проблемных областей: градозащите и урбанистике, экологии и помощи животным, гражданско-патриотической деятельности.

Крупнейшие из них представляют в основном экосферу («Зеленая белка», «Мусора.больше.нет», «Чистый мир. Томск» и т.д.), могут иметь статус общественной организации, насчитывать тысячи рядовых сторонников и иметь штат постоянных активистов. Ресурсы и общественная поддержка, которыми они располагают, позволяют им сотрудничать с зарегистрированными некоммерческими организациями и органами власти и вести постоянную деятельность в своем секторе.

Сообщества урбанистического характера («Градика – городские инициативы и проблемы», «Стрекалов. Благоустроенный Новосибирск», «Гражданский патруль») в целом менее многочисленны и редко обладают закрепленным правовым статусом. Однако в силу актуальности своей сферы для жителей они способны к ситуационной мобилизации, оказанию влияния на локальном уровне и даже могут выступать в оппозиции к местной власти и бизнесу. Гражданско-патриотическая сфера традиционно привлекает большое количество участников, но в последние годы она подверглась значительному огосударствлению и формализации, в результате чего большинство ее сообществ перестали быть формами гражданского активизма.

Также следует обозначить специфику региональной сферы гражданского активизма, связанную с социально-политическими и экономическими характеристиками исследуемых субъектов федерации. Новосибирская область, как наиболее населенный и экономически развитый регион, и имеет наиболее развитую сеть гражданских объединений, которые к тому же дополняются развитой структурой для взаимодействия и поддержки местного активизма. В Алтайском крае и Томской области самоорганизующиеся сообщества всех направлений также широко представлены, но можно отметить «перевес» объединений урбанистической направленности в первом, и экологической – во втором. В Кемеровской области возможности общественной самоорганизации были ограничены

политическим режимом А.Г Тулеева, в результате чего в настоящее время количество гражданских сообществ в Кузбассе уступает другим регионам, а большая их часть сосредоточена в экологической сфере.

На основании изучения деятельности гражданских объединений Юго-Западной Сибири можно сделать вывод, что интернет стал важным инструментом для их развития и ведения текущей деятельности, большая часть из них имеет собственные страницы в социальных сетях и мессенджерах, в первую очередь в ВКонтакте, Telegram, Instagram. В своей работе они используют традиционные (пикеты, обращения в органы власти и СМИ, проведение субботников, встреч) и виртуальные формы (онлайн-голосования, электронные петиции, блоггинг и т.д.) активности, которые взаимодополняют друг друга. Подобное сочетание дает возможность в условиях ограниченности ресурсов мобилизовать их для достижения поставленных целей, а также коммуницировать со сторонниками и привлекать новых.

Однако необходимо отметить, что количественные показатели уровня гражданского участия в исследуемых регионах не свидетельствует о массовом вовлечении населения в подобные объединения, что ограничивает их ресурсный потенциал, делая его недостаточным для самостоятельного решения большинства обозначаемых проблем. В таких условиях сообщества не могут выступать полноценными участниками местной публичной политики наравне с бизнес-структурами и органами власти, что снижает степень их автономности. Им приходится апеллировать к властям для получения необходимых средств на свою деятельность, воздействия на бизнес и решения проблемных вопросов.

Ограничивает участие гражданских объединений в процессе принятия решений на местах и неинституционализированность большинства из них, что осложняет прямой контакт с органами власти, которые не рассматривают их ни как равнозначных партнеров, ни даже как полноценных акторов политических отношений. Для продвижения своей повестки местным

активистским сообществам приходится действовать косвенными мерами, либо через влияние на общественное мнение, либо через своих сторонников в формальных институтах гражданского представительства.

В то же время институты власти на местах заинтересованы во взаимодействии со структурами гражданского активизма, но исходят из представлений о необходимости направления и регуляции их деятельности. Это позволяет им решить сразу несколько задач – контролировать и «перехватывать» актуальную проблемную повестку, снять часть социальной нагрузки с муниципалитетов, получить дополнительные возможности воздействия на общество и рычаги давления на бизнес. Для этих целей в исследуемых регионах существует развитая система институтов, тесно интегрированная в административно-властные структуры. В нее включаются сервисы инициативного бюджетирования, ресурсные и координационные центры по содействию гражданской активности, советы муниципальных образований и иные консультативные структуры при органах государственной власти и местного самоуправления. Подобную функцию выполняют региональные и местные (при наличии) общественные палаты.

Активистам предлагается встраиваться в обозначенные рамки в обмен на финансовую, организационную и иную поддержку своих проектов при условии, что они не ставят целью противодействие властям и не претендуют на перераспределение властных полномочий в свою пользу. Большинство объединений принимают данные «правила игры», подчеркнуто дистанцируясь от участия в политических процессах и декларируя социальный характер своей деятельности.

Ввиду ограниченности социальной и ресурсной базы они либо ставят перед собой сугубо локальные, конкретные задачи, либо работают во взаимодействии с институтами власти для разрешения значимых общественных проблем. Это ставит их в зависимое положение от государственно-политических структур, ограничивает возможность общественного влияния на текущую деятельность органов местной власти и самоуправления. Как следствие, фактор

гражданского активизма в современных условиях не играет решающей роли при определении траектории развития систем местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири.

Тем не менее нельзя считать, что местные гражданские сообщества не вовлечены в публичную политику на местном уровне. Развитие тенденции на дальнейшую интеграцию системы местного самоуправления в общую структуру власти в Российской Федерации, обозначенной в проекте нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» чревато углублением разрыва между населением и органами местного самоуправления. В связи с этим будет возрастать необходимость формирования институтов самоорганизации на местах, направленных на разрешение локальных проблем и защиту интересов местных жителей, что еще более актуализирует новые исследования тематики диссертации.

Список использованных источников и литературы

1. НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ.

1.1 Городовое положение. Выс. утв. 16 июня 1870 г. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/713284> (дата обращения: 16.09.2022).

1.2 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2022).

1.3 О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О статусе и границах муниципальных образований»: закон Кемеровской области от 28.06.2019 № 42-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561450466> (дата обращения: 12.09.2022).

1.4 О введении волостного земского самоуправления: постановление Временного Правительства от 21.05.1917 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/438242> (дата обращения: 18.09.2022).

1.5 О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: федер. закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 08.09.2022).

1.6 О статусе и границах муниципальных и административно-территориальных образований Змеиногорского района Алтайского края: закон Алтайского края от 27.11.2008 № 112-ЗС // Электронный фонд «Кодекс».

[Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819075299> (дата обращения: 08.02.2023).

1.7 О местном самоуправлении в Российской Федерации: закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/ (дата обращения: 18.09.2022).

1.8 О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края: закон Алтайского края от 27.11.2014 года № 92-ЗС // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/423862484> (дата обращения: 14.09.2022).

1.9 О преобразовании муниципального и административно-территориального образования город Камень-на-Оби Алтайского края: закон Алтайского края от 02.09.2015 № 70-ЗС // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/430541504> (дата обращения: 09.02.2023).

1.10 О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав территории Новокузнецкого муниципального района...: закон Кемеровской области от 29.11.2013 № 220 // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465200451> (дата обращения: 10.02.2023).

1.11 О преобразовании сельских поселений Сибирцевский 2-й сельсовет, Новокуликовский сельсовет и Филошенский сельсовет Венгеровского района Новосибирской области путем их объединения и внесении изменений в отдельные законы Новосибирской области: закон Новосибирской области от 08.05.2020 № 472-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465736896> (дата обращения: 14.02.2023).

1.12 Об административно-территориальном устройстве Томской области: закон Томской области от 22.12.2009 № 271-ОЗ (с изменениями на

13.04.2016) // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/951832361> (дата обращения: 14.09.2022).

1.13 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/ (дата обращения: 18.09.2022).

1.14 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 08.09.2022).

1.15 Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: законопроект № 40361-8 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 08.09.2022).

1.16 Об отдельных вопросах организации и деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований: закон Кемеровской области от 13.11.2014 года № 94-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/423863404> (дата обращения: 14.09.2022).

1.17 Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Томской области: закон Томской области от 17.11.2014 № 151-ОЗ // Электронный фонд «Кодекс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/467916939> (дата обращения: 14.09.2022).

1.18 Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prilib.ru/item/438005> (дата обращения: 16.09.2022).

2. ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

2.1 Административно-территориальное устройство Алтайского края // Официальный сайт Алтайского края. [Электронный ресурс]. – URL: <https://altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/Administrativno-territorialnoe-ustroistvo-Altaiskogo-kraia/> (дата обращения: 13.02.2023).

2.2 Аналитический обзор «О тенденциях развития некоммерческого сектора в кемеровской области» // Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив». – Кемерово, 2018. 47 с.

2.3 Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) / Под ред. Ю.С. Любимова. – М.: Министерство юстиции РФ, 2020. – 184 с.

2.4 Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год / Министерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Monitoring_MSU_Minysta_RF_za_2020_god.pdf (Дата обращения 12.09.2022).

2.5 Доклад о состоянии местного самоуправления в Алтайском крае в 2021 году // Совет муниципальных образований Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://смоалтайскогокрая.рф/councilactivity> (дата обращения: 18.01.2023).

2.6 Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации // Всероссийская Ассоциация развития местного самоуправления. – М., 2021. – 306 с.

2.7 Доклад о состоянии местного самоуправления и развитии муниципальных образований в Новосибирской области. 2017 г. // Совет муниципальных образований Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL:

http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/08/Doklad_msu_Novosibirsk_2017.pdf
(дата обращения: 17.02.2023).

2.8 Доклад «О состоянии гражданского общества в Алтайском крае» 19.03.2020 // Общественная Палата Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://opak.alregn.ru/activity/reports/> (дата обращения: 17.02.2023).

2.9 Ежегодный доклад Общественной палаты Новосибирской области о состоянии гражданского общества в Новосибирской области за 2020 год. 13.01.2021 // Общественная палата Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://op.nso.ru/page/6448> (дата обращения: 14.02.2023).

2.10 Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2015 г. – начало 2016 г.) // Министерство юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42812/> (дата обращения 19.09.2022).

2.11 Информация Министерства юстиции РФ (извлечение из доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс] – URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA.pdf (дата обращения 22.09.2022).

2.12 Информация о деятельности Общественной палаты Кемеровской области–Кузбасса во II квартале 2021 года // Общественная палата Кемеровской области–Кузбасса. – Кемерово, 2021. – 9 с.

2.13 Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год //

Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/?id_57=133645-informatsiya_o_rezultatakh_provedeniya_monitoringa_-ispolneniya_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_sube (дата обращения 12.09.2022).

2.14 Инициативное бюджетирование. 2018 // Департамент финансов Томской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://depfin.tomsk.gov.ru/initsiativnoe-bjudzhetirovanie> дата обращения: 15.01.2023).

2.15 Итоги работы Общественной палаты Томской области 7 состава 2020-2023 // Общественная палата Томской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5306024> (дата обращения: 21.01.2023).

2.16 Конкурс общественных инициатив «Со мной регион успешнее» для инициативных групп граждан. 2021 // Сибирский центр поддержки общественных инициатив [Электронный ресурс]. – URL: <https://scisc.ru/work/konkurs-obshhestvennyh-initsiativ-so-mnoj-region-uspeshnee-dlya-initsiativnyh-grupp-grazhdan/> (дата обращения: 15.01.2023).

2.17 Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). Информационный обзор / Сост. В.А. Коптюг [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptyug/ideas/unrio92/unrio92.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

2.18 Материалы к заседанию на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления» // Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. – М., 2022. – [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAP0o0U2nVGBwYjx6dRDc3cQmcYQMVoy.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

2.19 По зову сердца: что делают волонтеры Алтайского края // Информационный портал НКО Алтайского края –[Электронный ресурс] URL: <https://nko.alregn.ru/news/po-zovu-serdtsa-chto-delayut-volontery-altayskogo-kraya/> (дата обращения: 16.03.2023).

2.20 Программа инициативного бюджетирования города Барнаула // Barnaul.org [Электронный ресурс]. – URL: https://barnaul.org/news/special_projects/iniatsivnoe-byudzhetrovanie/ (дата обращения: 15.01.2023).

2.21 Предлагай – поддержим! Проект поддержки местных инициатив в Алтайском крае [Электронный ресурс]. – URL: <https://алтайпредлагай.рф> (дата обращения: 21.01.2023).

2.22 Реализация на территории Новосибирской области инициативных проектов // Министерство финансов и налоговой политики Новосибирской области [Электронный ресурс] URL: https://mfnsnso.nso.ru/sites/mfnsnso.nso.ru/wodby_files/files/news/2021/08/prezentaciya.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

2.23 Ресурсные центры Новосибирской области. 13.09.2022 // Портал информационной поддержки СО НКО и развития гражданских инициатив Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://nko.nso.ru/page/159> (дата обращения: 20.02.2023).

2.24 Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года. 13.05.2021 // ОАТОС Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: http://tos04.ru/wp-content/uploads/2022/12/Стратегия-развития-ТОС-в-Российской-Федерации-до_2030-9.03.2021.pdf (дата обращения: 29.01.2023)

2.25 Твой Кузбасс – твоя инициатива. 2021 // Министерство финансов Кузбасса. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ofukem.ru/activity/initiative-budgeting/about-the-projects/> (дата обращения: 19.01.2023).

3. СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

3.1. Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года. Архивная копия от 13 сентября 2022 // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-11_VPN-2020.xlsx (дата обращения 12.11.2022).

3.2. Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы. 2008 // Агентство социальной информации ЦИРКОН [Электронный ресурс]. – URL: http://opuo.ru/wp-content/uploads/drupal/nko_doc/obshchestvennaya_podderzhka_nko_v_regionah_problemy_i_perspektivy.pdf (дата обращения: 23.02.2023)

3.3. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов – райцентров и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более // Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls (дата обращения: 21.01.2023).

3.4. Численность населения по полу по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_RF_01-01-2022_VPN-2020.xls (дата обращения: 21.01.2023).

3.5. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL:

<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-adm-2022.xlsx> (дата обращения 12.09.2022).

3.6. Число муниципальных образований по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения 12.09.2022).

4. ДАННЫЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

4.1. Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Март 2014 // Материалы социологического опроса Института социологии РАН в сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014(1).pdf) (дата обращения: 20.02.2023).

4.2. Гражданская активность: Пресс-выпуск от 07.07.2022 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/> (дата обращения 30.01.2023).

4.3. Гражданская активность: Пресс-выпуск от 13.10.2021 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3/> (дата обращения 30.01.2023).

4.4. Гражданская активность и общественные проблемы: Пресс-выпуск от 27.04.2020 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshhestvennye-problemy/> (дата обращения 30.01.2023).

4.5. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. Институт социологии РАН / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – Москва: Весь мир, 2011. – 325 с.

4.6. Доверие институтам: Пресс-выпуск от 21.09.2020 г. // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 14.11.2022).

4.7. Россияне о выборах мэра: Пресс-выпуск от 19.05.2014 г. // Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/19-05-2014/rossiyane-o-vyborakh-mera> (дата обращения: 21.08.2022).

4.8. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг: Пресс-выпуск от 02.08.2011 г. // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 21.02.2023)

4.9. Социальные сети в России. Пресс-выпуск от 23.02.2021 г. // Левада-Центр. [электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/> (дата обращения 27.12.2022).

4.10. Социодиггер. Выпуск 3(8): Гражданский активизм. Ежегодник ВЦИОМ. Март 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_032021.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

5. МАТЕРИАЛЫ СМИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ

5.1. Бийские справедливороссы собирают подписи за возврат прямых выборов мэра // АиФ-Алтай. – 2020. – 17 ноября [Электронный ресурс]. – URL: https://altai.aif.ru/company/biyskie_spravedlivorossy_sobirayut_podpisi_za_vozvrat_pryamyh_vyborov_mera (дата обращения: 22.01.2023).

5.2. Более четырех тысяч бийчан выразили недоверие властям города и потребовали вернуть выборы мэра // ИА БанкФакс. – 2013. – 1 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bankfax.ru/news/87622/> (дата обращения: 22.01.2023).

5.3. В Барнауле обсудили проблемы сохранения исторической части города // Катунь 24. – 2021. – 12 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://katun24.ru/news/638833> (дата обращения: 15.01.2023).

5.4. В воскресенье в Кемеровской области прошли референдумы по вопросу объединения в единое муниципальное образование г. Топки и Топкинского района, а также г. Мариинск и Мариинского района // Администрация Правительства Кузбасса. Официальный сайт. – 2002. – 01 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://ako.ru/news/detail/old-48139> (дата обращения: 11.02.2023).

5.5. В день местного самоуправления в Барнауле заработал новый гражданский проект // Тематическое сообщество «Муниципал» – 2013. – 22 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.municipal-sd.ru/?q=node/376> (дата обращения: 21.02.2023).

5.6. В Кемерове состоялась дискуссионная площадка по взаимодействию власти и кузбассовцев, посвящённая реализации нацпроектов // BeZФормата. – 2019. – 14 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://kemerovo.bezformata.com/listnews/diskussionnaya-ploshadka-po-vzaimodejstviyu/78428886/> (дата обращения: 22.01.2023).

5.7. В Томской области насчитывается 40 тысяч волонтеров. // TOMSK.KP.RU. – 2022. – 5 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/5041295/> (дата обращения: 12.01.2023)

5.8. Выборы мэров Кемерово и Новокузнецка отменили по-тихому // ИД Коммерсантъ. – 2019. – 7 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875861> (дата обращения: 14.01.2023).

5.9. Гордума Барнаула отменила выборы мэра // ИД Коммерсантъ. – 2010. – 1 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1532548> (дата обращения: 16.01.2023).

5.10. Город-пень. Барнаульцы объяснили, почему они против застройки площади Сахарова и как быть дальше // Сетевое издание ТОЛК. – 2021. – 16 февраля [электронный ресурс] URL: <https://tolknews.ru/politsib/113660->

barnaulcy-obasnili-pocemu-oni-protiv-zastrojki-plosadi-saharova-i-kak-byt-dalse
(дата обращения: 15.02.2023).

5.11. Жители Нижней Ельцовки вышли на акцию протеста против застройки леса // Информационный портал Сибкрай.ru. – 2022. – 21 августа [электронный ресурс] URL: <https://sibkray.ru/news/1/960296/> (дата обращения: 15.01.2023).

5.12. Кемеровская региональная общественная организация «Ресурсный центр поддержки общественных инициатив» при поддержке Общественной палаты Кемеровской области провела Межрегиональную конференцию «Актуализация форм общественного участия в социально-экономическом развитии региона» // Общественная палата Кемеровской области — Кузбасса. – 2018. – 25 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://орко42.ru/4115-25-10-2018-1/> (дата обращения: 21.01.2023).

5.13. Краевой форум социально ориентированных некоммерческих организаций «СО-действие» в Барнауле // Информационный портал НКО Алтайского края. – 2022. – 6 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://nko.alregn.ru/photo/4263/> (дата обращения: 22.01.2023).

5.14. Мастерская городских идей // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/urbanideaworkshop> (дата обращения: 18.01.2023).

5.15. По зову сердца: что делают волонтеры Алтайского края. // Информационный портал НКО Алтайского края. – 2021. – 8 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://nko.alregn.ru/news/po-zovu-serdtsa-chno-delayut-volontery-altayskogo-kraya/>

5.16. Почти вдвое увеличилось количество добровольцев в регионе за пять лет // Правительство Новосибирской области. – 2023. – 6 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nso.ru/news/58233> (дата обращения: 15.03.2023)

5.17. Ресурсные центры, ТОС, инновации: новосибирские НКО поделились опытом развития. // Агентство социальной информации. – 2018. – 18 июня. [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.asi.org.ru/news/2018/06/18/resursnyetsent/> (дата обращения: 12.01.2023).

5.18. Самим не управиться // ИД Коммерсант. – 2014. – 18 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2639772#:~:text=«У%20муниципалитетов%20по%20степенно%20отбираются%20все,руках»%2C%20—%20считает%20господин%20Кынев> (дата обращения: 30.12.2022).

5.19. Славгород решил превратиться из города в округ для больших доходов // Сетевое издание ТОЛК. – 2021. – 28 декабря. [Электронный ресурс] URL: <https://tolknews.ru/politika/68526-pochemu-slavgorod-prevratitsya-iz-goroda-v-munitsipalniy-okrug> (дата обращения: 12.02.2023).

5.20. Сторонники «Единой России» запустили в Кемерово «Центр поддержки гражданских инициатив». // Единая Россия. Официальный сайт. – 2018. – 27 сентября [Электронный ресурс]. – URL: <https://er.ru/activity/news/storonniki-edinoj-rossii-zapustili-v-kemerovo-centr-podderzhki-grazhdanskih-iniciativ> (дата обращения: 18.11.2022).

5.21. «Территория идей»: 247 инициативных проектов муниципальных образований региона будут реализованы на средства господдержки. // Правительство Новосибирской области. – 2022. – 27 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nso.ru/news/55552> (дата обращения: 19.01.2023).

5.22. Тестирование онлайн-платформы для вовлечения горожан «Чего хочет город». 14.09.2021–23.04.2023 // Живая лаборатория Томска [Электронный ресурс]. – URL: <https://livinglabtomsk.org/experiments/25> (дата обращения: 15.01.2023).

5.23. Тестирование онлайн-платформы для вовлечения жителей «Urbanpinion». 19.10.2021-12.12.2021 // Эксперимент Живой лаборатории [Электронный ресурс]. – URL: <https://sredatomsk.ru/wp-content/uploads/2021/12/testirovanie-onlajn-platformy-urbanpinion.pdf> (дата обращения: 19.01.2023)/

5.24. Форум «Сообщество», организованный Общественной палатой РФ, стартует в Томске. // ТАСС. – 2018. – 20 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5306024> (дата обращения: 21.01.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, М.О. Отношение населения Томской области к общественным организациям как маркер гражданского общества / М.О. Абрамова, Е.В. Сухушина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 1(29). – С. 5–15.
2. Агибалов, Ю.В. О реформе местного самоуправления и снижении рейтинга депутатов представительных органов МСУ / Ю.В. Агибалов // Регион: системы, экономика, управление. – 2019. – № 4 (47). – С. 217–224.
3. Акимова, В.В. Устойчивое развитие города и индикаторы для его измерения в целях стратегического планирования / В.В. Акимова, А.А. Волошинская / Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 93. – С. 207–223.
4. Аносов, С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России / С.С. Аносов // Социология. – 2020. – № 4. – С. 4–21.
5. Антипов, К.А. Муниципальная власть и местные сообщества: особенности взаимодействий (к постановке из проблемы социологического исследования) / К.А. Антипов, Е.А. Лазукова, Г.В. Разинский // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 118–129.
6. Антипов, К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ / К.А. Антипов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 2. – С. 22–31.
7. Арланова, О.И. Местные бюджеты: проблемы формирования / О.И. Арланова, Н.З. Зотиков, М.В. Львова // Вестник Евразийской науки. –

2019. – №5. [Электронный ресурс] URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN519.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

8. Асеев, С.Ю. Активность молодежных политических организаций как фактор регионального политического процесса (на примере Алтайского края) / С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 87-93.

9. Афанасьева, Е.Е. Проблемы формирования доходов местных бюджетов в условиях централизации финансовых ресурсов / Е.Е. Афанасьева // Вестник Евразийской науки. – 2018. – №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/62ECVN318.pdf> (дата обращения 12.09.2022).

10. Бабун, Р.В. О современном состоянии местного самоуправления в России / Р.В. Бабун // Местное право. – 2016. – №6. – С. 9–18.

11. Баджо, Р. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер / Р. Баджо, М.Ю. Шерешева // Вестник Московского университета. Серия 6:экономика. – 2014. – №2. – С. 3–21.

12. Башева, О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации / О.А. Башева // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 41–57.

13. Безвиконная, Е.В. Муниципальная власть как актор социально-политического взаимодействия с территориальным общественным самоуправлением (на материалах практик городских округов) / Е.В. Безвиконная // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 3 (15). – С. 435–444.

14. Безобразов, В.П. Управление, самоуправление и судебная власть. Статьи. 2014. – 760 с.

15. Бейдина, Т.Е. Общественная самоорганизация населения как одна из форм гражданского общества / Т.Е. Бейдина, М.И. Титова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 31–36.

16. Благов, Ю.В. Местное самоуправление в системе публичной власти: теоретический аспект / Ю.В. Благов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 85–92.
17. Благов, Ю.В. Укрупнение муниципальных образований в новейшее время / Ю.В. Благов // Правоприменение – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 117-124.
18. Бойко, Н.С. Историко-теоретическое обоснование двойственности природы местного управления / Н.С. Бойко // Вестник московского университета МВД России. – 2011. – №8. – С. 114–116.
19. Бондарь, Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н.С. Бондарь. – М., 2008. – 592 с.
20. Боронникова, Е.В. Некоммерческие организации как социальный институт / Е.В. Боронникова, Л.А. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – Т. 7. – № 1. – С. 68–72.
21. Бродовская, Е.В. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала / Е.В. Бродовская, Р.В. Пырма, А.Ю. Домбровская // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10. – № 6. – С. 39–48.
22. Бронников, И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах / И.А. Бронников // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7–18.
23. Бронников, И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии / И.А. Бронников // PolitBook. – 2019. – № 2. – С. 6–24.
24. Бронников, И.А. Электронная демократия: тенденции и проблемы / И.А. Бронников // Вестник университета. – 2014. – № 7. – С. 11–16.

25. Будаева, Ц.Б. Теоретические концепции местного самоуправления / Ц.Б. Будаева, А.А. Дугарова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2012. – №2. – С. 138–144.
26. Бунеева, Р.И. Теоретические аспекты развития некоммерческих организаций (на примере организаций потребительской кооперации): Монография / Р.И. Бунеева. – М.: Изд-во ЭФ МГУ, 2010. – 103 с.
27. Бутырина, М.В. Местное самоуправление – основа формирования гражданского общества / М.В. Бутырина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2010. – №1. – С.44–48.
28. Бухвальд, Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России / Е.М. Бухвальд // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 125–135.
29. Бызов, Л.Г. Представления россиян о местном самоуправлении / Л.Г. Бызов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 1(89). – С. 4–25.
30. Бычкова, Е.А. Муниципальное правотворчество: проблемы и пути их преодоления / Е.А. Бычкова, А.Д. Магденко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: право. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 80-83.
31. Василенок, Н.А. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики / Н.А. Василенок, Л.И. Полищук, И.Л. Шагалов // Общественные науки и современность. – 2019. – № 2. – С. 35–53.
32. Васильев, В.И. Местное самоуправление: конституционные идеи и практика / В.И. Васильев // Журнал российского права. – 2013. – №9. – С. 5-17.
33. Васильев, В.И. Организационно-правовые проблемы местного самоуправления / В.И. Васильев // Журнал российского права. – 2008. – № 11 (143). – С. 29-40.
34. Васильева, Е.И. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах / Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова, А.С. Никитина // Вопросы управления. – 2021. – № 6(73). – С. 67–80.

35. Васильева, Е.И. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи / Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова, А.С. Никитина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5(68). – С. 56–64.
36. Васильева, Е.И. Состояние и проблемы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении: экспертный анализ / Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова, А.С. Никитина // Муниципалитет: экономика и управление. – 2021. – № 1(34). – С. 66–75.
37. Васильева, Е.И. Проблемы развития местного самоуправления / Е.И. Васильева, О.Ю. Гусельникова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2018. – № 4 (25). – С. 26–32.
38. Васильчиков, А.И. Русское самоуправление / Сост., предисл., примеч. А.Д. Каплина. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 960 с.
39. Велихов, Л.А. Основы городского хозяйства / Л.А. Велихов. – М.: Наука, 1996. – 480 с.
40. Войтович, В.Ю. Местное самоуправление: сущность и значение / В.Ю. Войтович, И.А. Мухина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – Т. 26. – № 6. – С. 124-128.
41. Волков, Д. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет / Д. Волков, С. Гончаров, М. Снеговая // Левада-Центр [Электронный ресурс]. – URL: https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf (дата обращения: 21.01.2023)
42. Волков, Л. Облачная демократия. Изд. 2-е. / Л. Волков, Ф. Крашенинников. – М., Екатеринбург, 2013. – 240 с.
43. Волкова, Н.В. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества / Н.В. Волкова, Л.А. Гусева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 59–72.
44. Волкова, Т.И. Финансовое обеспечение земских органов самоуправления в России / Т.И. Волкова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 63 с.

45. Володенков, С.В. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 97–118.

46. Воробьев, А.П. Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении / А.П. Воробьев, М.В. Константинова, М.С. Еременко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 162–171.

47. Воронкова, О.А. Интернет-активность и гражданское сознание / О.А. Воронкова // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим. – 2017. – С. 192–208.

48. Воропанов, В.А. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) / В.А. Воропанов, О.А. Бурянина, Т. Н. Бушуева // Социум и власть. – 2022. – № 3(93). – С. 46–55.

49. Ворошилов, Н.В. Проблемы финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований России / Н.В. Ворошилов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 77–90.

50. Ворошилов, Н.В. Реформа местного самоуправления: тенденции и перспективы / Н.В. Ворошилов // Бюджет. – 2020. – № 12. – С. 94–96.

51. Выдрин, И.В. Местное самоуправление в России: от идеи к практике / И.В. Выдрин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 75–80.

52. Гамидов, С.С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России / С.С. Гамидов // Управление. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 5–10.

53. Гарт, Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарт; пер. В. Анурина. – СПб.: Питер, 2005. – 461с.

54. Гельман, В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти / В.Я. Гельман // PRO ET CONTRA. – 2007. – Т. 11. – № 1. – С. 6–18.
55. Гельман, В.Я. Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия / В.Я. Гельман // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 6(67). – С. 143–152.
56. Герасимова, Г.И. Теоретические подходы к исследованию гражданской активности молодежи / Г.И. Герасимова, О.В. Швецова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 10. – С. 15–18.
57. Герасимова, О.Ю. Сетевая социальная морфология гражданского общества / О.Ю. Герасимова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2015. – № 3(143). – С. 117–121.
58. Гладарев, Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011-2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии / Б.С. Гладарев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 4(110). – С. 29–43.
59. Глухова, А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) / А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 44–65.
60. Глухова, А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты / А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 185–209.
61. Глухова, А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 239–252.
62. Гнедаш, А.А. Теоретическая модель «Сетевой локальной политики»: имплементация и анализ органов местного самоуправления и локальных online-сообществ / А.А. Гнедаш, Н.А. Рябченко //

Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 112. – С. 358–367.

63. Гоголева, Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления / Е.Н. Гоголева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 126-135.

64. Головацкий, Е.В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса / Е.В. Головацкий, Н.В. Нятина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 300–309.

65. Головин, Ю.А. Практика взаимодействия населения с общественными организациями как институциональная форма проявления гражданской активности на региональном уровне / Ю.А. Головин, Я.В. Барский, А.В. Шумилов // PolitBook. – 2020. – № 4. – С. 44–58.

66. Головин, Ю.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России / Ю.А. Головин, А.А. Фролов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С. 195–198.

67. Голубева, Т.Г. Местные сообщества в контексте перспективной модели местного самоуправления / Т.Г. Голубева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 70–76.

68. Горбатюк, Е.С. Основные теории местного самоуправления: Аналитический обзор / Е.С. Горбатюк // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2015. – №1. – С.86–93.

69. Градовский, А.Д. Системы местного управления на западе Европы и в России / А.Д. Градовский. – СПб.: типография В. Безобразова и К., 1878. – 122 с.

70. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе / С.Г. Максимова,

Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина, О.В. Суртаева // *Society and Security Insights*. – 2019. – Т. 2. – № 3. – С. 13–50.

71. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В.В. Петухов, Р.Э. Бараш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов // *Власть*. – 2014. – № 9. – С. 11–19.

72. Грибанова, В.А. Формирование гражданской активности студенческой молодежи в воспитательной работе вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.А. Грибанова. – Волгоград, 2016. – 22 с.

73. Гукова, И.Н. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами власти в сфере государственной социальной политики / И.Н. Гукова // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. – 2009. – № 15(70). – С. 194–201.

74. Дворядкина, Е.Б. Территориальные и правовые аспекты реформирования местного самоуправления в Российской Федерации / Е.Б. Дворядкина, А.Ю. Титовец // *Управление экономическими системами*. – 2017. – № 7 (101). – С. 1–14.

75. Демакова, К.В. Неполитический активизм в России / К.В. Демакова, С. Маковецкая, Е. Скрыкова // *Pro et Contra*. – 2014. – № 3–4. – С. 148–163.

76. Демушина, О.Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества / О.Н. Демушина // *Карельский научный журнал*. – 2015. – № 1(10). – С. 114–117.

77. Джагарян, А.А. Местное самоуправление: локализация или универсализация? ответ на статью А. Ларичева / А.А. Джагарян // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2019. – №3. – С. 98–107.

78. Друкер, П. Управление в обществе будущего / П. Друкер; пер. и ред. Е.В. Трибушной. – М, 2007. – 306 с.

79. Дугарова, А.А. Местное самоуправление в политической системе общества / А.А. Дугарова // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012. – №2. – С. 97–101.

80. Еллинек, Г. Общее учение о государстве, право современного государства / Г. Еллинек. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 752 с.

81. Желнина, А.А. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России / А.А. Желнина, Е.В. Тыканова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 162–192.

82. Завражин, В.Н. Местное самоуправление в системе современной демократии / В.Н. Завражин // Записки Горного института. – 2005. – Т. 163. – С. 230-232.

83. Задорин, И.В. Гражданское участие в России: картография проблем и решений / И.В. Задорин, Д.Г. Зайцев, И.А. Климов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2011. – № 1(60). – С. 98–116.

84. Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 250–253.

85. Зубарев, С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления / С.М. Зубарев // Lex Russica. – 2018. – №12. – С. 83–89.

86. Иванов, В.Н. Местное самоуправление на Урале (1994–2001 гг.) / В.Н. Иванов – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. – 190 с.

87. Игумнов, Е.Г. Правовые аспекты института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ / Е.Г. Игумнов // Местное право. – 2015. – № 6. – С. 23–36.

88. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

89. Ирхин, Ю.В. «Электронное правительство»: зарубежный опыт и российские реалии / Ю.В. Ирхин // *Ars Administrandi*. – 2009. – № 1. – С. 13–27.
90. Казанцев, Д.А. «Как маршировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа / Д.А. Казанцев, Д.А. Качусов, Я.Ю. Шашкова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 586-604.
91. Камилова, Д.В. Проблемы развития правовой основы местного самоуправления в Российской Федерации / Д.В. Камилова // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета* – 2018. – Т. 28. – №4. – С. 70-75.
92. Карасев, А.Т. Система местного самоуправления в РФ: понятие, структура / А.Т. Карасев, А.В. Елькина // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2012. – №1. – С. 145–148.
93. Карасев, А.Т. Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти / А.Т. Карасев, К.И. Коваленко // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2019. – № 1. – С. 73–76.
94. Кастельс, М. Россия и сетевое сообщество / М. Кастельс, Э. Киселева // *Мир России*. – 2000. – Т. 9. – № 1. – С. 23–51.
95. Качусов, Д.А. Динамика системы местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири: территориально-организационный аспект / Д.А. Качусов // *Развитие территорий*. – 2023. – № 1. – С. 49–56.
96. Качусов, Д.А. Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири / Д.А. Качусов, Я.Ю. Шашкова // *Вестник Института социологии*. – 2022. Том 13. – № 2. – С. 48–64.
97. Качусов, Д.А. Потенциал политической субъектности учащейся молодежи СФО и ДФО / Д.А. Качусов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2022. – № 2 (71). – С. 73–80.

98. Качусов, Д.А. Состояние общественных движений градозащитной проблематики (на примере г. Барнаула) / Д.А. Качусов // Социодинамика. – 2020. – № 6. – С.33–41.
99. Качусов, Д.А. Состояние сетевых общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири / Д.А. Качусов, Я.Ю. Шашкова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 66. – С. 211–221.
100. Кийков, А.В. Социальный капитал городского поселения как ресурс местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. соц. наук / А.В. Кийков – М., 2011. – 19 с.
101. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин; пер. Д. Кралечкина; под ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
102. Клеман, К. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России / К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов – М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.
103. Клягина, А.А. Гражданская активность россиян в условиях современного политического процесса: авторефер. дис. ... канд. полит. наук / А.А. Клягина. – Ставрополь, 2012. – 22 с.
104. Ковин, В.С. Политическая депопуляция муниципальной периферии: политические и электоральные последствия объединения муниципалитетов на примере пермского края / В.С. Ковин // Ars Administrandi. – 2022. – Т. 14. – № 1. – С. 122–149.
105. Кожевников, О.А. Отдельные вопросы правового и организационного обеспечения местного самоуправления на современном этапе / О.А. Кожевников // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 3 (105). – С. 62–68.
106. Колесников, А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти / А.В. Колесников // Образование и право. – 2020. – №7. – С. 44–49.

107. Колодина, Е.А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России / Е.А. Колодина // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 162–170.

108. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Том 2. Введение и общая часть. Издание 6-е / Н.М. Коркунов; под ред. М.Б. Горенберга. СПб., 1909. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/97/2.html#img3> (дата обращения 27.05.2022).

109. Коршунова, Д.А. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях как одна из форм медиации в культурном пространстве города / Д.А. Коршунова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7. – № 1А. – С. 199–207.

110. Косенкова, Ю.Л. Город как коллективное жилище: миссия профессора М.Д. Загряцкова. 1930-е годы / Ю.Л. Косенкова // Academia. Архитектура и строительство. – 2020. – № 4. – С. 40–49.

111. Костюков, А.Н. Конституционность муниципальной реформы / А.Н. Костюков, Ю.В. Благов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №6. – С. 62-65.

112. Кочетков, А.П. Гражданский контроль – важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России / А.П. Кочетков // Политическая наука. – 2017. – № 5. – С. 107-123.

113. Кочетков, А.П. Роль цифрового правительства в повышении эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в современной России / А.П. Кочетков // PolitBook. – 2020. – № 2. – С. 6-23.

114. Круглов, М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации / М.С. Круглов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 233–236.

115. Кузин, К. Функционирование локальных сообществ в мегаполисе. НИМ «Интересы и потребности локальных сообществ». / К. Кузин. – М.: МГСУ, 2009. [Электронный ресурс]. URL:

<https://euis.mgsu.ru/organizations/RealizDogovorov/realizatsiya-2009/2009-4-polnye/11.4.1.14-potr-lokalnih-soobchestv-polnaya.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).

116. Кулаев, А.П. Полномочия муниципальных органов управления – инструмент экономического развития территории / А.П. Кулаев // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2014. – №9. – С. 49-64.

117. Курбатов, В.И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления / В.И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 15–27.

118. Курочкин, А.В. Сетевые формы регионального и местного управления: опыт современной Финляндии / А.В. Курочкин // ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления). – 2011. – №1. – С.105-112.

119. Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Конституционное право. Т. I. – СПб.: Типография акционерного общ-ва «Слово», 1908. – 519 с.

120. Лапин, В.А. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 14–24.

121. Ларичев, А.А. Локальные сообщества в городах как субъект контроля за решением вопросов местного значения / А.А. Ларичев // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 100-107.

122. Ларичев, А.А. Специфика корпоративной модели местного самоуправления и дивергенция современных подходов к самоуправлению на местах в странах Содружества наций / А.А. Ларичев // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – №4. – С. 86-97.

123. Ларичев, А.А. Дуалистическая модель и «разумная централизация» как факторы эффективного функционирования местного самоуправления в системе публичной власти российской федерации / А.А. Ларичев, Л.Т. Чихладзе // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т.24. – №2. – С.233-251.

124. Левкина, Л.И. Потенциал влияния местных и самоорганизующихся сообществ на социально-экономическое развитие территорий / Л.И. Левкина // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – №4. – С. 322-328.

125. Леньков, Д.А. Концепт гражданского общества и опыт его адаптации к российским условиям: традиции и инновации / Д.А. Леньков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 183–188.

126. Логинова, Л.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация / Л.В. Логинова, В.В. Щербланова // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 98–108.

127. Лубский, А.В. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса / А.В. Лубский, Д.А. Мамина // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 7. – С. 69–78.

128. Лыска, А.Г. Концепция строительства местного сообщества: предпосылки формирования и основные положения / А.Г. Лыска // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 1. – С. 193-205.

129. Лютфалиев, Р.Т. Правовое регулирование городского самоуправления в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. Наук. – М., 2006. – 204 с.

130. Майкова, Э.Ю. Дуалистическая теория местного самоуправления: условия возникновения и основные черты / Э.Ю. Майкова, Е.В. Симонова // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования –2016. – № 16. – С. 214-220.

131. Майкова, Э.Ю. Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития / Э.Ю. Майкова, Е.В. Симонова // Власть. – 2019. – № 5. – С. 19-27.

132. Максимова, С.Г. Показатели развития гражданского общества в приграничных регионах Российской Федерации / С.Г. Максимова, А.Г. Морковкина // Социодинамика. – 2017. – № 4. – С. 25–37.

133. Максимова, С.Г. Характеристика гражданского общества в Алтайском крае / С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2017. – № 9(155). – С. 190–196.

134. Малявкина, Н.В. Исторический опыт формирования и становления органов местного самоуправления в России / Н.В. Малявкина, А.В. Сизов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 2(28). – С. 18-26.

135. Малявкина, Н.В. Модели организации муниципального управления в условиях изменения федерального законодательства в 2013-2015 гг. / Н.В. Малявкина, М.Г. Фомина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – №1 (19). – С. 23-29.

136. Маремкулова, Р.Н. Актуальные проблемы правового регулирования местного самоуправления в России / Р.Н. Маремкулова, А.А. Гукежева, Л.З. Кунижева, И.Р. Чепкенчиев // Вопросы экономики и права. – 2017. – № 104. – С. 26-31.

137. Маркварт, Э. Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности / Э. Маркварт // Российский экономический журнал. – 2016. – № 6. – С. 3–17.

138. Маркварт, Э. Территориальное реформирование местного самоуправления в германии и России на современном этапе / Э. Маркварт, Й. Францке // Пространственная Экономика. – 2017. – № 3. – С. 40-61.

139. Маркварт, Э., Соснин, Д., Территориальные реформы местного самоуправления: оценка предпосылок и эффектов / Э. Маркварт, Д. Соснин // Местное право. – 2018. – № 4. – С. 19-34.

140. Маркова, Е.Н. Общественная и (или) публичная власть: проблема соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. / Е.Н. Маркова // Конституционное реформирование. – 2021. – №12. – С.24-29.

141. Мартынова, Т.Н. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи /

Т.Н. Мартынова, М.С. Яницкий, А.А. Зеленин, С.А. Пфетцер // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 1 (33). – С. 160–167.

142. Масуда, Е. Компьютопия / Е. Масуда // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 6. – С. 36-47.

143. Матвеев, М.Н. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством / М.Н. Матвеев, О.В. Турганова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 7-12.

144. Мельников, И.А. Развитие института местного самоуправления в условиях становления гражданского общества в России: дис. ... канд. полит. наук / И.А. Мельников. – М., 2018. – 157 с.

145. Мерсиянова, И.В. Подходы к решению проблем формирования социальной базы местного самоуправления при стратегическом планировании развития муниципальных образований / И.В. Мерсиянова. – Новосибирск: Ин-т неправительств. сектора, 2003. – 39 с.

146. Мерсиянова, И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России / И.В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления– 2008. – № 1. – С. 52-66.

147. Мерсиянова, И.В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 2. – С. 5–24.

148. Мерсиянова, И.В. Социальная база российского гражданского общества / И.В. Мерсиянова // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 35–46.

149. Мирзаев, М.А. Историко-правовой анализ развития местного самоуправления в 1990-е годы в Российской Федерации / М.А. Мирзаев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – №2. – С. 34-38.

150. Мирошниченко, И.В. Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития / И.В. Мирошниченко // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 3. – С. 68–86.

151. Михайлова, О.В. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «стратегия Чеширского кота» по управлению сетями / О.В. Михайлова // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 6–18.

152. Михеева, И.В. Местное самоуправление на современном этапе векторы оптимизации / И.В. Михеева // Политико-правовые проблемы взаимодействия муниципальных образований с различными уровнями власти: Материалы VII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 150-летию земской реформы, Саратов, 1–2 июля 2014 г. Выпуск 7. – Саратов: издательство «Саратовский источник», 2014. – С. 104-107.

153. Молодов, О.Б. Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне / О.Б. Молодов // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6(86). – С. 132–146.

154. Мухаметов, Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развитие / Р.С. Мухаметов // Вопросы управления. – 2015. – № 36. – С. 36–42.

155. Невеличко, Л.Г. Самоорганизации населения: концептуальные основы формирования и социальная практика / Л.Г. Невеличко // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 4 (101). – С. 202–210.

156. Невская, Т.А. Гражданский активизм как ресурс политического администрирования медиапространства: российский и международный опыт / Т.А. Невская // Социодинамика. – 2020. – № 9. – С. 18–29.

157. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер; пер. М.Я. Каждана. – М.: Финстатинформ, 2000. – 472 с.

158. Нефедова, Т.Г. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России / Т.Г. Нефедова, Н.В. Мкртчян // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2017. – № 5. – С. 58–67.

159. Нехайчук, Д.В. Укрепление бюджетного потенциала для обеспечения финансовой независимости органов местного самоуправления / Д.В. Нехайчук, Ю.С. Нехайчук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 99-109.

160. Никовская, Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы / Л.И. Никовская // Государство и граждане в электронной среде. – 2017. – № 1. – С. 144–158.

161. Никовская, Л.И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л.И. Никовская, И.А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.

162. Новек, Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее / Б. Новек; пер. А. Токтонов. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 290 с.

163. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. А.Н. Нестеренко – М.: Начала, 1997. – 190 с.

164. Нотман, О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы / О.В. Нотман // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2021. – № 2 (62). – С. 86–94.

165. Олсон, М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 165 с.

166. Орлова, Е.В. Факторы и причины финансово-бюджетной несостоятельности муниципальных образований в современных условиях. / Е.В. Орлова // Вестник университета. – 2018. – №5. – С. 64–71.

167. Орлова, И.В. Формирование механизмов саморегуляции и становление системы народовластия в современной России / И.В. Орлова, С.В. Рогачев // Социально-политические науки. – 2019. – № 2. – С. 10–14.

168. Осборн, Д., Пластрик, П. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик; пер. и ред. Л.И. Лопатникова. – М.: ИГ «Прогресс», 2001. – 535 с.

169. Особенности ротации корпуса мэров в современной России. Доклад Комитета гражданских инициатив / Сост. Гринева Д.Д., Коротеева П.П., Максимов А.Н., Соснин Д.П., Трудолюбков А.С. – М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2020/12/Mayors.pdf> (дата обращения 12.09.2022)

170. Остром, Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия / Э. Остром; пер. Т. Монтян. – Киев, 2013. – 400 с.

171. Павлов, А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией / А.В. Павлов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 46–57.

172. Пакшенкова, С.В. Опыт укрупнения муниципальных образований в российской и зарубежной практике / С.В. Пакшенкова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-1 (66). – С. 272–276.

173. Парма, Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе / Р.В. Парма // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13 – № 2. – С. 31–47.

174. Патрушев, С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) / С.В. Патрушев // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24–32.

175. Пациорковский, В.В. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. / В.В. Пациорковский, Ю.А.

Симагин, Д.Д. Муртузалиева // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 59–77.

176. Пациорковский, В.В. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России / В.В. Пациорковский, Ю.А. Симагин, Д.Д. Муртузалиева // Народонаселение. – 2018. – №4. – С. 36–49.

177. Перевезенцева, Т.В. Исторический аспект развития народного правотворчества в России / Т.В. Перевезенцева // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 316–320.

178. Петухов, В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14.

179. Петухов, В.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы / В.В. Петухов, Р.В. Петухов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 25–48.

180. Петухов, Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм / Р.В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4(122). – С. 60–71.

181. Плотников, А.А. Общественное участие в местном самоуправлении: декларации и реальность / А.А. Плотников // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (182). – С. 74–76.

182. Полуниин, К.Е. Иерархия целей устойчивого развития города и методология оценки их достижения / К.Е. Полуниин, С.В. Серебрякова, А.А. Энговатова // Инновации. – 2019. – № 7 (249). – С. 50–58.

183. Полутин, С.В. Социологический портрет российского зоозащитного движения / С.В. Полутин, Е.А. Самойлова // Регионология. – 2020. – Т. 28. – № 1. – С. 184–199.

184. Попов, С.И. Генезис и развитие местного самоуправления в России в советский период / С.И. Попов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 24–33

185. Попова, О.В. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам / О.В. Попова, С.И. Суслов // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182.

186. Попова, С.Ю. Социально-политическая и гражданская активность молодежи: между массовизацией и индивидуализацией / С.Ю. Попова, А.В. Селезнева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 10, № 1(37). – С. 12–22.

187. Пустовойт, Ю.А. Городские политические режимы: типология, причины формирования и возможности акторов / Ю.А. Пустовойт // Вестник Бурятского университета. Экономика и менеджмент. – 2017. – № 3.– С. 9–16.

188. Пустовойт, Ю.А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности / Ю.А. Пустовойт // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 122-130.

189. Пырма, Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций / Р.В. Пырма // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 74–81.

190. Пятковская, Ю.В. Инициативное бюджетирование в Сибирском федеральном округе: сравнительно-правовое исследование / Ю.В. Пятковская, Н.В. Васильева // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49440532_14442269.pdf (дата обращения: 11.01.2023).

191. Разинский, Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: пути оптимизации взаимоотношений / Г.В. Разинский // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – №3. – С. 162-173.

192. Реннер, К. Теория капиталистического хозяйства: марксизм и проблема социализирования / К. Реннер; пер. Г.Б. Гермаидзе. – М.: Государственное изд-во, 1926. – 336 с.

193. Родоман, Б.Б. Россия – административно-территориальный монстр // Полит.ру [электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2004/11/04/rodoman/> (дата обращения 27. 02. 2023).
194. Рослякова, М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления / М.В. Рослякова // Политика и общество. – 2018. – № 8. – С. 42–55.
195. Рыбакова, С.С. Особенности и проблемы участия граждан в процессе принятия решений органами государственной власти / С.С. Рыбакова // Московский экономический журнал. – 2020. – № 12. – С. 761–775.
196. Рыков, А.Н. Необходима ли новая реформа местного самоуправления? / А.Н. Рыков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2018. – № 4. – С. 44–58.
197. Рыков, А.Н. Соотношение государственного и муниципального интересов как интересов возникающих в сфере публичной власти / А.Н. Рыков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 4–18.
198. Савельева, Е.А. Гражданская активность в современной России: возможности концептуализации и эмпирического изучения: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е.А. Савельева. – М., 2015. – 24 с.
199. Савченко, Д.В. Социальная ответственность и гражданская активность как факторы формирования безопасного просоциального поведения / Д.В. Савченко, П.А. Кисляков, Н.В. Белякова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 60–64.
200. Саломаткин, А.С. Комментарий к статье 10 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / А.С. Саломаткин, В.В. Свиначев // Юридический вестник. – 2007. – № 1. – С. 3–21.
201. Селезнев, П.А. Протестные движения в современной России / П.А. Селезнев // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 334–338.

202. Селиванова, А.О. Формы политического участия: проблема типологизации / А.О. Селиванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 354–357.
203. Сергеева, С.Ю. Формы и уровень социальной активности граждан в современной России (по результатам вторичного анализа) / С.Ю. Сергеева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 13. – С. 41–44.
204. Симагин, Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения / Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2013. – № 4 (62). – С. 87–93.
205. Симагин, Ю.А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке / Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 4. – С. 4–22.
206. Симагин, Ю.А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне / Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 60–69.
207. Скалабан, И.А. Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска) / И.А. Скалабан // Caucasian Science Bridge. – 2021. – Т. 4. – № 4(14). – С. 138–142.
208. Скалабан, И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? / И.А. Скалабан // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. № 2(24). – С. 78–87.
209. Скалабан, И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий / И.А. Скалабан // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1(13). – С. 130–139.
210. Скалабан, И.А. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) / И.А. Скалабан, З.Н. Сергеева, Ю.С. Лобанов // Мир России. – 2022. – Т. 31. – № 4. – С. 33–56.

211. Скрипкина, Ю.Г. Взаимодействие понятий «государственная власть» и «местное самоуправление» / Ю.Г. Скрипкина, Н.А. Корсикова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №1(85). – С. 61–65.

212. Смирнова, Ю.М. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества / Ю.М. Смирнова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4 (15). – С. 60–67.

213. Сморгунов, Л.В. Сетевая методология исследования политики / Л.В. Сморгунов // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 2 / Под ред. Г.П. Артёмова. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. – 140 с.

214. Сморгунов, Л.В. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы / Л.В. Сморгунов // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 20–33.

215. Сморгунов, Л.В. Политические сети. Теория и методы анализа / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. – М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 320 с.

216. Сморгунов, Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» / Л.В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 50–58.

217. Соколов, А.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А.В. Соколов, Я.В. Барский // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 6. – С. 42–47.

218. Соколов, А.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации / А.В. Соколов, Я.В. Барский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 68–74.

219. Соколов, А.В. Тенденции развития гражданского участия в современной России / А.В. Соколов, А.В. Палагичева // PolitBook. – 2016. – № 3. – С. 85–97.

220. Стариков, И.Г. Социальный капитал в сетях городских некоммерческих проектов: сетевой анализ аудиторий групп городских проектов в социальной сети ВКонтакте / И.Г. Стариков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2017. – № 11(85). – С. 24–32.

221. Стрельников, А.О. Некоторые проблемы правового регулирования организации местного самоуправления / А.О. Стрельников // Административное и муниципальное право. – 2017. – №1. – С. 8–15.

222. Сулейманова, З.С. Анализ формирования местных бюджетов Российской Федерации / З.С. Сулейманова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – №2. – С. 89–93.

223. Суходольский, Г.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: опыт системного исследования / Г.М. Суходольский // Муниципалитет: экономика и управление. – 2019. – № 3(28). – С. 20–30.

224. Сушко, М.Ю. Опыт укрупнения муниципальных образований в Саратовской области как фактор изменения сельской поселенческой структуры на современном этапе / М.Ю. Сушко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – №2. – С. 259–264.

225. Тилли, Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли; пер. Д. Карасева. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – 432 с.

226. Тимофеев, М.С. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. как правовая основа проведения земской реформы в России / М.С. Тимофеев // Вестник Российского Университета Кооперации. – 2014. – №1(15). – С. 111–116.

227. Титов, Э.А. Городское соуправление: концепция и современные исследования / Э.А. Титов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 1. – С. 173–194.

228. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль; пер. В.Т. Олейника и др. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

229. Трофимова, И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. – 2015. – № 4(372). – С. 72–77.

230. Трофимова, И.Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе / И.Н. Трофимова // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 2(10). – С. 5–17.

231. Трудюлюбов, А.С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России / А.С. Трудюлюбов // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 95–123.

232. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен; пер. Е.А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

233. Туровский, Р.Ф. Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности / Р.Ф. Туровский // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 35–51.

234. Тыканова, Е.В. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства / Е.В. Тыканова, А.М. Хохлова // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 104–122.

235. Усачева, О.А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации / О.А. Усачева // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сборник научных трудов. РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 214–227.

236. Уханова, Ю.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия / Ю.В. Уханова, И.В. Параничева // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4(102). – С. 132–147.
237. Фадеев, В.И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования / В.И. Фадеев // Lex Russica. – 2014. – № 4. – С. 396–412.
238. Фролов, А.А. Индекс гражданской активности: результаты исследований в Ярославской области / А.А. Фролов // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 9. – С. 120–126.
239. Фролов, А.А. Опыт индексного исследования гражданской активности на примере Ярославской области / А.А. Фролов, Я.В. Барский // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 12. – С. 76–82.
240. Фролова, Е.В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – №4. – С. 369–385.
241. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; пер. А.В. Александровой. – М, 2004. – 474 с.
242. Халий, И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 299 с.
243. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах. / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
244. Хрипков, К.А. Анализ габитуса гражданской активности в рамках локальной самоорганизации населения / К.А. Хрипков // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 11(67). – С. 59–61.
245. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ / Д.В. Хрипкова, М.С. Начкебия, М.Н. Реутова, К.А. Хрипков // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 55–68.

246. Хубаева, Д.Ф. Абсентеизм на муниципальных выборах в Российской Федерации / Д.Ф. Хубаева // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6 – № 3. – С. 133–138.

247. Черешнев, В.А. Выявление региональных особенностей старения населения России / В.А. Черешнев, Е.В. Чистова // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 2206–2223.

248. Черняк, Э.В. Государственная теория самоуправления в трудах европейских ученых Л. Штейна и Р. Гнейста / Э.В. Черняк // Вестник казанского технологического университета. – 2010. – №11. – С. 384–396.

249. Чиркин, В.Е. Организационные формы местного самоуправления: Россия и зарубежный опыт / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 96–104.

250. Чихладзе, Л.Т. Концепция смешанной (дуалистической) модели местного самоуправления / Л.Т. Чихладзе // Вестник Московского университета МВД РОССИИ. – 2011. – №7. – С. 109–114.

251. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Ч.1 / Б.Н. Чичерин. – М.: типография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1894. – 482 с.

252. Шамхалов, М.А. Местное самоуправление: между государственной властью и гражданским обществом / М.А. Шамхалов // Власть. – 2011. – № 3. – С. 163–171.

253. Шашкова, Я.Ю. Мотивы и факторы политической активности учащейся молодежи приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока / Я.Ю. Шашкова, С.Ю. Асеев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 231–242.

254. Ширяева, В.А. Доверие населения к органам муниципальной власти как основа активного участия граждан в общественной жизни муниципального образования: современное состояние / В.А. Ширяева, И.Ю. Ленская // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 183–186.

255. Шубин, Ю.А. Местное самоуправление и гражданское общество / Ю.А. Шубин // Вестник Московского Государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 1. – С. 9–12.

256. Шугрина, Е.С. Понятие местного самоуправления как конституционной ценности / Е.С. Шугрина // Юридический мир – 2016. – № 2. – С. 16–20

257. Шульженко, Ю.Л. Лекции по русскому государственному праву Н.И. Лазаревского / Ю.Л. Шульженко // Труды института государства и права российской академии наук. – 2012. – Т.16. – №3. – С.11–27.

258. Шустов, В.Г. Теории местного самоуправления. Политологический аспект / В.Г. Шустов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 2. – С. 244–250.

259. Щенина, О.Г. Многомерный характер развития сетевого общества / О.Г. Щенина // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С. 185–191.

260. Юханов, Н.С. Российское гражданское общество: общее, особенное, единичное. Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях (материалы круглого стола 15.09.2009) / Н.С. Юханов // Вестник РУДН. Серия «Политология». – 2009. – № 4. – С. 106–109.

261. Ягодка, Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России / Н.Н. Ягодка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 4. – С. 128–140.

262. Barrett, M. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective / M. Barrett, I. Brunton-Smith // Journal of Civil Society. – 2014. – Vol. 10(1). – P. 5–28.

263. Building Sustainable Cities: Social, Economic and Environmental Factors / ed. by A. Alvarez-Risco, M. Rosen, S. Del-Aguila-Arcenales, D. Marinova. – Cham: Springer, 2020. – 349 p.
264. Brzel, T. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks / T. Brzel // Public Administration. – 1998. – No. 76(2). – P. 253–273.
265. Buchstein, H. Bytes that Bite: The Internet and Deliberative Democracy / H. Buchstein // Constellations. – 1997. – Vol. 4. – P. 248–263.
266. Castells, M. A Network Theory of Power / M. Castells // International Journal of Communication. – 2011. – Vol. 5. – P. 773–787.
267. Castells, M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age / M. Castells. – Cambridge: Polity Press, 2012. – 318 p.
268. Chadwick, A. Interaction between States and Citizens in the Age of Internet: «e-Government» in the United States, Britain and the European Union / A. Chadwick, C. May // Governance. – 2003. – Vol. 16. No 2. – P. 271–300.
269. Clift, S. E-government and democracy. Representation and citizen engagement in the information age / S. Clift. – Minneapolis, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://stevenclift.com/wp-content/uploads/2009/05/cliftegovdemocracy.pdf> (дата обращения: 21.08.2022).
270. Coleman, J.S. A New Agenda for E-Democracy / J.S. Coleman, D.F. Norris // Oxford Internet Institute. Forum Discussion Paper. – 2005. – No 4. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.oii.ox.ac.uk/resources/publications/FD4.pdf> (дата обращения: 21.08.2022).
271. Coleman, J.S. Foundations of social theory / J.S. Coleman. – London: Belknap press of Harvard univ. press, 1990. – 993 p.
272. Darrell, M.W. Digital Government: Technology and Public Sector Performance / M.W. Darrell. – Princeton, 2005. – 234 p.
273. Davies, J.C. Toward a theory of revolution / J.C. Davies // American Sociological Review. – 1962. – Vol. 27. – No. 1. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.louischauvel.org/DAVIES2089714.pdf> (дата обращения: 21.08.2022).

274. Digital Democracy. Discourse and Decision Making in Information Age / Ed. by Hague B., Loader B. – London: Routledge, 1999. – 277 p.
275. Domaradzka, A. Urban social movements and the right to the city: an introduction to the special issue on urban mobilization / A. Domaradzka // *Voluntas: International journal of voluntary and Political science*. – 2018. – Vol. 29. No 4. – P. 607–620.
276. Ekman, J. Political participation and civic engagement: Towards a new typology / J. Ekman, E. Amno // *Human Affairs*. – 2012. – Vol. 22. – P. 283–300.
277. Etzioni, A. The Good Society / A. Etzioni // *Seattle Journal of Social Justice*. – 2002. – Vol. 1. Issue 1. – P. 83–96.
278. Etzioni, A. The spirit of community: rights, responsibilities and communitarian agenda / A. Etzioni. – New-York: crown Publ, 1993. – 313 p.
279. Fischel, W. The Homevoter Hypothesis: How Home Values Influence Local Government Taxation, School Finance, and Land-Use Policies / W. Fischel. – Harvard University, 2005. – 344 p.
280. Galston W. The promise of communitarianism // *National Civic Review*. 2007. No. 82(3). P. 217–220.
281. George, J.J. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism / J.J. George, D.E. Leidner // *Information and Organization*. – 2019. – Vol. 29. Issue 3. – P. 1-45.
282. Hanf, K. Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter-Organizational Relations / K. Hanf, L. O’Toole // *European Journal of Political Research*. Special Issue. – 1992. – Vol. 21 (1–2). – P. 163–180.
283. Hess, D.J. Localism and the Environment / D.J. Hess // *Sociology Compass*. – 2008. – No 2(2). – P. 625-638.
284. Hubbard, P. Accommodating Otherness: Anti-Asylum Centre Protest and the Maintenance of White Privilege / P. Hubbard // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2005. – Vol. 30. – No. 1. – P. 52–65.

285. Jacobsson, K. Urban grassroots movement in Central and Eastern Europe / K. Jacobsson. – Farnham: Ashgate. 2015. – 322 p.
286. Jas, P. Different regulatory regimes in different parts of the UK? A comparison of narrative and practice in relation to poor performance in local government / P. Jas, C. Skelcher // *Local Government Studies*. – 2014. – No 40 (1). – P. 121-140.
287. Jelinek, M. Towards entrepreneurial organizations, meeting ambiguity with engagement / M. Jelinek, J.A. Litterer // *Entrepreneurship Theory and Practice*. – 1995. – Vol. 19. – No. 3. – P. 137–168.
288. Katz, B. The New Localism: How cities can thrive in the age of populism / B. Katz, J. Nowak. – Brooklyn: Institution Press, 2018. – 304 p.
289. Knill, C. Private Actors and the State: Internationalization and Changing Patterns of Governance / C. Knill, D. Lehmkuhl // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. – 2002. – Vol. 15. No 1. – P. 41–63.
290. Knoke, D. Network Analysis / D. Knoke, J. Kuklinski. – Beverly Hills, 1982. – 96 p.
291. Laurence, J. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World / J. Laurence, L. O’Toole // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 1997. – Vol. 7. – P. 233–259.
292. Lipsky, M. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service / M. Lipsky. – New-York, 2010. – 300 p.
293. Marsh, D. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach / D. Marsh, M. Smith // *Political Studies*. – 2000. – Vol. 48. – No 1. – P. 4-21.
294. McCarthy, J.D. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory / J.D. McCarthy, M.N. Zald // *American Journal of Sociology*. – 1977. – No 82(6). – P. 1212-1241.
295. Milbrath, L.W. Political participation / L.W. Milbrath // *The handbook of political behavior*. – Boston: Springer. 1981. – P. 197–240.

296. O'Toole, L. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World / L. O'Toole // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 1997. – Vol. 7. – P. 443-459.
297. Osborne, D. Reinventing government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / D. Osborne, T. Gaebler. – New-York: Plume, 1993. – 428 p.
298. Ostrom, E. Green from the Grassroots / E. Ostrom // Project Syndicate [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots-2012-06> (дата обращения: 27.07.2022).
299. Pierry, J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics / J. Pierry // *Urban Affairs Review*. – 1999. – Vol. 34. – No. 3. – P. 372-396.
300. Pont, S. Digital State: How the Internet is Changing Everything / S. Pont. – London: Kogan Page, 2013. – 256 p.
301. Putnam, R. Better together: restoring the American community / R. Putnam. – New-York, 2003. – 336 p.
302. Rhodes, R. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches / D. Marsh, R. Rhodes. – New-York: Oxford University Press, 1992. – 295 p.
303. Skelcher, C. Hybrid Governance in European Cities: Neighbourhood, Migration and Democracy / C. Skelcher, H. Sullivan, S. Jeffares. – Basingstoke: Palgrave, 2013. – 190 p.
304. Stevenson, H.H. A paradigm of entrepreneurship: entrepreneurial Management / H.H. Stevenson, J.C. Jarillo // *Strategic Management Journal*. –1990. – No. 11. – P.17–27.
305. Stewart, J. Dilemmas of Engagement: The Role of Consultation in Governance / J. Stewart. – Canberra: ANU Press. 2009. – 85 p.

306. Sundstrom, L.M. The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia / L.M. Sundstrom, L.A. Henry, B.V. Sperling // East European Politics and Societies. – 2022. – Vol. 36(4). – P. 1377–1399.

307. Theocharis, Y. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement / Y. Theocharis, J. Van Deth. – New-York, 2017. – 144 p.

308. Tykanova, E. Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non-) Participation in Decision-Making About the Futures of City Territories / E. Tykanova, A. Khokhlova // International Journal of Politics, Culture, and Society. – 2020. – Vol. 33. No. 2. – P. 181–202.

309. United Nations human settlements programme. The Global Campaign on Urban Governance. – Nairobi, 2004. – 91 p.

310. Van Dijk, J. The Network Society / J. Van Dijk/ – London: SAGE Publications. 2012. – 292 p.

311. Vromen, A. Digital Citizenship and Political Engagement. The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations / A. Vromen. – London: Palgrave Macmillan. 2017. – 278 p.

312. Wilkins, D.J. All click, no action? Online action, efficacy perceptions, and prior experience combine to affect future collective action / D.J. Wilkins, A.G. Livingstone, M. Levine // Computers in Human Behavior. – 2019. – Vol. 91. – P. 97–105.

313. Zuckerman, E. New Media, New Civics? / E. Zuckerman // Policy & Internet. – 2014. – Vol. 6. – Vol. 2. – P. 151–168.

Гражданские сообщества Юго-Западной Сибири экологической и
зоозащитной направленности, декабрь 2022 г.

№	Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Подписчики
1	Мусора.больше.нет	Алтайский край	ВКонтакте	5236
			Одноклассники	329
			YouTube	106
2	Раздельный сбор Барнаул	Алтайский край	Instagram	8689
3	Живая Земля	Новосибирская обл.	ВКонтакте	3763
4	Зеленая белка	Новосибирская обл.	ВКонтакте	7987
			Instagram	12800
			Twitter	44
			Facebook	347
			YouTube	130
5	Чистый мир. Томск	Томская обл.	ВКонтакте	5962
			Instagram	3564
			Сайт	–
6	Экологическое движение «Зелёный луч» Томск	Томская обл.	ВКонтакте	3279
			Instagram	132
			Сайт	–
7	ЭкоКемерово. Экологическое сообщество	Кемеровская обл.	ВКонтакте	2388
			Instagram	2901
			Одноклассники	1206
			YouTube	73
8	Клуб ЭКО осознанности Новая ЭРА	Томская обл.	ВКонтакте	821
9	КуРСОр (Мы за Чистый мир)	Томская обл.	ВКонтакте	1351
10	Жить экологично в Кузбассе	Кемеровская обл.	ВКонтакте	1317
11	Алтайский краевой детский экологический центр	Алтайский край	ВКонтакте	

12	Зелёное движение «ЭКА» Новосибирская область	Новосибирская обл.	ВКонтакте	462
13	ЭКОЦЕНТР – Центр рециклинга и экологии_КУЗБАСС	Кемеровская обл.	ВКонтакте	868
14	Зеленый курс	Кемеровская обл.	ВКонтакте	489
15	Батарейки, Сдавайтесь! Томск	Томская обл.	ВКонтакте	1493
16	Расти, город Томск	Томская обл.	ВКонтакте	367
17	Экоцентр ProZero	Новосибирская обл.	ВКонтакте	2020
18	Крышки Енота	Новосибирская обл.	ВКонтакте	3469
19		Алтайский край	ВКонтакте	290
20	#ПОДЕЛИСЬ_КРЫШЕЧКОЙ	Кемеровская обл.	ВКонтакте	240
21	ЭКОДВОР – Кемерово	Кемеровская обл.	ВКонтакте	320
22	Экодвор Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	235
23	Чистые игры	Алтайский край	ВКонтакте	276
24		Томская обл.	ВКонтакте	202
25		Новосибирская обл.	ВКонтакте	655
26	Томск в защиту Академгородка, озер и леса	Томская обл.	ВКонтакте	884
27	Защитим Томскую тайгу	Томская обл.	ВКонтакте	3192
28	Алтайский краевой Совет по защите лесов	Алтайский край	ВКонтакте	478
29	Эко–парк «Ползуновъ»	Алтайский край	ВКонтакте	677
30	Открытая Эко Школа «Чистые берега»	Алтайский край	ВКонтакте	834
31	Сохраним Заельцовский бор!	Новосибирская обл.	ВКонтакте	340
32	Общество защиты животных в г. Бийске «9 жизней»	Алтайский край	Одноклассники	778
			ВКонтакте	1 962
33	«Ноев ковчег»– общественная организация	Алтайский край	ВКонтакте	1 545
34	Зоохелп: Помощь бездомным животным г.Барнаула	Алтайский край	ВКонтакте	8 144
35	animal_nsk – Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	3 264
36	ВО «ПОМОГАЙ ЖИВОТНЫМ!» (Кемерово)	Кемеровская обл.	ВКонтакте	9 373
37	Зоозащита Томск 6 рукопожатий	Томская обл.	ВКонтакте	14 098
38	Алекс (Сообщество защиты животных)	Томская обл.	ВКонтакте	4 697

Гражданские сообщества Юго-Западной Сибири урбанистической и
градозащитной направленности, декабрь 2022 г.

	Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Подписчики
1	Шпиль – Барнаульское городское сообщество	Алтайский край	ВКонтакте	1093
			Facebook	2400
2	Градика – городские инициативы и проблемы	Алтайский край	ВКонтакте	1237
			Сайт	–
3	Стрекалов. Благоустроенный Новосибирск	Новосибирская обл.	ВКонтакте	3951
			Одноклассники	14
4	Город не бесит	Томская обл.	ВКонтакте	157
			Instagram	4 139
			Telegram	2 653
5	Цивилизованный город	Алтайский край	ВКонтакте	1149
6	Партнёрство «Городской конструктор»	Новосибирская обл.	ВКонтакте	338
7	Городские реновации Новосибирская область	Новосибирская обл.	ВКонтакте	570
8	Центр Урбанистики Алтайского края	Алтайский край	ВКонтакте	205
9	Новосибирск комфортная среда	Новосибирская обл.	ВКонтакте	35
10	Городские проекты	Алтайский край	ВКонтакте	225
11		Новосибирская обл.	ВКонтакте	695
12		Томская обл.	ВКонтакте	609
13		Кемеровская обл.	ВКонтакте	346
14	Изнанка Барнаула. Гражданский патруль	Алтайский край	ВКонтакте	570
15	Гражданский патруль	Алтайский край	ВКонтакте	125
16		Новосибирская обл.	ВКонтакте	4141

17		Кемеровская обл.	ВКонтакте	162
18	Транспорт и дороги Новосибирска	Новосибирская обл.	ВКонтакте	1636
19	Маршрутка TV	Новосибирская обл.	ВКонтакте	956
20	TRANSPORT.БРН	Алтайский край	ВКонтакте	775
21	Субботники Парк БМК – народный парк	Алтайский край	ВКонтакте	109
22	Субботники на Спичке	Алтайский край	ВКонтакте	633
23	Сохраним Военный городок №17 в Новосибирске!	Новосибирская обл.	ВКонтакте	24
24	Гражданин ОББГЭС	Новосибирская обл.	ВКонтакте	324
25	ТРОД «Исторический центр»»	Томская обл.	ВКонтакте	47
26	Барнаульский Нытик	Алтайский край	Telegram	1705
27	Бердск: Всё плохо	Новосибирская обл.	ВКонтакте	1224
28	Умный транспорт Томска	Томская обл.	ВКонтакте	1129
29	Делай Томск лучше!	Томская обл.	ВКонтакте	1118
			Telegram	96
30	Велосипедисты Томск ВелоВыход	Томская обл.	ВКонтакте	1998
31	ПЕРЕКЛИЧКА! Томский центр городских сообществ	Томская обл.	ВКонтакте	67
32	URBAN.LAB.TOMSK Городские эксперименты	Томская обл.	ВКонтакте	198
33	Город, где хочется жить	Томская обл.	ВКонтакте	1855
34	UProject	Новосибирская обл.	ВКонтакте	706
			Instagram	147
35	Архдозор–Бийск	Алтайский край	ВКонтакте	245

Гражданские сообщества Юго-Западной Сибири гражданско-патриотической направленности, декабрь 2022 г.

№	Название сообщества	Регион	Интернет-площадка	Подписчики
1	Historical Barnaul	Алтайский край	Вконтакте	401
2	Шаги истории. Кузбасс.	Кемеровская обл.	Вконтакте	403
3	Старый Кемерово История Кузбасса	Кемеровская обл.	Вконтакте	312
4	Городской гражданско-патриотический центр (ГГПЦ)	Новосибирская обл.	Вконтакте	2130
5	Барнаул вдоль и поперек. История	Алтайский край	Вконтакте	778
6	Истории малой родины	Томская обл.	Вконтакте	446
7	Легенды, истории и сказки о городе Барнауле	Алтайский край	Вконтакте	151
8	Urban History. Неизвестный Барнаул	Алтайский край	Вконтакте	4947
			Instagram	1857
9	Город Добрых Дел Томск Волонтером Быть!	Томская обл.	Вконтакте	2451
10	Купеческий Квартал	Алтайский край	Вконтакте	541
11	Клуб исторической реконструкции Северный Берег	Новосибирская обл.	Вконтакте	1045
12	Клуб исторического фехтования «Миф»	Томская обл.	Вконтакте	478
13	ИСТОРИЯ БИЙСКА (город и люди)	Алтайский край	Вконтакте	693
14	Взвод «Настоящий патриот»	Кемеровская обл.	Вконтакте	247
15	Гражданская Самооборона Новосибирск	Новосибирская обл.	Вконтакте	643
			YouTube	45
16	Кузбасс будущего	Кемеровская обл.	Вконтакте	4 653

Анкета экспертного опроса.

Уважаемый эксперт!

Просим Вас принять участие в исследовании гражданской активности в регионах Юго-Западной Сибири. Просим Вас отметить вариант ответа, соответствующий вашей организации, или написать собственный. Некоторые вопросы подразумевают несколько вариантов ответа.

Результаты исследования будут использованы в обобщенном виде.

1. Цели и задачи Вашего сообщества.

2. Год основания сообщества. _____

3. На каких интернет-площадках представлено Ваше сообщество? *(можно отметить несколько вариантов)*

а) ВКонтакте

б) Telegram

в) Facebook

г) Twitter

д) Собственный сайт

е) Другое _____

4. Предшествовали ли основанию Вашего сообщества другие объединения?

а) Да. (укажите, какие) _____

б) Нет.

5. Имеются ли в сообществе постоянные организационные структуры/должности (помощники руководителя, координационный совет, конференция активистов и т.д.?)

а) Да. (укажите, какие) _____

б) Нет.

6. Как часто обновляется информация на странице или в группе сообщества?

а) Ежедневно;

в) 2-3 раза в неделю;

г) Еженедельно;

д) Раз в несколько недель / Ежемесячно;

е) Нерегулярно.

7. В какой форме осуществляется обратная связь с участниками сообщества? *(можно отметить несколько вариантов)*

а) Через сбор писем / сообщений в социальных сетях и мессенджерах;

б) Через «горячую линию» для телефонных звонков;

в) В форме постоянной беседы / чата в группе;

г) В форме офф-лайн встреч;

д) Другое _____

е) Не осуществляется.

8. Какие формы активности, в том числе политической, Вы считаете приемлемыми для достижения поставленных целей? *(можно отметить несколько вариантов)*

а) Активность в социальных сетях и мессенджерах;

б) Работа со СМИ;

в) Петиции, обращения;

г) Публичные одиночные мероприятия;

д) Публичные массовые мероприятия;

е) Постоянно действующие проекты;

ж) Сотрудничество с политическими партиями и ОПД;

з) Совместные проекты с органами власти;

и) Совместные проекты с НКО и фондами;

к) Другое _____

9. Какие формы деятельности используются Вашим сообществом? *(можно отметить несколько вариантов и приведите примеры)*

а) Активность в социальных сетях и мессенджерах;

б) Работа со СМИ;

в) Петиции, обращения;

г) Публичные одиночные мероприятия;

д) Публичные массовые мероприятия;

е) Постоянно действующие проекты;

ж) Сотрудничество с политическими партиями и ОПД;

з) Совместные проекты с органами власти;

и) Совместные проекты с НКО и фондами;

к) Другое _____

10. Поддерживает ли Ваше сообщество связи с другими сообществами и НКО?

а) Да.

б) Нет.

11. Если да, то с какими?

12. Является ли Ваше сообщество частью общероссийской или глобальной сети?

- а) Да. (укажите, какой) _____
б) Нет.

13. Поддерживаются ли связи с органами власти и МСУ?

- а) Да.
б) Нет.

11. Принимает ли Ваше сообщество участие в деятельности следующих структур? (можно отметить несколько вариантов)

- а) Органы МСУ;
б) Общественная палата;
в) Экспертные и консультативные советы;
г) СМИ;
д) Другое _____
е) Не принимает.

12. В состав каких структур входят (работают) члены или сторонники ваших сообществ? (можно отметить несколько вариантов)

- а) Органы МСУ;
б) Общественная палата;
в) Экспертные и консультативные советы;
г) СМИ;
д) Другое _____
е) Нет представительства (работающих).

13. Были ли случаи противодействия деятельности Вашего сообщества со стороны местных властей?

- а) Да.
б) Нет.

14. Если «да», то в чем это выразалось?

15. Осуществляется ли материальная поддержка деятельности Вашего сообщества из следующих источников?

	Да	Нет	Не обращались за поддержкой
Другие некоммерческие организации			
Общественные и благотворительные фонды			

Государственные гранты			
Местные органы власти			
Участники и сторонники сообщества			
Другое			

16. Как вы оцениваете перспективы развития своего сообщества?

- а) Бурные рост и развитие;
- б) Скорее развитие;
- в) Останется без изменений;
- г) Скорее кризис;
- д) Кризис;
- е) Затрудняюсь ответить.

17. Почему? *(прокомментируйте свою оценку)*

18. Дайте краткий прогноз динамики актуальности вашей проблемной сферы в регионе ?

- а) Актуальность будет возрастать;
- б) Актуальность проблемы сохранится на прежнем уровне;
- в) Актуальность проблемы снизится;
- г) Затрудняюсь ответить.

19. Дайте прогноз развития вовлеченности граждан в решение вопросов Вашей проблемной сферы?

- а) Число участников сильно увеличится;
- б) Незначительно увеличится;
- в) Останется без изменений;
- г) Несколько уменьшится;
- д) Сильно уменьшится;
- е) Затрудняюсь ответить.

И в заключение, несколько слов о себе.

20. Ваш пол.

- а) Мужской
- б) Женский

21. Ваш возраст.

- а) 18-25 лет.
- б) 26-40 лет.
- в) 41-60 лет.
- г) от 61 года.

22. Ваш уровень образования

а) Среднее. б) Среднее специальное. в) Высшее

23. Ваш статус в организации

а) Активист. б) Координатор (модератор) сообщества. в) Руководитель

24. Является ли сообщество (НКО) Вашим основным местом работы?

а) Да б) Нет

Благодарю за сотрудничество!